

**МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЛГПУ»)**

КУЯНЦЕВА Е. А., СЕРОСТАНОВА О. Б.

**РОССИЯ КАК СУВЕРЕННАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ:
КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ
АСПЕКТ**

Монография

Луганск
2024

УДК 316.324.8:316.722:316.774 (470+571)

ББК 87.633.145.2:60.524.224

К 96

*Рекомендовано научной комиссией
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Луганский государственный педагогический университет»
(протокол № 3 от 25.10.2024)*

Р е ц е н з е н т ы :

Прутцков Г. В. – доктор филологических наук, доцент, профессор института медиа НИУ «Высшая школа экономики»;

Патерыкина В. В. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории искусств и эстетики ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского»;

Молодцов Б. И. – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет».

Куянцева, Е. А., Серостанова, О. Б.

К 96 Россия как суверенная цивилизация: культурно-информационный аспект: монография / Е. А. Куянцева, О. Б. Серостанова ; ФГБОУ ВО «ЛГПУ». – Луганск: Издательство ЛГПУ ; ИП Орехов Д.А., 2024. – 256 с.

ISBN 978-5-6053043-9-5 (ИП Орехов Д.А.)

В монографии осуществлен анализ практики применения культурных и духовных ценностей в качестве инструмента для противодействия информационным атакам и сохранения самобытности России в качестве цивилизации. Особое внимание уделяется роли Русской православной церкви и традиционных российских культурных институтов в формировании информационной повестки и защите национальных интересов. Также рассмотрена роль Украины в современной информационной агрессии, которую проявляют страны коллективного Запада по отношению к России.

УДК 316.324.8:316.722:316.774 (470+571)

ББК 87.633.145.2:60.524.224

ISBN 978-5-6053043-9-5 (ИП Орехов Д.А.)

© Куянцева Е. А., Серостанова О. Б., 2024

© ФГБОУ ВО «ЛГПУ», 2024

© Оформление ИП Орехов Д.А., 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
РАЗДЕЛ 1. ДУХОВНЫЕ ИСТОКИ: РОССИЯ КАК ОПЛОТ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ	8
1.1. Основные историко-культурные концепции: цивилизационный подход	8
1.2. Византийское наследие: Россия как продолжатель православной цивилизации	19
1.3. Культурные аспекты панславизма: от мечты к реальности	24
1.4. Евразийские горизонты: идеалы евразийской идентичности	29
1.5. Россия: православный мир в современном глобальном контексте	35
РАЗДЕЛ 2. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	51
2.1. Роль государства в формировании социокультурной среды	51
2.2. Просьюмеризм в России: от потребительской к массовой культуре	65
2.3. Анализ культурных индустрий в России: от индивидуализма до групповой идентичности	73
2.4. Медиа и глобализация	92
2.5. Бренды, медиа и культура	99
РАЗДЕЛ 3. РОЛЬ УКРАИНЫ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ РОССИИ С ЗАПАДОМ	106

3.1. Осмысление пути развития украинской журналистики в научном дискурсе	110
3.2. Цивилизационный выбор Украины: путь в Европу и противостояние с Россией	127
3.3. Национальные ценности Украины в русле русофобии	138

РАЗДЕЛ 4. ЭВОЛЮЦИЯ РУСОФОБИИ В УКРАИНСКОМ МЕДИЙНОМ ПОЛЕ КАК УГРОЗА РОССИИ	147
--	------------

4.1. «Свобода слова» и русофобия в украинской журналистике 1990 – 2004 гг.	147
4.2. Выбор Украины – европейский вектор развития и противоборство с Россией (украинская журналистика 2004 – 2014 гг.)	158
4.3. Украина как антироссийское пространство: путь к радикальному национализму (2014 – 2022)	168
4.4. Пропаганда и цензура: украинская журналистика в период СВО (2022 – по настоящее время)	188

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	215
-------------------	------------

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	218
--	------------

ВВЕДЕНИЕ

Вызовы, перед которыми оказалась Россия в современной действительности, требуют серьёзного изучения и осмысления. Уже ни для кого не секрет, что уникальная цивилизация со своим культурным кодом, традициями, глубокой самобытной культурой – Россия – является одной из приоритетных целей в информационной войне, которую ведут страны коллективного Запада за ресурсы, территории влияния, возможности для обогащения.

Какие именно стратегии, тактики и технологии используются для достижения цели – это один из актуальных вопросов, который должен быть в центре внимания современных ученых. Его значимость сложно переоценить, поскольку одна из важнейших исторических частей Русской цивилизации стала враждебной в результате продуманных, долгоиграющих действий властных структур США и Великобритании. Речь идет об Украине. За три десятилетия, а это совсем недолгий срок в масштабах истории, из экономически развитой, богатой советской республики, которой Россия добровольно предоставила возможность стать дружественным соседним государством, умелое информационное воздействие на общество смогло превратить во враждебную территорию, противостояние с которой – серьёзная угроза России и как государству, и как цивилизационному феномену. Важно не допустить, чтобы Россия повторила печальную судьбу соседней страны.

Авторы монографии пришли к выводу о необходимости сделать свой посильный вклад в изучение России как уникальной цивилизации, её истории и современных трансформаций в культурной и информационной сферах, определении её места в современном мире.

Актуальность данного исследования продиктована рядом факторов. Во-первых, в условиях нарастающей цифровизации всех сфер жизни общества и развития искусственного интеллекта вопросы сохранения национальной идентичности, культурного суверенитета и информационной безопасности приобретают особую значимость. Во-вторых, геополитическая напряжённость и противостояние различных центров силы на международной арене делают необходимым глубокое осмысление цивилизационной специфики России, её ценностных ориентиров и мировоззренческих установок.

В-третьих, активные процессы глобализации и унификации культур актуализируют задачу сохранения самобытности российской цивилизации, её информационно-культурного кода.

Целью данной монографии является комплексный анализ информационно-культурного аспекта российской цивилизации, её уникальных особенностей, а также разработка практических рекомендаций по укреплению информационного суверенитета и культурной идентичности в условиях информационного противоборства.

В связи с этим нам предстояло решить ряд весомых задач:

1. Исследовать концептуальные основы российской цивилизации, её ценностные доминанты и мировоззренческие установки.

2. Проанализировать роль информационно-коммуникационных технологий в трансформации культурного и информационного пространства современной России.

3. Выявить специфику российского информационно-культурного кода, его ключевых элементов и механизмов трансляции.

4. Разработать практические рекомендации по укреплению информационного суверенитета и культурной идентичности России.

5. Изучить опыт утраты информационного суверенитета Украиной, чтобы предотвратить повторение подобных событий в России.

Очень важно было изучить этапы формирования антироссийского пространства на территории когда-то дружественной Украины. Особое внимание уделено журналистике Украины, которая прошла путь от провозглашения демократии, свободы слова, уважения прав личности, стремления к достижению лучших традиций и практик мировой журналистики к полной утрате влияния на собственную информационную политику для защиты интересов государства и его народа, жесткой цензуре и пропаганде русофобии в худших ее проявлениях.

Кроме интересного и в некоторых аспектах уникального наработанного материала в выбранной теме, авторы данного исследования хотели, чтобы содержание монографии помогло осознать новые грани культуры России, подчеркнуть её особенность и богатство, осознать её культурно-информационный код. Также хотелось бы, чтобы часть исследования послужила предостережением от участи Украины, чья судьба наглядно демонстрирует последствия информационной оккупации.

РАЗДЕЛ 1. ДУХОВНЫЕ ИСТОКИ: РОССИЯ КАК ОПЛОТ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ

1.1. Основные историко-культурные концепции: цивилизационный подход

Цивилизационный подход к истории и культуре предполагает, что исторические процессы и культурные явления не могут быть поняты в отрыве от цивилизационного контекста, в котором они возникают и развиваются. Этот подход предполагает, что каждая цивилизация имеет свои уникальные черты, которые определяют ее культуру, общественную организацию, экономику и политическую систему. Он учитывает разные факторы влияния на развитие цивилизации: географические, климатические, религиозные и т.п. Согласно ему, возможно сравнение цивилизаций и выделение между ними сходства и отличий. Поэтому цивилизационный подход является важным инструментом для изучения и понимания исторических процессов и культурных явлений.

Ярким представителем цивилизационного подхода является, например, О. А. Г. Шпенглер, который в своём труде «Закат Европы» представил концепцию цивилизационного цикла. Ф. Бродель в работах «Средиземноморье в эпоху Филиппа II» и «Материк и море» анализирует взаимодействие различных цивилизаций в истории. С. Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» описал конфликты между различными цивилизациями в мире и др.

Тесная связь между понятиями культура и цивилизация позволяют исследовать область конкретных феноменов и процессов в обществе, таких, например, как

диффузия, культурный контакт, аккультурация, культурная сепарация и др. То есть, культура представляется совокупностью исторических характеристик ситуаций, в которых человек принимает участие, находясь в социуме.

Зарождение традиции противопоставления цивилизации и культуры в области гуманитарного познания происходит с появлением работ О. А. Г. Шпенглера, однако не имеет устойчивой и длительной тенденции к развитию. В то же время принимается факт различия культур, с одной стороны, и их существенные совпадения – с другой. Отсюда и содержательное наполнение культуры в качестве способа осмысления мира.

Одновременно различие между культурами в цивилизационном контексте может рассматриваться на логико-смысловом уровне. Примером могут служить работы С. Хантингтона, утверждавшего, что фундаментальные различия между цивилизациями кроются в религии, способной заменить национальную самобытность культуры и традиции народа. В своих трудах учёный акцентирует внимание на возможное стирание границ между культурами в будущем.

О. Т. Богомолов отмечал, что человечество находится в условиях перемен или «макросдвигов», которые возникают под воздействием глобализации. В условиях зарождения многополярности возникает необходимость пересмотра векторов развития цивилизации с Запада на Восток при активном формировании евразийского пространства как «будущей геополитической реальности» [Богомолов 2015: 7]. Подобные трансформации затрагивают область культуры, находящуюся в кризисе и актуализируют для России вопрос о наращивании человеческого капитала [Богомолов 2015: 8]. Вырисовываются новые модели развития диалога между цивилизациями, главенствующую

роль в котором будут занимать культура, идеология, образование и демократическое устройство.

Глобализация как феномен имеет противоречивый характер, так как:

- выступает социальной закономерностью развития общества, в то же время не избавляет от наличия противоположных интенций к отчуждению той или иной этнокультурной группы;

- она основана на преодолении определенных исторически обусловленных тяготений той или иной социокультурной группы;

- выступает в качестве цивилизационного процесса [Филиппов 2015: 34-36].

В этом плане подтверждается отождествление культуры и цивилизации как взаимосвязанных явлений. Очевидно, что в условиях нового миропорядка культурное сотрудничество приобретает особое значение. Сегодня нет ни единой страны, которая не уделяла бы пристальное внимание налаживанию культурных и научных связей, что привело к актуализации исследований в области применения «мягкой силы» или «мягкой власти».

«Мягкая власть» определяется тремя компонентами: культурой, политической идеологией и внешней политикой, – отмечает Дж. Най. Она показывает способность страны достичь желаемых результатов посредством привлечения и убеждения в тех или иных идеях, нормах, ценностях других стран и народов: «”мягкая сила” зависит не от правдивости, а от намерений агента предоставить правдивую или ложную информацию» [Най 2021: 203]. Данному понятию предшествовал другой термин – «культурная политика». Дж. Най отмечает, что практика использования «мягкой силы» известна ещё со времен древнего Китая и других цивилизаций, хотя особую популярность она приобретает в наши дни, в условиях создания и продвижения новых

нормативных стандартов бытия. В частности, учёный указывает, что интерес к поддержке инструментов «мягкой силы» проявляют Япония, Европейский Союз (ЕС), Китай.

В 2007 году председатель Китайской Народной Республики (КНР) Ху Цзиньтао заявил на 17-ом съезде Коммунистической партии Китая о необходимости инвестировать в «мягкую силу». Его начинания поддерживается и при президенте Си Цзиньпине [Най 2021: 205]. Стоит подчеркнуть, что именно в Китае «мягкую силу» рассматривают больше в культурном аспекте, нежели экономическом или политическом, как это свойственно для ЕС.

Культурная политика – один из инструментов, используемых государствами для достижения своих стратегических целей в области культуры и общественных отношений. Важным аспектом культурной политики является ее способность оказывать влияние на ментальные и эмоциональные уровни функционирования общества. Используя различные культурные программы, правительства стремятся сформировать определенную имиджевую картину мира, создавая благоприятное окружение для достижения своих целей.

Путем продвижения своей литературы, искусства, языка или традиций, – государство может формировать позитивное отношение к себе со стороны других стран или убедить занимающих ключевые должности лиц поддержать его интересы. С данной позиции представляет интерес рассмотрение потенциала русской цивилизации как оплота православной традиции.

Попытки пояснить особую роль русской цивилизации в становлении миропорядка предпринимались неоднократно на протяжении последних столетий.

Наиболее выдающимся периодом активизации исследований о сущности цивилизации и постижении

истории народов становится конец XIX – начало XX вв. Именно в данный исторический промежуток времени происходит осмысление истоков и последствий развития мировых цивилизаций. Об этом свидетельствует множество трудов великих мыслителей того времени: О. А. Г. Шпенглера, Н. Я. Данилевского, А. Дж. Тойнби, К. Ясперса и др.

Рассмотрение указанных концепций позволит нам приблизиться к пониманию того, каким образом воспринимается русская цивилизация и каковы основные причины противостояния России и Запада в наши дни.

Историко-культурная концепция О. А. Г. Шпенглера позволяет проследить эволюцию политической культуры и усиление империалистических тенденций в мире, которые способны объяснить причины этноконфессиональной напряженности в мире. Рассуждая над логикой истории и судьбой западноевропейско-американской культуры, учёный описывает суть культуры и важность символической ее составляющей.

Морфологией культуры представляются символические формы: «...народы, языки и эпохи, битвы и идеи, государства и боги, искусства и произведения искусства, науки, правовые отношения, хозяйственный формы и мировоззрения, великие люди и великие события...», – пишет О. А. Г. Шпенглер [Шпенглер 1993: 129]. Морфология всемирной истории как мир-история – новая философия торжества духа над природой, прежде всего, в периодизации развития западной цивилизации [Шпенглер 1993: 131]. Поэтому описание культуры – поиски причинно-следственных связей между означающим и обозначаемым явлением [Шпенглер 1993: 132]. Разграничение движения западной и восточной картины мира припадает, по мнению учёного, на «Новое время». Главным критерием подобного разграничения выступает

тенденция движения, которая присуща западной культуре, в то время как на востоке – «покоящаяся, замкнутая, застывшая в равновесии цивилизация» [Шпенглер 1993: 148]. Здесь же появляется и пространственно-временное удлинение культуры посредством первых религиозных систем, в частности, христианства, которое на Западе постепенно утрачивает способность к удлинению из-за торжества рационализма.

Нельзя сказать, что О. А. Г. Шпенглер подходит к вопросу развития «цивилизации – культуры» линейно, скорее с позиции культурного релятивизма. Всемирная история – «спектакль множества мощных культур», – пишет он [Шпенглер 1993: 151]. У каждой культуры есть собственный потенциал и пределы роста. В этих идеях находим сходство с пониманием культуры у Л. Н. Гумилева, который отмечает, что её история – «непрерывная линия традиции, постоянно перехлестывающая этнические границы» [Гумилев 2001: 193]. Культура – «создание людей, будь то изделия техники, шедевры искусства, философская система, политическая доктрина, научная концепция или просто легенда о веках минувших», – продолжает он свои размышления [Гумилев 2001: 193]. Фактически всё перечисленное и есть символические формы культуры, которые раскрывают её содержание.

Концептуальные различия идей О. А. Г. Шпенглера и Л. Н. Гумилева относятся и к понятию этногенеза как составляющей культуры. Если у О. А. Г. Шпенглера культура взаимосвязана и сопоставима с понятием суперэтнуса, то у Л. Н. Гумилева понимание культуры и этногенеза – нетождественные понятия, так как последний – «природный процесс, следовательно, независимый от ситуации, сложившейся в результате становления культуры» [Гумилев 2001: 196]. В данном разрезе идеи

О. А. Г. Шпенглера тяготеют к пониманию культурной эволюции Ф. Боасом, который отрицает наличие всеобщей линии истории и предлагает фокусировать внимание на культурной динамике [Подзюбан 2014: 330].

В то же время при анализе мировых культур автор опирается на европейскую периодизацию истории, которая не учитывает уникальность «других» культурно-исторических типов. Поэтому при размышлении о сути души и характера западной и русской культуры О. А. Г. Шпенглер не в полной мере уделяет внимание описанию русской цивилизации.

В научной картине души западной культуры есть «предопределённый язык гештальта воли» как языкового космоса [Шпенглер 1993: 481]. Она основана на триединстве мышления, чувствования и воления [Шпенглер, Т. 1, с. 484]. В своем прообразе западная культура дуальна по природе. Эта дуальность заключается в восприятии времени существования западной цивилизации между Сотворением мира и Страшным судом [Шпенглер 1993: 486]. Размышление о душе западной культуры проводится на контрасте с русской картиной мира, в которой, по мнению О. А. Г. Шпенглера, не имеется прасимвола воли и воления, из-за чего он приходит к заключению о наличии «русской, безвольной души» [Шпенглер 1993: 489].

Как отмечает современный философ У. Ритц, данное противопоставление является основой противостояния западноевропейско-американской и русской культуры сегодня, так как Россия придерживается традиционных ценностей и ориентируется на равенство и братство, нежели на понятие свободы, свойственное эстетике Запада [Ритц 2023: 16]. Он пишет следующее: «...понятие свободы, ориентированное исключительно на индивида, переходит в идею постоянного размывания границ... к упрощению

культурных норм... сегментирует общество, разрушает его идентичность...» [Ритц 2023: 233–234]. О. А. Г. Шпенглер предопределил закат западной цивилизации. Наше поколение может наблюдать его в ситуации жесткого информационного противостояния, при котором с помощью СМИ происходит «раз-вестернизация» мира [Ритц 2023: 293].

Противопоставление западной и русской картины мира у О. А. Г. Шпенглера прослеживается в отношении понятия воли к власти и стремления к деньгам, которые выступают тождественными символическими формами. «Воля к власти, – пишет он, – обнаруживаемая также в сфере этического, страстное желание возвести свою мораль во всеобщую истину, навязать ее человечеству, переиначить, преодолеть, уничтожить всякую иную мораль, – все это исконнейшее наше достояние» [Шпенглер 1993: 528]. В данном случае О. А. Г. Шпенглер предвосхитил события дня сегодняшнего. «Воля к власти» привела к разрыву традиционных европейских институтов, что способствовало замещению структуры управления обществом «глобализированными» органами власти [Ритц 2023: 194]. В то же время для русской культуры не свойственно «мышление деньгами», так как с позиции православных ценностей, на которых основывается русская картина мира, это является грехом [Шпенглер 1993: 528].

Линию О. А. Г. Шпенглера в понимании культурно-исторического развития цивилизации продолжает развивать в своих трудах А. Тойнби. Его цивилизационная концепция – целостное представление об обществе и параллельных линиях развития культуры в мире. Главной причиной становления любой цивилизации выступает та или иная технологическая инновация, которая представляется «вызовом – ответом» на существующий порядок.

Противостояние между цивилизациями, в том числе между Западом и Россией, объясняется давними накопленными противоречиями во взглядах на путь общественного развития. В частности, А. Тойнби указывал, что на протяжении истории таковыми причинами противоречий выступал религиозный и идеологический фактор: «...коммунизм, ислам – движение антизападное, хотя в то же время это как бы еретическая версия западной веры...» [Тойнби 2011: 29]. Подобные рассуждения связаны с тем, что в данных течениях Запад усматривал пропагандистское оружие, способное разрушить западную цивилизацию изнутри. Фактически противостояние либерализма и коммунизма происходили волнообразно, начиная от зарождения движения за права рабочих, появления профсоюзов до нивелирования ценности пролетариата как национального меньшинства, начиная с 1947 года. Именно данный период рассматривается А. Тойнби как точка невозврата к ценностям западной цивилизации и началом построения нового миропорядка. Обращаясь к истории, отметим, что в данный временной период происходит зарождение международных институций, способных сдерживать конфронтацию в сфере межкультурной коммуникации. Однако с их появлением набирает оборот проект глобализации, унифицирующий культурные границы. Это и был своеобразный вызов на искоренение классов и войны как всеобщего зла с позиции Запада [Тойнби 2011: 32–33]. В технологическом аспекте таким вызовом становится изобретение и испытание первой атомной бомбы. Единственным мериллом, способным не допустить окончательное уничтожение человечества, А. Тойнби называет христианство как альтернативу и для Запада, и для Востока [Тойнби 2011: 35].

Идеи, которые были обозначены учёными ранее, нашли свое дальнейшее воплощение в концепциях

футурологов XX века: Д. Белла, Э. Тоффлера, Дж. Нейсбита и др.

В ходе открытой научной дискуссии Д. Белла и В. Л. Иноземцева в 2006 году были отмечены основные контуры развития человеческой цивилизации, где авторы представили своё видение и идеи. Д. Белл указывал, что современному состоянию мира предшествовали три ведущие концепции своего времени, предопределившие значимость западной цивилизации: теория прогресса, концепция капитализма и империализм [Белл, Иноземцев 2007: 15–16]. Геополитические изменения и закат концепта глобализации ставит их значимость под вопросом, так как все большее значение приобретают знания и человеческий капитал. Масштабное распространение западного образа жизни порождает угрозы традиционным верованиям по всему миру. Именно поэтому находит своё отражение в реальности процесс регионализации как попытка защитить культурные границы стран. При этом регион определяется в качестве «эффективной экономической, политической и культурной «единицы»» [Белл, Иноземцев 2007: 19].

История как западное изобретение была загнана в рамки идей развития и десакрализации общества, отторжения религиозных представлений о мире [Белл, Иноземцев 2007: 22]. Однако сегодня человечество всё больше сталкивается с противостоянием западной и восточной идентичности на фоне переосмысления предыдущего исторического опыта.

Э. Тоффлер, рассуждая о судьбе глобальной системы XXI века, отмечал, что мир находится в состоянии постоянной флуктуации, а мировая система всё больше похожа на физические, химические и общественные системы, описанные Ильей Пригожиным [Тоффлер 2005: 365]. Изменения претерпевают и ключевые понятия, такие как мир, война, культура, религия, порядок, событие и т.п.

Цифровизация ускоряет процесс нестабильности существующего миропорядка. Происходит «пересвязанность» государств Первой, Второй и Третьей волны [Тоффлер 2005: 322, 357].

Первая волна – аграрная цивилизация, основанная на ручном труде и натуральном хозяйстве. Её характеризует медленный темп жизни, стабильность уклада и сильные традиции. Вторая волна – индустриальная цивилизация, которая сосредоточена на массовом промышленном производстве, разделении труда и урбанизации. Третья волна – постиндустриальная цивилизация, в основе которой лежат высокие технологии, наука и сфера услуг.

По мнению Э. Тоффлера, в XXI веке эти три волны будут сталкиваться, конфликтовать между собой. Представители первой волны – традиционные аграрные общества – будут сопротивляться натиску индустриализации и урбанизации. В свою очередь, индустриальная цивилизация второй волны будет противостоять переходу к постиндустриальному укладу третьей волны, основанному на знаниях и информации. Этот конфликт волн будет проявляться во всех сферах жизни: экономике, политике, культуре, образе жизни людей. Учёный предупреждал, что столкновение трех цивилизаций грозит серьезными социальными потрясениями, кризисами и войнами. Только осознание этих процессов и разумное управление ими поможет человечеству безболезненно пройти через время смены цивилизационных эпох.

Уже в 90-е гг. XX века появится не менее обсуждаемая концепция столкновения цивилизаций С. Хантингтона, которая продолжает линию рассуждений о судьбах цивилизаций, в том числе указывая на важность религиозного вопроса. Ученый, опираясь на взгляды А. Тойнби, указывает, что кардинальные изменения в

восприятию мира как многополюсного, полицивилизационного возникают с окончанием «холодной войны» [Хантингтон 2003: 15]. Глобальная война, по его мнению, возможна по линиям цивилизационных разломов [Хантингтон 2003: 515].

В частности, в будущем, пишет С. Хантингтон, человечество станет свидетелем трех основных конфликтов:

– между развитыми и развивающимися странами, где последние будут требовать равного доступа к природным ресурсам и равного участия в международной политике;

– между разными культурными и религиозными группами, так как различие в культуре и религии провоцируют политические и социальные конфликты;

– между региональными силами и США в связи с усилением роли новых региональных сил, таких как Китай, Индия, Япония и Европейский союз [Хантингтон 2003: 516–520].

Немаловажную роль в сдерживании конфликта цивилизации, как отмечает С. Хантингтон, будет иметь в том числе и Россия. В данном случае ставка делается на её возможности как православной цивилизации, отличной от «западного христианства по причине своих византийских корней» [Хантингтон 2003: 56]. Остановимся подробнее на данном вопросе.

1.2. Византийское наследие: Россия как продолжатель православной цивилизации

Россия, будучи одной из крупнейших православных государств-цивилизаций в мире, имеет глубокие исторические корни, уходящие в наследие византийской традиции. Принятие христианства в X веке стало поворотным моментом в становлении русской государственности и культуры, определив их тесную

взаимосвязь. Русь переняла многие элементы византийской государственности, права, архитектуры и искусства, а православие стало основой её духовной жизни, определив приверженность византийским культурным ценностям и традициям.

После падения Константинополя в 1453 году Русское государство, возглавляемое московскими князьями, стало рассматриваться как преемник Византийской империи и хранитель православной веры. Доказательством данного факта с научной точки зрения стало развитие концепции «Москва – третий Рим» согласно которой России уготовано быть последним оплотом истинного христианства, взяв на себя ответственность за сохранение и распространение византийского наследия.

Концепция «Москва – третий Рим» – идея о политической и культурной преемственности между Римской империей и Россией. Она появляется в XVI веке. В это же время Иван Грозный начинает использовать римские символы и мотивы в своей политике и искусстве. Происходит сращивание государственности с римской традицией.

В XVII-XVIII вв. данная идея нашла широкое распространение, особенно в период правления Петра I, «прорубившего окно в Европу». В это же время начинают возникать различные литературные и художественные произведения, отражающие данный концепт. Многие русские писатели и художники, такие как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. А. Крылов, использовали данную идею в своих работах.

Со времен Октябрьской революции 1917 года концепция «Москва – третий Рим» претерпела изменение в восприятии Москвы как центра нового социалистического империализма.

Возможности Москвы в качестве преемницы римского наследия были обусловлены несколькими причинами:

– на момент XV века только Москва являлась единственной независимой от турков православной страной;

– Иван III, правивший с 1462 года, женился на Софье, являющейся племянницей последнего Византийского императора Константина XI Палеолога;

– использование изображения двуглавого орла на гербе Российского государства, который выступает византийским символом государственности;

– укрепление и рост Руси как сильного государства, избавившегося от монголо-татарского ига.

С развитием концепции «Москва – третий Рим» появляются исследования о возможностях России как суверенной православной цивилизации, способной сдерживать конфронтацию в мире и стать символом возрождения человечества.

Среди ученых, уделявших данному вопросу внимание, были: Алексей Мусин-Пушкин, проанализировавший роль православия в русской культуре и истории; Иван Киреевский, изучавший историю и влияние православия на русскую культуру; Владимир Соловьев – русский философ и богослов, автор концепта «триединства»; Павел Флоренский, Лев Гумилев, Николай Данилевский, Пётр Савицкий и др.

Русская православная церковь, будучи неотъемлемой частью Вселенского православия, сыграла ключевую роль в трансляции византийских традиций и продолжении их в России. Она стала хранительницей духовных ценностей, богословской мысли и церковной культуры Византии, адаптируя их к российским реалиям.

Русская цивилизация в настоящий момент выступает самобытной, так как сохраняет свои базисные структуры в

процессе социокультурной трансформации, – отмечает Н. С. Ищенко [Ищенко 2021: 75].

Исходя из вышеизложенного, стоит акцентировать внимание на то, что благодаря уникальному сочетанию исторических, культурных и социальных условий формирования русской цивилизации с опорой на традицию и культуру Византии, Россия выступает в качестве суверенной цивилизации. На протяжении веков формировалась особая идентичность, основанная на сочетании различных традиций, влияний и культурных наслоений.

Исторически идея суверенности в контексте цивилизации восходит к ранним эпохам, когда общества формировались вокруг уникальных культурных, религиозных и экономических моделей. В период античности, например, греческие полисы были в своём роде суверенными образованиями, обладающими собственными законами и обычаями. Во времена Средневековья различные королевства и государства в Европе, Азии и Африке стремились к сохранению автономии, что также создавало предпосылки для формирования суверенных цивилизаций.

К XIII-XV векам с началом эпохи Великих географических открытий концепция суверенности становилась все более связанной с политическим контролем и территориальной независимостью. Новые страны и колонии боролись за признание своего статуса на международной арене, что привело к формированию начальных представлений о суверенных государствах.

Становление России как суверенной цивилизации имеет глубокие исторические корни, уходящие в эпоху Киевской Руси. В IX-X веках древнерусское государство формировалось под влиянием как восточнославянских, так и скандинавских традиций. Объединение различных племен

и народов дало толчок к созданию единой культурной и политической идентичности. С принятием христианства в 988 году начался процесс христианизации, который оказал значительное влияние на формирование духовных и культурных основ русской цивилизации.

С XIV века, с возникновением Московского княжества и образованием Русского государства, Россия начала формировать свои отличительные черты суверенной цивилизации. В этот период возникла концепция «Москва – третий Рим», которая наделяла Москву статусом духовного центра православия, что укрепляло её суверенитет в глазах других держав.

Преобразования общества в эпоху Петра I, реформирование государства и последовательные войны с Западом помогли России утвердиться в качестве мощной державы. В XIX веке Россия продолжала укреплять свои уникальные культурные традиции, создавая величественные произведения искусства, литературы, музыки, которые до сих пор вдохновляют мир.

Итак, суверенная цивилизация – концепция, описывающая уникальные, самодостаточные культурные и социальные системы, которые стремятся к независимости и автономности. С точки зрения науки, концепция суверенной цивилизации начала активно развиваться позже, в XX веке, когда учёные начали осознавать важность культурных различий в процессе глобализации. Интерес к данной теме возрос в условиях холодной войны, когда идеологические противостояния часто обостряли вопросы суверенности и независимости страны. На отечественном пространстве традиции исследования суверенной цивилизации продолжают в творчестве современных учёных: Е. Г. Брындин «Аспекты православия в гармоничном становлении российской суверенной цивилизации» (2023), Л. Г. Титаренко «На пути к суверенной российской

цивилизации» (2023), С. Ю. Наумов, Н. Н. Слонов «Россия – суверенная цивилизация» (2008) и др.

Таким образом, Россия, как наследница византийской традиции, продолжила развитие православной цивилизации, сохраняя и преумножая её духовные, культурные и политические константы. Это наследие оказало глубокое влияние на формирование российской государственности, общественной мысли и национальной идентичности, определив её особое место не только в истории христианского мира, но и в возможностях духовного возрождения человечества.

1.3. Культурные аспекты панславизма: от мечты к реальности

Помимо концепции «Москва – третий Рим», охватывающей вопросы культурного наследия и потенциала русской православной суверенной цивилизации, широкое развитие в отечественной мысли приобрела политическая и культурная концепция панславизма.

Панславизм – идеологическое направление, основанное на идее единства славянских народов с их культурой, историей и языком. На фоне исторических потрясений XIX века и геополитических стремлений Российской империи выразить свою идентичность в условиях австрийского и турецкого господства данная концепция становится достаточно популярной. О. В. Павленко отмечает, что панславизм первоначально возник как европейский феномен и строился по линии «Россия – славяне – Запад» [Павленко 2016: 3].

Панславизм как исследовательское направление имеет 3 уровня анализа, – отмечает Т. В. Целик, – историко-культурный (А. А. Григорьева), концептуально-философский (Н. Я. Данилевский, В. С. Соловьев) и

политико-дипломатический (М. П. Погодин, К.Н. Леонтьев) [Целик 2023: 64].

Интерес к славянскому вопросу уже изначально излишне политизирован и воспринимается западной цивилизацией как угроза её этнонациональной идентичности, хотя авторы понятия «панславизм» Я. Геркель, а вслед за ним и Я. Коллар, П. И. Шафарик вкладывали в него, прежде всего, культурный смысл [Павленко 2016: 4–5]. Панславизм – поиск исторической идентичности славян, критично воспринятый всей европейской мыслью. Данный феномен был продолжением общеевропейских идей философии романтизма, которому свойственна в определенной мере утопичность в рассуждениях о культурно-исторических типах цивилизаций.

Исследованием панславизма занимались такие ученые как М. П. Погодин, В. И. Ламанский, И. И. Дусинский, В. К. Волков, О. В. Павленко, Б. А. Прокудин, Н. М. Пойминов, П. В. Седаев, Б. В. Болдин и др.

Среди ярких идеологов панславизма своего времени был М. П. Погодин, автор теории славянской взаимности. В своих трудах историк указывает на разницу между западноевропейскими и славянскими странами в отношении восприятия понятия истории и культуры. Он акцентирует внимание на том, что в славянской традиции духовная власть подчинялась государям, в то время как на Западе существовало преимущество духовной власти над светской [Соловьев 2016: 205]. М. П. Погодин раскрывает идею межславянских взаимоотношений на основе взаимности и «принципа невмешательства во внутренние дела друг друга» [Соловьев 2016: 205].

В. И. Ламанский в своих работах подчеркивал идею объединения славянских народов на почве культуры и православной веры [Седаев и др. 2023: 263]. При этом

рассмотрение культуры, этнографии, истории славян происходило в контексте противопоставления с западной цивилизацией. Концепция В. И. Ламанского строится на триединстве Евразии: Европа, Азия и «средний мир», которым и являлась на тот момент Российская империя [Седаев и др. 2023: 263].

Исследование И. И. Дусинского относительно славянского вопроса тяготеет к геополитическому вектору, так как учёный выражал идею создания единого политического пространства всех славянских государств, в котором России отводится особая роль в связи с её возможностями в создании «великой цивилизации» [Седаев и др. 2023: 264].

Феномен панславизма был предан огласке в Европе благодаря прессе. Немецкие, австрийские, венгерские, английские и французские издания развернули дискуссию относительно славянского вопроса с ярко выраженными предубеждениями против славян [Павленко 2016: 7]. Тем более данные фобии усиливались на фоне Крымской войны 1853 – 1855 гг., на рубеже 1870 – 1880-х гг., вплоть до начала Первой мировой войны, – отмечает О. В. Павленко. В это же время зарождаются либеральные идеалы европейской цивилизации, которые на рубеже XX – XXI веков будут восприниматься в качестве одного из факторов морального разложения западноевропейских ценностей.

В контексте развития идеи панславизма интерес представляет журнал «Славянский век», издаваемый с 1900 по 1904 гг. в Вене, в котором отображались наиболее яркие исследования в области «...русского языка среди юго-западных славян», «культуры единения славян путём взаимного ознакомления их на славянском языке...» [Болдин, Прокудин 2019: 159]. Идеи панславизма стали одной из центральных тем съездов славянских журналистов 1898 – 1912 гг. [Павленко 2016: 9].

В XX веке категоричность в восприятии панславизма усилится в ходе холодной войны. Впоследствии, с распадом Советского Союза, в отношении России будет предпринята практика модернизации славянских ценностей, другими словами, озападнивание её культурного пространства.

Сегодня дискуссии о панславизме не утихают на волне информационного противоборства Запада и России в контексте украинского кризиса. Тем более, что интерес к данной теме подогревают отечественные СМИ.

Наибольший научный интерес в данном плане представляет работа Б. А. Прокудина «Панславизм в истории политики и мысли России XIX века». В поисках национальной идеи и идентичности в разрезе активной фазы гражданского вооруженного конфликта в Украине, активизации дискуссии в массмедиа относительно статуса русского языка исследователь проводит историческую параллель между идеями панславизма XIX века и причинами конфликта в XXI веке. Б. А. Прокудин, проанализировав эволюцию идеи панславизма, указывает на то, что она «...никогда не выходил на уровень государственной политики», но вместе с тем «входила в противоречие с официальной внешнеполитической доктриной российского государства – полиэтничности, проликонфессиональности, евроазиатского характера цивилизации» [Казаринова 2018: 626]. Отмечается, что панславизм стимулировал как пророссийские, так и антироссийские течения [Казаринова 2018: 626].

В контексте информационного противоборства, которое базируется на идейных и психологических маркерах, активно апробируются различные тактики воздействия на массовую аудиторию. Это объясняется как внутренними, так и внешними потребностями аудитории: влиять на «другого», единение в отношении популярных

идей и боязнь изоляции от социальной общности. Распространению тех или иных идей, связанных с демонизацией или идеализацией панславизма, способствует активное развитие социальных медиа и сетей.

Идеология панславизма в настоящее время с одной стороны критикуется за излишний архаизм и национализм, а с другой – рассматривается как альтернативный путь спасения человечества на основе славяно-православных ценностей. По мнению А. В. Митрофановой, панславизм может восприниматься в качестве попытки смягчить последствия «либеральной глобализации» [Митрофанова 2010: 226]. Сегодня международные славянские движения существуют по всему миру, однако по большей части они организуются оппозиционными силами и представляют собой своеобразную субкультуру, – отмечает учёный [Митрофанова 2010: 231]. Фактически можно предположить, что международное славянское движение способно выступать в качестве инструмента «мягкой силы», а значит и влиять не только на образ России в международном информационном пространстве, но и формировать определенные ценности и нормы поведения в обществе.

Итак, подводя итоги, следует отметить, что изначально панславянская культурная идеология включала призыв к возрождению и популяризации славянских языков, литературы, фольклора и традиций, рассматривая их в качестве важного шага к политическому объединению славянских народов. Она приобрела свой расцвет на фоне всплеска интереса к славянским языкам и искусству в Европе. С середины XIX века появлялись многочисленные журналы, альманахи и сообщества, посвященные славянской культуре. Художники, музыканты и писатели того времени черпали вдохновение из славянских

фольклорных традиций, создавая произведения, отражающие общность славянских народов.

Со временем стало ясно, что романтизация панславянских культурных идей не нашла отражение в политическом объединении славянских народов, в чем Европа видела угрозу своим ценностям и идентичности. Культурные аспекты панславизма находили свое воплощение в реальной жизни. Так, например, в Российской империи активно развивалось славянофильство, которое проявлялось в популяризации славянских идей и стало основой для зарождения концепции евразийства. Культурное взаимодействие и обмен между славянскими странами имеет своё продолжение, оставляя след в истории и формируя общее культурное полотно славянских народов.

1.4. Евразийские горизонты: идеалы евразийской идентичности

Евразийское пространство, простирающееся от Атлантического до Тихого океана, представляет собой уникальный культурный и геополитический феномен. На протяжении веков данный регион был ареной взаимодействия и взаимообогащения различных цивилизаций, формируя самобытную евразийскую идентичность.

В основании евразийских идей лежит признание особого пути развития стран, расположенных на стыке Европы и Азии. Сами же евразийцы рассматривают Евразию как единое культурно-историческое пространство. В центре этого пространства находится Россия.

Евразийство – это идея о том, что Евразия как огромный континент, объединенный общей историей и культурой, играет ключевую роль в формировании мировой политики. Широкое распространение оно получает в 20-х

гг. XX века как попытка осмыслить судьбу России в контексте «проекта будущего» сохранения цивилизации, в отличие от концепции панславизма, которая воспринималась больше в качестве националистической доктрины [Маслин 2012: 7]. Основополагающим принципом евразийства выступает полицентризм как «...идея о множественности и самобытности каждой из культур всех существующих в мире народов» [Исаева 2019: 170].

Евразийство опирается на теорию локальных цивилизаций славянофилов, а потому ставит основополагающие вопросы относительно православной традиции России, а также её потенциала в процессе духовного возрождения человечества. Это построение идеальной модели православной суверенной цивилизации, где русской культуре уготована роль посредника между нехристианским Востоком и католическо-протестантским Западом [Процессы евразийской интеграции 2018: 12].

Концепция евразийства, основанная на работах ряда выдающихся мыслителей, таких как П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Л. П. Карсавин, Л. Н. Гумилев, А. Г. Дугин и др., предполагает уникальный подход к пониманию и интерпретации современной геополитики и роли в ней России.

Один из главных аспектов концепции евразийства – это культурный аспект. Согласно этому подходу, именно культура, язык, религия и обычаи народов, населяющих Евразийский континент, являются основой их единства. Народы Евразии имеют общую историю, традиции и ценности, которые формируют общее мировоззрение и подход к жизни.

Культурный аспект евразийства также связан с понятием «евразийского духа» – специфической психологической особенности, присущей народам

континента. Этот дух объединяет в себе стремление к свободе и независимости, гордость за собственную культуру и историю, а также тягу к духовной глубине и познанию мудрости предков.

С точки зрения культурного аспекта, концепция евразийства подчеркивает важность сохранения и развития культурного наследия народов Евразии, а также уважение к различиям и разнообразию культур и традиций. Она призывает к диалогу и взаимопониманию между различными народами, населяющими континент для того, чтобы сделать мир более гармоничным и устойчивым.

П. Н. Савицкий отмечал в своих работах огромное влияние географического фактора в основании единства «...культурного, социально-политического, языкового, экономического, религиозного» [Исаева 2019: 170]. Согласно взглядам учёного, Евразия представляет собой уникальное «месторазвитие», отличающееся от Европы и Азии. Это обширное континентальное пространство, объединенное общностью природных, климатических, ландшафтных условий, а также историческим опытом взаимодействия различных этносов и культур. Он считал, что Россия, занимающая центральное положение в Евразии, выступает в качестве связующего звена между Востоком и Западом, сочетая в себе элементы как европейской, так и азиатской цивилизации. В духовно-культурной области истоки русской государственности исходят из византийского наследия, отмечал П. Н. Савицкий [Савицкий 2024]. Россия как месторазвитие – «особый, самостоятельный культурный мир», – пишет учёный [Савицкий 2024].

Концепция месторазвития П. Н. Савицкого занимает центральное место в евразийской идеологии и служит обоснованием самобытности «России – Евразии», её особой

исторической миссии в качестве объединяющего начала между Востоком и Западом.

Значительный вклад в развитие идеи евразийства, понимание истории и культуры народов Евразии внёс Л. Н. Гумилев. В основе его концепции лежит представление об уникальности культурно-исторического региона в отличие от Европы и Азии. По мнению ученого, народы, населяющие Евразию, сформировались в результате длительного взаимодействия и смешения различных этнических групп, что привело к возникновению самобытных этносов и цивилизаций.

Ключевым элементом концепции Л. Н. Гумилева является понятие «пассионарности» – особого энергетического импульса, который побуждает этносы к активной деятельности, экспансии и созданию новых форм социальной организации. Пассионарные взрывы и флуктуации происходят благодаря логике событий или «...общественной форме движения материи», – пишет он [Гумилев 2001: 399]. Учёный делает заключение, что пассионарность неразрывно связана с этногенезом «...благодаря высокому накалу пассионарности происходит взаимодействие между общественной и природной формами движения материи...» [Гумилев 2001: 400].

Согласно Л. Н. Гумилеву, на протяжении истории Евразии происходили периодически всплески пассионарности, приводившие к формированию крупных империй и культурных доминант. Он выделял такие ключевые этапы евразийской истории, как Тюркский каганат, Монгольская империя, Российская империя и Советский Союз.

Идеи учёного оказали значительное влияние на развитие представления об идентичности народов Евразии и сегодня продолжают обсуждаться в рамках различных научных дискуссий. В частности, свой вклад в

переосмысление наследия Л. Н. Гумилева внесли М. А. Маслин, А. В. Иванов, С. А. Нижников, А. С. Сафонов и др.

Ярким идеологом евразийства сегодня выступает А. Г. Дугин. Рассматривая форпосты евразийской цивилизации, он создает собственную теорию консервативной революции «европейских правых» социальных философов [Маслин 2012: 8]. В её основе – попытка вернуться к традициям религиозной духовности в противостоянии с либеральными ценностями общества потребления [Маслин 2012: 9].

«"Второй мир" распадаясь, разламывается по линии «традиционализм» (южного, инерциального, консервативного типа) – «антитрадиционализм» (активно северного, модернистского и материалистического типа), – пишет философ [Дугин 2000]. Далее он добавляет, что «такой дуализм, который лишь намечается сегодня, но в ближайшее время станет доминирующим явлением евразийской геополитики...» [Дугин 2000].

Таким образом, культурный аспект концепции евразийства играет ключевую роль в формировании уникального мировоззрения, важного для понимания современной геополитики и международных отношений. Он подчеркивает ценность культуры как основы единства народов и способа сохранения и передачи ценностей и традиций от поколения к поколению.

Ключевыми идеалами евразийской идентичности выступают:

1. Духовность и традиционализм.

Сторонники евразийства придают большое значение духовным и религиозным основам культуры, отвергая чрезмерный материализм и технократизм современной цивилизации. Они выступают за сохранение и возрождение

традиционных ценностей, обычаев и уклада жизни народов Евразии.

2. Многообразии и взаимодействие культур.

Евразийская идентичность базируется на признании культурного многообразия региона и необходимости межкультурного диалога и взаимообогащения. Ярким примером служит Россия, в которой сосуществуют более 190 народов. Русская цивилизация выступает против унификации и гомогенизации общества, отстаивая право народов на сохранение своей самобытности.

А. С. Панарин писал, что у русской православной цивилизации отсутствует понимание строгой национальной идентичности, так как, по сути, её территория заселена множеством народов, сосуществующих в рамках единых территориальных границ. Поэтому специфическими чертами русской цивилизации являются: отсутствие моноцентризма; ценностно-нормативный, духовный характер идентичности; «текстуальность» человеческого существования [Панарин 2014: 42–44].

Рассмотренные идеи о специфике русской цивилизации как православной развенчивает миф об универсальности западной культуры.

3. Геополитическая интеграция.

Евразийская идея предполагает тесное экономическое, политическое и культурное сотрудничество стран Евразии, формирование единого евразийского пространства, которое рассматривается в качестве фактора противостояния доминированию Запада и утверждению многополярного мира.

4. Патриотизм.

В рамках концепции евразийства пролонгируются воспитание чувства гордости и любви к Евразии как к единому цивилизационному пространству. Это становится фундаментом для консолидации народов региона и

укрепления их геополитических позиций в противостоянии с «коллективными» Западом.

1.5. Россия: православный мир в современном глобальном контексте

В современном мире концепция суверенной цивилизации продолжает развиваться и адаптироваться к новым реалиям. Глобализация, технологизация, медиатизация, цифровизация создают новые вызовы для существующих культурных и социальных систем. Суверенные цивилизации сталкиваются с необходимостью защищать свои традиции и ценности, одновременно участвуя в глобальных дискуссиях на площадках международных сообществ.

Современные суверенные цивилизации, такие как Россия, Китай, Индия и др. акцентируют внимание на своей уникальной культурной идентичности, что становится важным фактором в их внешней политике и стратегиях развития. В то же время наблюдается рост популярности концепции культурного суверенитета, которая предполагает защиту и развитие уникальных культурных традиций в условиях глобализации и унификации.

В XXI веке Россия сталкивается с новыми вызовами и возможностями как суверенная цивилизация. В условиях глобализации и быстрого технического прогресса Россия стремится сохранять свою уникальность, подчеркивая важность традиционных ценностей, духовности и исторической памяти. Параллельно с этим идёт активное вовлечение в международные процессы, в которых Россия выступает как самостоятельный игрок, отстаивающий многополярность и защищая собственные интересы.

Современные международные отношения демонстрируют сложность взаимодействия России с

Западом и Востоком. Споры о безопасности, экономическом развитии и культурной идентичности находятся в центре внимания. Россия акцентирует внимание на необходимости уважения суверенитета и способности стран самостоятельно определять своё будущее, что становится важной частью её внешней культурной дипломатии.

Исходя из представленных выше концепций, стоит выделить несколько подходов к рассмотрению русской православной цивилизации в контексте противостояния с Западом:

1. Дихотомия «Запад – Восток».

Сопоставление цивилизационной идентичности Русской цивилизации с позиции противопоставления цивилизованного Запада и не вписывающегося в стандарты европейских ценностей и норм Востока.

2. Культурный релятивизм.

В рамках концепции многополярного мира рассматривается уникальность пути каждой «цивилизации – культуры» на планете.

3. Религиозный подход.

Рассмотрение русской цивилизации как суверенной, оплотом которой служит православная традиция.

Кризисные явления в европейской цивилизации начинают проявляться уже во второй половине XIX века. В то же время появляются ключевые классические цивилизационные концепты, описывающие судьбу мировых цивилизаций: К. Ясперс, А. Тойнби, О. А. Г. Шпенглер, В. Я. Данилевский и др. Наблюдается активное развитие технических и социальных коммуникаций, а журналистика как новый общественный институт все более оказывает влияние на распространение информации. Расширение пространства и времени за счёт новых инструментов воздействия на массовое сознание актуализирует вопросы

противостояния Запада и незапада. В этом конфликте стоит выделить несколько фаз.

Первая фаза – конец империалистического мира и революция в России.

Вторая фаза – противостояние фашизму в период Великой Отечественной войны.

Третья фаза – окончание холодной войны и активизация противостояния традиционалистского Востока и прогрессивного Запада.

Четвёртая фаза – период цветных революций и как следствие активизация очагов гражданского вооруженного конфликта в мире.

Ключевой причиной напряженно-драматической динамики православной русской цивилизации А. С. Панарин рассматривает противостояние идеи (текста) натуре, что снова возвращает к вопросу противопоставления западных ценностей ценностям русской цивилизации [Панарин 2014: 46]. Тем более данное противостояние усиливается благодаря активному влиянию СМИ. В период 90-х гг. XX века данные тенденции усилились на волне распада СССР. Политическая публицистика того времени активно занималась формированием образа «азиатской», «неевропейской» России. Базисом новой парадигмы противостояния является навязывание и вплетение во внутренний цивилизационный конфликт России глобального конфликта Запада и Востока на фоне развития новых технологий и форм коммуникации. Происходит переход от идеологических оснований противоборства к цивилизационным [Панарин 2014: 50].

По мнению А. С. Панарина, православие обладает уникальными культурно-нравственными ценностями, которые могут стать основой для формирования альтернативной глобальной модели развития, основанной на принципах «свободы духа как богосыновства»,

«сострадательности к слабым», «религии благодати» и «религии творчества» [Панарин 2014: 566–567]. Учёный отмечал, что в условиях глобализации православие сталкивается с серьезными вызовами – экспансией западных ценностей потребительства, индивидуализма и секуляризации. Однако он был уверен, что православие способно выработать эффективные механизмы сопротивления глобализации. Ключевая роль в этом процессе отводится Русской Православной Церкви, которая, по мнению А.С. Панарина, должна стать духовным центром объединения православных народов, проводником традиционных ценностей в глобальном мире.

Россия как оплот православной цивилизации призвана сыграть ведущую роль в формировании нового геополитического и геокультурного порядка, основанного на принципах антропоцентризма и теоцентризма при восприятии места человека в мире [Панарин 2014: 573].

Однако в условиях противостояния техно- и экоцентризму современной западной культуры при построении нового глобального порядка Россия воспринимается как угроза не только с геополитической позиции, но и как тип культуры [Панарин 2014: 571]. По сути, развернутая информационная война – форма коллективного промывания мозгов, включающая в себя применение стратегий нового типа, в том числе и в культуре [Ритц 2023: 300]. По отношению к России она видится в процессах дегуманизации и расчеловечивании образа страны в информационном пространстве. Главными объектами информационного противостояния выступают моральные категории и качества.

Последователями идей А. С. Панарина в рассмотрении потенциала православной цивилизации как нового формата истории и духовных возможностей России являются

Ж. Джурич, М. Пейкович, С. И. Бажов, А. П. Козырев, Т. А. Сенюшкина, Д. Е. Муза и др.

В частности, Ж. Джурич и М. Пейкович рассматривают православие в качестве византийского наследия Сербии и России, определяющего их культурные, политические и экономические координаты [Джурич, Пейкович 2016: 146]. Учёные ставят вопрос о необходимости восстановления византийской культурной оси в условиях противостояния ценностям западного модерна, приведшего к духовно-нравственному кризису западной цивилизации.

Концепция западного модерна сформировалась в эпоху Просвещения и стала фундаментом для развития современной западной цивилизации. Ключевыми ценностями западного модерна выступили:

– индивидуализм.

Модерн ставит в центр человеческую личность, её права, свободы и автономию. Индивид рассматривается как основная ячейка общества, а его интересы и потребности – главный ориентир для социального развития.

– Рационализм.

Разум, логика и научное познание становятся главными инструментами познания мира и принятия решений. Вера в безграничные возможности человеческого разума лежит в основе идеи прогресса и веры в технологический детерминизм, набирающий оборот под воздействием развития средств и форм коммуникации.

– Секуляризм.

Модерн предполагает отделение религии от государства и общественной жизни. Религиозные ценности вытесняются на периферию, уступая место светским, рациональным и утилитарным ценностям.

– Демократия и права человека.

Модерн провозглашает равенство всех граждан перед законом, гражданские свободы и политические права. Демократические институты становятся основой легитимности власти.

– Капитализм и рыночная экономика.

Западный модерн утверждает частную собственность, свободу предпринимательства и конкуренции как основу экономического развития. Рынок становится главным механизмом распределения ресурсов.

Данные ценности заложены в основание современного западного общества и оказали влияние на путь его развития. Вместе с тем, начиная с XIX века, они всё чаще становятся предметом критики и пересматриваются, открывая путь к новым социокультурным трансформациям.

В отличие от западного модерна православной цивилизации, сформировавшейся на протяжении многовековой истории, свойственны совершенно иные представления о социальном и духовном облике мира. Несмотря на глобальные процессы секуляризации и вестернизации, ценности православия сохраняют свою актуальность и востребованность, особенно в условиях нарастающих кризисных явлений в обществе.

Ключевыми духовными ценностями православной цивилизации являются:

– Богоцентризм – признание Бога как высшей реальности и источника всего сущего. Православие рассматривает человека и мир в их неразрывной связи с Божественным началом.

– Соборность – принцип коллективного единства, основанного на любви и взаимопомощи. Православие, в отличие от западного модерна, отвергает индивидуализм и ставит на первое место общинные интересы.

– Аскетизм и смирение – идеалы духовного самосовершенствования через преодоление греховных

страстей и подчинение воле Божией. Православие призывает к умеренности, скромности и самоограничению.

– Почитание святых и традиций – особое отношение к религиозным реликвиям, иконам, храмам, а также уважение к историческому опыту и духовному наследию предков.

Данные ценности пронизывают все сферы жизни православной цивилизации – от религиозной практики до социально-политической организации общества.

В условиях глобальных социокультурных трансформаций современного мира, ценности православной цивилизации обретают новое звучание и значение. Они выступают в качестве духовно-нравственного противовеса следующим негативным тенденциям:

– эгоизм, индивидуализм и потребительство, разрушающие традиционные социальные связи;

– секуляризация и десакрализация общественной жизни, ведущие к утрате духовных ориентиров;

– культурная унификация и размывание национальной идентичности под влиянием глобализации.

Православие предлагает альтернативную систему ценностей, основанную на соборности, духовном самосовершенствовании и уважении к историческим традициям. Эти ценности находят отклик у многих людей, стремящихся к сохранению своей культурной самобытности и противостоящих деструктивным тенденциям современности. С. И. Бажов рассматривает роль православия в глобальном мире с позиции проблематики цивилизационной идентичности России. Византийско-православный компонент в формуле российской идентичности, по его мнению, заключается в двух взаимосвязанных моментах: «...принципиального значения восточнохристианской традиции для идентичности русской культуры (русской цивилизации) и ... объединения

откровения христианской духовности с новейшими открытиями просвещения...» [Бажов 2016: 159].

Россия, как одна из ключевых стран православного мира, играет важную роль в построении современного глобального геополитического и культурного ландшафта. Православие, будучи неотъемлемой частью национальной идентичности и культурного наследия России, оказывает значительное влияние на её внутреннюю и внешнюю политику.

В условиях противостояния глобализации и трансформации мирового порядка, Россия стремится позиционировать себя как центр притяжения для православных христиан по всему миру. Российская Православная Церковь (РПЦ) активно участвует в международных дискуссиях и выступает в качестве влиятельного голоса, отстаивающего традиционные духовные ценности и противодействующая секуляризации и либеральным тенденциям западной цивилизации. По мнению П. И. Касаткина, РПЦ – «крупнейшая религиозная организация в истории Руси, России и СССР» [Касаткин 2010: 142]. В период активной вестернизации российского общества, начиная с 90-х гг. XX века, РПЦ начинает предпринимать активные действия по преодолению расхождений среди православных приходов и консолидирует русскую традицию за рубежом. Этот процесс начинается при патриархе Алексии II в 2003 году. В рамках канонического общения между Московским патриархатом (МП) и Русской православной зарубежной церковью (РПЦЗ), налаживается активный диалог, который закрепляется подписанием Акта о каноническом общении в 2007 году. Согласно данному документу, РПЦЗ вошла в состав Московского патриархата, сохранив при этом определенную автономию: «Русская Православная Церковь Заграницей получает святое миро от Патриарха

Московского и всея Руси», – отмечено в Акте о каноническом общении [РПЦ]. Был восстановлен единый церковный организм, разделенный ранее идеологическими и политическими противоречиями. Это стало важным шагом на пути преодоления исторического раскола в Русском православии.

В частности, с 2002 года активизируются контакты представительства Русской церкви при Европейских международных организациях, главными направлениями которых становятся:

- инкультурация православия в жизнь европейских стран;
- взаимодействие с европейскими светскими институтами и религиозными организациями;
- продвижение проекта новой межхристианской перегруппировки сил и др. [Касаткин 2010: 144].

С 2007 года представитель Русской церкви входит в состав бюро Комитета религиозных неправительственных организаций (НПО) при Организации Объединенных наций (ООН) [Касаткин 2010: 143].

В целом, диалог между РПЦ МП и РПЦЗ сыграл огромное значение в укреплении единства Русской Православной Церкви и открыл для неё возможности выступать в качестве «мягкой силы».

Активизация деятельности Русской Православной Церкви за рубежом может рассматриваться как инструмент «мягкой силы». В последнее время она также отождествляется с имиджем России как государства на международной арене. Данный факт подтверждается существующими концепциями относительно предназначения России в стабилизации мирового порядка и её будущем расцвете в качестве центральной цивилизации Евразии, а также закреплен в программных документах государства начиная с 2012 г. [Безбородов 2021: 6].

«Мягкая сила», в отличие от «жесткой силы», подразумевает способность влиять на других социальных акторов посредством культуры, ценностей и внешней политики. Одним из ключевых её аспектов является культурное влияние. Страны, обладающие развитой и привлекательной культурой, способны транслировать свои идеи и ценности за пределы национальных границ. Популярная музыка, кино, литература, игры, образование, искусство, религия, – становятся инструментом «мягкой силы», формируя позитивный имидж страны на международной арене.

В условиях обострения геополитической конкуренции, ресурсы «мягкой силы» становятся важным инструментом противостояния попыткам доминирования и давления. Страны, умело использующие ресурсы «мягкой силы», способны расширять сферу своего влияния, привлекать союзников и оказывать сопротивление попыткам внешнего давления.

Осознание потенциала религии в качестве инструмента «мягкой силы» происходит на волне развития и апробации тактик информационных войн, начиная с периода холодной войны и по настоящее время. Традиционные войны с применением «жесткой силы» начали отходить на второй план, так как не позволяют столь масштабно влиять на общественное мнение. Главной целью информационного противоборства выступает контроль и воздействие на общественное сознание.

В целом существует три причины, по которым стоит проявлять осторожность при применении инструментов «жесткой силы»:

- затратность для бюджета страны;
- негативные последствия для имиджа государства на международной арене;

– отсутствие долгосрочного эффекта в исторической перспективе [Укенов 2021: 198].

Указанные нюансы свидетельствуют в пользу отказа от подобных методов и привлекательности ресурсов «мягкой силы». Культура и религия являются подобной силой.

Одним из ключевых направлений внешней политики России выступает укрепление связей с другими православными странами и сообществами. Москва рассматривает православие как важный ресурс «мягкой силы», позволяющий расширять её геополитическое влияние и противостоять доминированию Запада. Россия активно поддерживает православные общины в различных регионах мира, финансирует строительство храмов и монастырей, а также способствует распространению русского языка и культуры посредством открытия культурных центров.

В то же время Россия сталкивается с рядом вызовов, связанных с необходимостью адаптации православия к современным реалиям. Вопросы, такие как роль женщины, семейные ценности, научно-технический прогресс и т.п., – требуют от Русской Православной Церкви выработки новых подходов, которые бы сочетали традиционные ценности с актуальными потребностями общества.

Сегодня важным ресурсом РПЦ являются социальные медиа, традиционные каналы массовой коммуникации. Вариация медиаплатформ позволяют взаимодействовать со всем миром и выстраивать диалог между разными конфессиональными и общественными группами. Подобный инструмент как часть «мягкой силы» называют цифровой дипломатией.

Цифровая дипломатия преследует целью влияние на общественное мнение за рубежом, а также распространение информации посредством социальных медиа. Благодаря

этому становится возможным обмен и распространение идей и ценностей православного христианского мира.

Одним из основных аспектов цифровой дипломатии Русской Православной Церкви является использование интернета и социальных сетей для коммуникации с верующими и широкой общественностью. Церковь активно поддерживает свои официальные сайты, блоги и страницы в социальных сетях, где публикует новости, видео- и аудиопроповеди, богослужения, а также информацию о своей деятельности. Для православной молодежи создаются сообщества, в которых они могут общаться и взаимодействовать. Многие церковные организации создают свои собственные ютуб-каналы, где публикуют записи богослужений, интервью с духовными лицами и другие видеоматериалы.

Также цифровая дипломатия Русской Православной Церкви включает использование мобильных приложений, которые позволяют верующим получать доступ к различным церковным ресурсам, таким как молитвенники, библиотеки, календари церковных праздников и другие полезные материалы.

В настоящий момент цифровая дипломатия РПЦ сталкивается с определенными вызовами. Например, вопросы конфиденциальности данных и защита личной информации верующих становится как никогда актуальной.

В целом цифровая дипломатия РПЦ является существенным инструментом распространения веры и ценностей церкви в мире, формируя имидж России как оплота православной христианской цивилизации. Она позволяет церкви быть более доступной и ближе к верующим, а также эффективно взаимодействовать с общественностью.

На фоне усложнения отношений со странами постсоветского пространства (Эстония, Латвия, Литва,

Грузия, Украина) возрастает роль Русской Православной Церкви, способной вести диалог между противоборствующими сторонами, обращаясь к православным ценностям и традициям.

А. С. Укенов указывает, что подобная практика имела место во взаимоотношениях между Русской Православной Церковью и Грузинской Православной Церковью на фоне событий в Грузии в 2008 г. «Представители Церкви дают оценку западным ценностям как угрозе национальным интересам и грузинским традициям», – пишет он [Укенов 2021: 200–201]. При вмешательстве СМИ данные высказывания становятся предметом дискуссии и противостояния сторонников и противников русского нарратива в повестке дня.

Внешнеполитическая деятельность РПЦ воспринимается как часть «...государственной, внешнеполитической концепции «мягкой силы», – указывает М. И. Безбородов [Безбородов 2021: 7]. Восприятие её в качестве субъекта отношений свидетельствует о ключевой роли данного направления в работе над духовно-ценностными основами общества и образом страны за рубежом. Тем более, что с религиозной позиции взаимодействие между сторонами межкультурного диалога осуществляется на основании конфессиональных, а не национальных границ.

Украинский кризис, разразившийся в 2014 году, стал серьезным испытанием для многих институтов и организаций. Русская Православная Церковь не осталась в стороне. В условиях геополитического противостояния и религиозных разногласий, она взяла на себя важную миссию по сохранению единства и консолидации православного мира.

Украина исторически является неотъемлемой частью канонической территории РПЦ. Киевская Русь, колыбель

русского православия, была крещена в 988 году князем Владимиром Святославичем от Константинопольской церкви. На протяжении веков Украина и Россия были тесно связаны духовно и культурно посредством Русской Православной Церкви. Даже после распада СССР в 1991 году Украинская Православная Церковь Московского Патриархата (УПЦ МП) сохранила свою каноническую принадлежность к РПЦ.

В условиях обострения украинского кризиса РПЦ заняла взвешенную и миротворческую позицию. Неоднократно Патриарх Кирилл призывал к диалогу, прекращению насилия и поиску компромиссных решений. Церковь выступала за сохранение единства и недопущения раскола. Её роль оказалась особенно важна в условиях, когда другие институты и организации оказались неспособны преодолеть раскол в украинском обществе. И сегодня её миротворческая позиция и гуманитарная миссия способствует снижению напряженности и поиску компромиссных решений.

На фоне активной деятельности РПЦ как ресурса «мягкой силы» России, продолжает быть актуальным вопрос о роли православной цивилизации в глобальном мире.

Миссия православной цивилизации в процессе противостояния секулярному проекту «эмансипации человека» – «переоткрыть» единство человечества [Панарин 2014: 566].

Идеология секуляризма, зародившаяся в эпоху Просвещения, постепенно вытесняла религию из публичной сферы, провозглашая автономию человека от любых трансцендентных авторитетов. Секулярный проект «эмансипации» предлагает человеку освободиться от оков традиционной морали, религиозных догм и социальных условностей, чтобы реализовать свою «подлинную природу» и достичь полной самореализации.

Однако с позиции православного мировоззрения, подобная эмансипация человека неизбежно ведёт к духовной деградации личности и разрушению традиционных устоев общества. Православие утверждает, что истинная свобода человека заключается не в освобождении от нравственных и религиозных ограничений, а следовании заповедям Божиим и стремлении к духовному совершенствованию.

Большая часть православных мыслителей и богословов указывают, что секулярный проект «эмансипации человека» основан на ложном представлении о человеке как автономном и самодостаточном существе, способном самостоятельно определять свою сущность и предназначение. Православие, напротив, в понимании человека исходит из его укоренённости в Боге, призвания к обожению и преображению в соответствии с Божественным замыслом.

В противовес секулярному индивидуализму православная цивилизация утверждает ценности соборности, взаимной ответственности и служения ближнему. Именно в этом заключается подлинная свобода человека – в самоотверженной любви и жертвенном служении Богу и ближнему.

Православная цивилизация находится в непрерывном духовном и культурном противостоянии с секуляризмом, отстаивая свое видение подлинной свободы и предназначения человека. Этот конфликт ценностей и мировоззрений определяет многие аспекты современной общественной жизни и будет оставаться актуальным вызовом для православного мира в условиях глобализации.

Россия как суверенная цивилизация представляет собой многообразное и сложное образование. Сквозь века, она сохранила свои уникальные культурные и духовные традиции. В современном глобальном мире Россия стремится

к построению многополярной системы, подчеркивая свою независимость и обязательства перед народом. Понимание истоков и истории России помогает глубже понимать её место на мировой арене и возможности для сотрудничества с другими государствами.

РАЗДЕЛ 2. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

2.1. Роль государства в формировании социкультурной среды

Постсоветский период, начавшийся в 1991 году, ознаменовал собой радикальные социокультурные изменения в России. Новая политическая система, основанная на принципах демократии и рыночной экономики, привела к обострению социальных и культурных противоречий, формированию новых социальных групп и изменению образа жизни большинства граждан страны.

Одной из основных характеристик постсоветского периода стала трансформация традиционной советской культуры. Утрата силы коммунистической идеологии привела к изменению социальной и культурной идентичности, которая выступала объединяющим началом граждан в общем стремлении к улучшению качества жизни и созданию новой России.

В условиях ценностных преобразований актуализируется проблема поиска культурного потенциала общества через осмысление существующих мифологем. Они включают не только устоявшиеся идеи и парадигмальные образы, но и вписываются в пространство повседневных коммуникативных практик. Благодаря их духовно-материальному потенциалу они обеспечивают историческую и культурную связь между поколениями. Существующие мифологемы способствуют процессу символического конструирования реальности и укоренению мировоззренческих стереотипов, характерных для массовой культуры XXI века.

Мифологичность предстает весомым компонентом массового сознания так как создает фундамент для противостояния излишней рациональности культуры.

Связь мифа и массовой культуры становится следствием социокультурных трансформаций, переживаемых обществом в начале XX века. Появление нового субъекта истории «масс» и «человека массы» сопровождалось, с одной стороны, разочарованием в рационалистическом мировоззрении, а с другой стороны, становилось основанием для нивелирования чувства социальной нестабильности [Некрасова 2002]. Активное развитие тоталитарных режимов способствовало реанимации классического мифа с образами, порождаемыми эпохой. Не стало исключением и отечественное пространство, на территории которого в результате революции 1917 года складывается социалистическое общество. В нём одна из важных ролей отводилась мифологемам «Великой Октябрьской революции», «ленинско-марксистской интерпретации истории», «торжеству пролетариата», находящим отражение в культуре и искусстве.

В основании советских мифологем, которые и в наши дни не утратили своей актуальности, была заложена вера, а социальные установки включали компоненты классического мифа [Коновалова 2001]. На значимость культа предков и христианского поклонения святым мощам как основе религиозного сознания акцентирует внимание Е. С. Некрасова, приводящая в пример поклонение телу Ленина как символу советской системы [Некрасова 2002]. Отсюда и зарождение образа вождя, символизирующего мощь и силу.

Не утратили своего значения для формирования новых символов эпохи лунарные и солярные мифы, которые часто применялись в советской литературе. Это своеобразное

сочетание символизма, модернизма и советского сознания. За основу советских мифических сюжетов брались типичные для русского сознания идеи и образы, почерпнутые в творчестве писателей, например, Ф. Достоевского, В. Маяковского, А. Гайдара и др.

Анализируя структуру мифа, Р. Барт определял советскую мифологию как новый тип мифологизирования, включающий искусственные элементы. Миф как коммуникативная система существует через форму обозначения [Барт 2008: 265]. Чтобы миф стал реальностью, необходимо наполнить его знаковостью, которая может включать положительные и негативные реакции и образы.

Советский миф обладает рядом существенных отличий от классического. По словам Р. Барта, к ним можно отнести его ограниченное включение объектов, связанных с политическими понятиями, тактическую направленность на удобство применения в дискурсе и заказной характер, т.е. отсутствие изобретательности и, как следствие, краткосрочность его существования [Барт 2008: 310–311]. В этом случае философ приводит пример с сакрализацией мифа о Сталине. При описании структуры данных мифологем стоит говорить о процессах заимствования и замещения тех или иных компонентов традиционно-архаического мифа.

Одной из значительных мифологем этого периода и в настоящее время остается «миф о создании новой человеческой формации – советского человека». Он отражает особенности традиционной советской культуры и гендерных отношений в обществе [Кожемякин 2013].

Образ «рабочий и колхозница» включает бинарность женского и мужского начала. «"Рабочий и колхозница" визуально реализуют идею объединения двух классов...», – пишет Г. Г. Почепцов [Почепцов 2002: 324]. Образ человека труда символизирует не только мужское начало, но и

является прообразом рабочего класса как части традиционной советской культуры.

Образ «колхозница» символизирует женское начало и отождествляется с крестьянским классом. Перенос внимания на классовую составляющую позволил исключить скрытый сексуальный контекст и подчеркнуть гендерное равенство в обществе.

Способность символов к самовоспроизводству и тиражированию дает основание говорить об их влиянии на общественное мнение. В частности, широкое распространение символов советской эпохи сегодня через пользователей социальных сетей может свидетельствовать о выражении собственной позиции в отношении ключевых понятий, таких как свобода, воля, общество, культура, религия и т.п. Это преобразует современную коммуникативную практику и вовлекает в процесс создания и распространения устоявшихся мифологем, формирующих социальную память общества. Функции символов: трансляция, репрезентация, информирование и интеграция участников коммуникации в виртуальном пространстве.

Советские мифологемы сочетали в себе ментальные установки и компоненты немифологического порядка, репрезентируя внешний мир [Коновалова 2001]. Г. Г. Почепцов отмечает, что в советскую эпоху существовали как сильные символы, которые находили своё воплощение в публичной сфере, так и слабые, находящие отражение в частной жизни человека [Почепцов 2002: 386].

Образ советского человека как совершенного и образцового включал в себя дуальность прошлого / будущего, своего / чужого, женского / мужского. Раскрытие мифологемы «советского человека» происходило на фоне оппозиционного понятия «человек буржуазного общества». Советский человек жил в мире художественных образов, мифических символов и религиозных ритуалов. Человек –

это закономерный космический феномен с высшим смыслом существования [Лаврухина 2009: 4]. Трансцендентное выступает опорой советскому человеку, указывающей на имманентно присущую ему дуальность, позволяющую принимать инаковость. Через тему трансцендентного возможно постижение добра и зла, должного и сущего, ответственности и вины. Космос символизировал высшую потенцию реализации способностей человека и его умственных, и физических затрат.

Символы культуры – это смысловые константы, сопровождающие человеческую цивилизацию и отражающие характер идеалов общества. Сегодня на смену мифологеме «светлого будущего» приходит миф о «прекрасном настоящем», который в некотором роде несет в себе силу разрушения истории [Масаев 2001].

При этом на постсоветском пространстве не все ценности западного мира воспринимаются как социально значимые. По-прежнему остаются ценными религиозные идеи и образы, которые достаточно часто используются как инструмент информационного противостояния в медиaprостранстве. Они часто становятся основанием для острых дискуссий. Однако в случае с социальными сетями речь скорее идет о процессах замещения политических ценностей религиозными и культурными. По сути, главными участниками подобных обсуждений становятся «цифровые аборигены» – носители нового языка «цифры», компьютеров, видеоигр и интернета [Пренски 2001: 1]. Обладая необходимыми медиакомпетенциями, они имеют ярко выраженное чувство гражданского долга.

Поколение «цифровых аборигенов» больше всего вовлечено в последствия процессов социокультурных преобразований, которые произошли в последнее время в информационно-коммуникативной сфере. Облик

современного представителя цифрового поколения представляет собой субъекта, владеющего основами производства, распространения, обмена и хранения информации как главного ресурса. Имея доступ к интернету, «цифровые аборигены» способны формировать открытые площадки для обсуждения социально значимых проблем общества. Речь идет о социальных медиа как группе интернет-приложений, имеющих идеологическое и технологическое основание Web 2.0 [Серостанова 2019: 142]. Социальные медиа могут формировать активную гражданскую позицию цифрового человека.

В то же время именно «цифровые аборигены» столкнулись с реальностью культуры постпостмодерна, которая отрицает устойчивость и постоянство, предлагая парадигмальные образы, с помощью которых возможно конструировать повседневную реальность и переосмысливать историю прошлого. Символы советской эпохи в современном медиапространстве способны порождать определенные абстракции и трансформировать ценности человека. В настоящий момент существует достаточное количество культурных продуктов, позволяющих переосмысливать советское прошлое в контексте новых парадигм, что также указывает на актуальность и устойчивость советских мифологем в общественном сознании как возможного инструмента цифровой дипломатии, способного ответить на вызовы социокультурной действительности.

Существующие советские символы как бренды эпохи обладают значительным культурным содержанием и эмоциональной нагрузкой, гармонично вписываясь в информационное пространство, что способствует созданию устойчивых образов.

В целом постсоветский период стал эпохой радикальных социокультурных изменений, которые

привели к обострению социальных и культурных противоречий, трансформации традиционной культуры и образа жизни, а также созданию новых социальных групп и экономических отношений. Важно отметить, что эти изменения продолжают оставаться актуальными для России, требуя от политических и общественных институтов разработки нового общественного договора и формирования новой социокультурной идентичности.

Особое внимание в данном ключе уделяется пониманию термина «трансформация». Он может рассматриваться как «эволюция», «развитие», «преобразование», «реформирование», «переход», «переворот» или «революция» [Карасев 2000: 24]. Существенный вклад в уточнение данного понятия внесли К. Поланьи, Т. Парсонс, Ю. Хабермас, П. Штомпка, И. Валлерстайн, Ф. Бродель, Д. Форрестер, А. С. Панарин, А. С. Ахиезер, А. И. Неклесса, В. Л. Иноземцев и другие.

Социальная трансформация – это наиболее глубокий тип изменений в обществе. Такие трансформации происходят в результате наличия «петли обратной связи», то есть замкнутой цепи взаимодействий [Хабермас 1987: 30]. Социокультурная трансформация представляет собой более узкую категорию, предполагающую формирование модели культурных ценностей при легитимации норм поведения в обществе. Выбор определенной модели связан с такими качествами социальной системы, как гибкость, способность к самовоспроизводству и стабильность.

Анализ социокультурной трансформации служит основой для исследования природы динамики культуры и социальных отношений. В рамках теории модернизации (В. Г. Федотова, Ф. Эйзенштадт, С. В. Николаева, С. М. Иконников и др.) социокультурная трансформация определяется через категории прогресса и вестернизации

общества, которые Россия ощутила на себе в культурном плане после распада Советского Союза.

Вестернизация – это процесс проникновения западных культурных, социальных и экономических элементов в другие страны и культуры. Она включает адаптацию западных идей, технологий, образа жизни и ценностей общества. Исходя из Стратегии национальной безопасности РФ 2021 г. данный процесс выделен в качестве «угрозы утраты современной Россией своего культурного суверенитета» [Ковалев 2022: 253]. Особую важность приобретает специфика информационного противоборства как инструмента защиты от внешней культурной экспансии.

В истории России были неоднократно отражены попытки подобной вестернизации на фоне появления новых каналов коммуникации с аудиторией:

– Петровские реформы совпали с развитием и популяризацией газет как канала коммуникации.

– Либеральные реформы Александра II приходятся на период активного развития телеграфа и железнодорожных сетей.

– Культурно-исторические изменения 90-х гг. XX века спровоцированы развитием не только радио и телевидения, но и появлением интернета.

На стыке XX и XXI веков происходят важные трансформации в культуре на волне цифровизации общества и активного развития социальных сетей. Цифровизация является одним из самых значительных технологических изменений за последние десятилетия.

Цифровизация – это процесс перевода аналоговой информации, данных и процессов в цифровой формат. Она включает в себя использование цифровых технологий для совершенствования жизнедеятельности общества в различных направлениях: бизнесе, образовании, здравоохранении, государственном управлении, культуре и

других сферах деятельности. В результате цифровизации происходит изменение методов взаимодействия людей, а также трансформация традиционных моделей бизнеса и образования. Социальные сети, в свою очередь, меняют способы общения и обмена информацией. Данные трансформации приводят к новому пониманию культуры, общественной активности и личной идентичности. СМИ становятся платформой для творчества и новых возможностей самовыражения, диалога в обществе.

Одним из основных аспектов влияния цифровизации на культуру является доступность разнообразного контента. С появлением интернета и цифровых технологий стало значительно проще получать доступ к культурному достоянию и наследию человеческой цивилизации.

Массовая аудитория может смотреть фильмы, слушать музыку, читать книги и изучать искусство в любое время и в любом месте, используя для этого различные медиаустройства: смартфоны, планшеты, ноутбуки и т.п. Цифровизация изменила способы взаимодействия между людьми и культурными институтами. Многие музеи, библиотеки, театры и концертные залы предлагают свои услуги онлайн, позволяя широкой аудитории ознакомиться с их коллекциями и выступлениями не выходя из дома. Устраивая мероприятия онлайн, к примеру, «Ночи искусств», «Книги для зимнего настроения», «Русское наследие» и т.п., учреждения культуры создают новый формат взаимодействия с аудиторией, осуществляя при этом просветительскую функцию.

Итак, цифровизация оказывает глубокое влияние на все аспекты жизни, формируя новое культурное пространство.

Несмотря на все преимущества, цифровизация также имеет негативное влияние на культуру. С развитием цифровых технологий увеличивается количество

низкопробного контента, что может привести к искажению ценностей и идей, а также создать проблему информационной перегрузки. Неконтролируемое использование цифровых технологий может привести к утрате интереса к традиционным формам искусства и культуры.

Как было отмечено ранее, именно в сфере культуры разворачивается жесткое информационное противоборство. Его причины кроются в содержательном наполнении культурной среды определенными ценностями, нормами, моделями коммуникации, символами, понятиями. С переходом на цифровые платформы возникает потребность в формировании новых компетенций и механизмов, регламентирующих процесс восприятия членами общества культурной идентичности и ключевых культурных констант.

Помимо этого, существует запрос на обеспечение информационной безопасности в области потребления продуктов культурных индустрий на нормативно-законодательном уровне. Защита культурной идентичности и социальной памяти русского народа нуждается в механизмах, способных сформировать у граждан критическое мышление в отношении потребления культурных продуктов. Проблема заключается в том, что если физическое пространство имеет определенные границы, которые можно контролировать с точки зрения безопасности окружающей среды, то в мире социальных медиа это становится проблематичным, поскольку массовая аудитория оказывается достаточно рассредоточенной. Человек, погружаясь в виртуальную среду, воспринимает мир иначе. Подобное уже происходило в истории человечества, например, с изменением чувственного восприятия на фоне появления письменности, с развитием книжной культуры или появлением телеграфа. М. Маклюэн

использует для описания подобных трансформаций интересное выражение: «Цивилизация дарит варвару, или племенному человеку, глаз вместо уха, но теперь оказывается не в ладах с электронным миром» [Маклюэн 2003: 23]. Возникновение виртуального пространства порождает больше вопросов, чем ответов. Например, насколько человек способен контролировать грань между реальным и вымышленным? Является ли его восприятие истинным или иллюзией?

Наряду с новыми технологиями возникают новые качества культуры: фрагментарность, клиповость, мозаичность. В частности, А. Моль, исследователь в области социального искусства и музыкальной психологии, определяет культуру как «силу, действующую в социальном поле» [Моль 2008: 348]. На подобное понимание культуры повлияло активное развитие средств массовой коммуникации, в результате чего произошло вытеснение традиционной «гуманитарной» культуры современной «мозаичной» культурой. Её особенностью является то, что она сочетает в себе случайные элементы культур различных народов и эпох, передаваемых аудитории через массмедиа. Данные элементы образуют в сознании человека определенную «базу данных» или «хранилище сообщений» [Моль 2008]. Этот процесс А. Моль называет «культуремой». Соответственно, актом культурной коммуникации становится процесс передачи «культурного сообщения». А. Моль отходит от понимания культуры исключительно в контексте изменения её восприятия человеком и приходит к заключению, что она – «совокупный результат... деятельности, что ... определяет возможности воздействия индивидуума на общество через цикл культуры» [Моль 2008: 349]. Социодинамика культуры обеспечивается процессом воспроизводства мифов с постепенным техническим усложнением

цивилизации. Однако «способность видеть сквозь времена и пространства» становится главным оружием в век глобального информационного противостояния, так как включает удовлетворение информационных и культурных потребностей, а также возможность «...формирования мотивов поведения людей в обществе» [Моль 2008: 350].

Понимание социокультурной динамики может помочь обществу в разработке эффективных стратегий развития культуры и общества, а также в оценке этих стратегий на практике.

Социодинамика культуры сегодня способствует формированию культурной политики государства. Данное понятие становится особенно актуальным, поскольку с каждым годом увеличивается вклад экономики культурных индустрий в ВВП страны. Введенное в научный оборот ЮНЕСКО в 1967 году понятие культурной политики было закреплено в указе Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Дугужева, Симаева 2019: 193].

Культурная политика, согласно М. Х. Дугужевой и Е. П. Симаевой, – «деятельность государства в области культуры по сохранению, актуализации, популяризации культуры, а также совокупность принципов и норм, которыми государство руководствуется в такой деятельности» [Дугужева, Симаева 2019: 193].

Задачи культурной политики России исходят из её основной цели – «укрепление общероссийской гражданской идентичности», которая в условиях активного развития массмедиа может подвергаться определенным угрозам [Указ президента 2023]. Она реализуется в области культурного наследия народов Российской Федерации, осуществления культурной деятельности, социальных и гуманитарных наук, русского языка, языков народов России, отечественной литературы и фольклора,

международных культурных и гуманитарных связей и т.п. Всё это нуждается в правовом регулировании не только на уровне реального взаимодействия, но и в киберпространстве.

Одной из основных задач правового регулирования культуры в интернете является защита авторских прав и интеллектуальной собственности. В сети часто происходит незаконное распространение материалов, нарушающих авторские права, что угрожает самой идее создания и распространения культурных ценностей.

Важно учитывать потенциальные угрозы культурной политики в интернете, такие как дезинформация, ненависть, насилие и другие формы цифрового экстремизма. В условиях противостояния западных ценностей и ценностей русской культуры правовое регулирование должно быть направлено на предотвращение и пресечение таких проявлений, а также на обеспечение безопасности и защиты прав пользователей сети.

Кроме того, необходимо развивать механизмы правовой защиты и просвещения пользователей, чтобы они могли осознавать важность сохранения культурного наследия и уважения к интеллектуальной собственности. Прозрачные и справедливые правила использования материалов в интернете способствуют созданию более безопасной и культурно разнообразной среды.

Таким образом, правовое регулирование культурной политики в интернете и социальных сетях играет важную роль в обеспечении устойчивого и развивающегося культурного пространства для всех участников сети. Взаимодействие государства, общественных организаций и частного сектора необходимо для создания эффективной системы защиты культурных ценностей в онлайн-среде.

Пик культурной экспансии в России связан с внедрением и распространением новых средств связи,

которые расширяют пространственные и временные параметры коммуникации.

В контексте глобализации вестернизация рассматривается как один из элементов унификации культур в мировом пространстве наряду с модернизацией и американизацией.

В настоящее время на процессы культурного взаимодействия оказывает влияние развитие новых медиа, что порождает дискуссию о таком явлении, как медиаглобализация. Данный термин был предложен К. Хафезом в книге «Миф о медиаглобализации», в которой представлен анализ процессов изменений в обществе под воздействием спутникового телевидения, интернета и зарубежного радиовещания [Колосова 2011: 98]. В качестве аргументов автор приводит следующие:

- культурный плюрализм и открытый доступ к мировым культурам благодаря интернету;
- трансграничная коммуникация;
- внедрение концептов «глобальная деревня», «сетевое общество», «глокализация культур» в качестве абстрактных моделей бытия;
- культурный, лингвистический и медиаимпериализм [Колосова 2011: 99–100].

В то же время, исходя из нормативных теорий прессы, нельзя согласиться с тем, что медиаглобализация может охватить весь мир, так как СМИ в разных странах имеют определенное соподчинение властным структурам.

Сегодня в мире имеет место практика просьюмеризма и демассификации, которые свидетельствуют о культуре выборочного восприятия и потребления контента.

По мнению Ли Рейни и Барри Уэллмана, сегодня мир переживает «три революции»: рост социальных сетей, консолидацию интернета и активный бум мобильных устройств. Эти революционные преобразования

способствуют формированию общества нового социального порядка, в котором возникает практика «сетевого индивидуализма», вызывающая множество вопросов относительно создания социального капитала и восприятия коммуникации в интернете [Ли, Уэллман 2012: 254].

В будущем общество может столкнуться с двумя основными проблемами: включение виртуальной реальности в повседневные практики общения и интеграцией различных форм коммуникации в некую общую дополненную реальность (kind of generalized augmented reality) [Ли, Уэллман: 255]. Фактически речь идет о новом социально-техническом паттерне. В то же время сетевая природа социального поведения может рассматриваться как с социологической позиции, так и в качестве инструмента «мягкой силы».

Сетевизация и цифровизация повлияли на оценку поведения в сети, изменив представление о культуре. Новые технологии способствовали формированию «гибридной конфигурации... практик консьюмеризма и ролевой модели потребителя» [Дроздова 2021: 26].

2.2. Просьюмеризм в России: от потребительской к массовой культуре

Начиная со второй половины XX века, на волне научно-технической революции, происходит модификация культуры и экономики. Это выражается в том, что всё чаще исследователи указывают на возможность применения знаний маркетинга и менеджмента в сфере культуры, а растущий арт-рынок все больше ставит под вопрос ценность культурного капитала в экономике. Одновременно происходит переход от классического к современному маркетингу, который основывается на комплексном подходе к рассмотрению основных компонентов рынка,

потребительского поведения, уникального торгового предложения и т.п.

Маркетизация культурных стратегий и тактик продвижения искусства породила новые методы управления и модели труда в культурном секторе. В данной интерпретации понятие культурных индустрий оказывается предельно широким и относится «...ко всем механизмам формирования образа и стиля жизни – как отдельного человека, так и больших социальных групп. Не случайно и почти полное временное совпадение последней версии культурных индустрий с этапом концептуального господства постмодернизма» [Зуев 2014].

О новом понимании культурных индустрий в условиях научно-технической и культурной революции свидетельствует появление таких понятий как «культурный капитализм», «экономика услуг» [Зуев, Васецкий 2020: 78]. Радикальные преобразования в культуре не остались без внимания в среде представителей футурологической школы философии (Д. Белл, Э. Тоффлер, Т. Парсонс и др.), прогнозирующих последствия социальных преобразований в обществе. Эkleктика массовой культуры XX века ставила вопрос о смысловой нагрузке массмедийных посредников и их продуктов. Информация как средство обмена все более становилась далека от восприятия и механизмов её передачи между людьми. Появление новой техносферы и инфосферы приводит к революции в массовом сознании и его способности, – отмечает Э. Тоффлер [Тоффлер 2005: 277]. Демассифицированные СМИ все более унифицируют образы в массовом сознании и создают предпосылки к индивидуализированному потреблению. Данный процесс будет определен понятием демассификация.

Человек в информационном обществе сталкивается с формированием нового типа культуры, в которой главной проблемой становится клиповость и фрагментация на волне

увеличения информационных потоков и мозаичности их восприятия. Соответственно, диссонанс между подлинным произведением искусства и подделкой становится более глубоким, а взаимоотношения между производителем и потребителем культурного продукта всё более измеряется не эстетическими категориями, а дивергенцией интересов [Адорно, Хоркхаймер 1997: 161]. Индивидуализация потребления культурного продукта вытесняет классические формы существования рынка. Отныне экономика проникает в социальную сферу. Мерилом культурных индустрий становится приравнивание человеческого счастья к оптимизации экономической удовлетворенности [Хезмондалш 2018: 49]. В этом случае оказывается удачным термин «коммодификация» используемый Д. Хезмондалшем в определении процессов трансформации предметов и услуг в товар, что можно наблюдать и сегодня в сфере культуры [Хезмондалш 2018: 83].

Культура постепенно превращается в своеобразный конвейер по производству искусства, а её сращение с бизнесом замещает культурный продукт подделкой или симулякром [Адорно, Хоркхаймер 1997: 150] Понятие «*simulacrum*» (подобие) раскрыто Ж. Бодрийяром, который в свою очередь заимствовал его из работ Ж. Батая [«За экраном...»]. Описывая процессы симуляции, философ расширяет понимание феномена культурных индустрий. Он включает в него формы человеческой деятельности. Так как мир всецело наполнен механикой подобия, то и культура становится пространством симулякров. В условиях активного развития медиакультуры распространенные ранее формы коммуникации продуцируют ослабление первичных связей человека со своей социальной средой, перенося фокус взаимодействие в поле глобального диалога [Кузнецова 2009: 272]. Процесс изменений приводит к нарушению существующей структуры отношений в

условиях сосуществования человека в реальной и воображаемой реальности. В основании симулякров каждого порядка были заложены следующие принципы: естественные законы ценности, рыночные законы стоимости и «чисто структурная игра ценности» [Бодрийяр 1999: 52].

«Воображаемое» становится полноценным наряду с «реальным». Оно создается благодаря совершенствованию медиа и изменению отношения к культуре. Коммуникация в потоке фетишей, заключенных в предметную форму (товар, деньги, символы, знаки, язык, идеи, бренды, имидж) активно внедряет новый тип рациональности. В условиях тотального потребления современное искусство выступает ритуальной практикой. Воспроизводя себя в процессе всеобщей симуляции, человек своими действиями порождает и клонирует симулякры. Копии вещей заполняют символическое пространство человека, имитируя обмен. Однако это не приводит к аккумуляции культурных образцов. Симулякрами могут выступать как бессмысленные знаки, так и знаки, несущие в себе искаженное представление. В целом все они формируют смысловое поле коммуникации.

«Симулякризация» присуща каждой эпохе, однако проявляла она себя по-разному. Символическую, системную иллюзорность прекрасно иллюстрирует развитие европейской цивилизации и модель культуры «без вещей» [«За экраном...»]. Приводя в пример кинематографические продукты, такие как «Бартон Финк», «Основной инстинкт», «Моряк и Лулу», в живописи работы Уорхола, Годара, Альдмана, – Ж. Бодрийяр раскрывает процесс симуляции реальности и культуры, в которой человек склонен выбирать «идею» вещи, нежели саму вещь [«За экраном...»]. Столкновение с гипернаглядностью, гипертехничностью нивелирует саму ценность продукта

культуры. Феномен Пекинской оперы становится доказательством тотальности иллюзии, доводящей до эстетического и физического экстаза [«За экраном...»]. Развитие экранной культуры все более стимулирует расширение иллюзорного пространства, в котором человек реализует «навязанные» желания. Вся система ценностей культуры сводится к относительности, когда знаки обмениваются знаками, но при этом теряются всякие намеки на реальность. На волне симулякризации происходит становление такого феномена как просьюмеризм.

Просьюмеризм как явление описано в работе Э. Тоффлера «Третья волна». Автор указывает, что он выступает свидетельством роста роли потребителей, которые становятся активными участниками в производстве и формировании продукции, не ограничиваясь только потреблением. В обществе XX века видится внедрение этой модели поведения как части культурной практики взаимодействия.

Просьюмеризм опирается на субкультурные практики прошлого века или *do it yourself* («сделай сам») [Мороз 2017; Буденкова 2019: 286]. Просьюмер или потребитель – человек, созданный постиндустриальной цивилизацией, в которой под воздействием новых технологий изменяется структура занятости.

Просьюмерство относительно культурных практик и практики медиапотребления не имеет четкого терминологического статуса. В настоящее время просьюмерство рассматривается в двух аспектах:

– альтернативная стратегия экономического поведения в контексте принципов «осознанного потребления» [В.Е. Буденкова: 285];

– культура DIY (*do it yourself* («сделай сам»)).

В контексте нашего исследования нас интересует последний аспект. В сетевом обществе на фоне развития различных онлайн-сообществ и сетей формируется комьюнити, которое постоянно создает, распространяет, обменивается и потребляет тот или иной контент. Подобная форма коммуникации интересна с позиции исследовательской практики, так как позволяет изучить механизмы формирования сетевой идентичности под воздействием новых медиа. А. Брунс предлагает определять данное поведение с позиции термина «produsage» (производное от слов «production» и «usage»), так как нельзя полностью отождествлять производство контента в сети просьюмерством, ибо здесь отсутствует классическое восприятие отчуждения и частной собственности [Буденкова 2019: 286].

Ч. Ли и Дж. Бернофф сделали попытку классифицировать просьюмеров в сети:

- критики – комментаторы контента;
- коллекционеры – собиратели адресов сайтов для поиска информации;
- пользователи – просто присутствующие в сети, но ничего не создающие;
- зрители – активные потребители контента;
- бездействующие [Буденкова 2019: 286].

Данная типология свидетельствует о формировании сегментов потребителей нового поколения, для которых главным ориентиром становится потребление эмоций и переживаний, а не только материальных благ. Это форма трансформации общества потребления, в котором аудитория стремится удовлетворить свои эмоциональные потребности. О подобном типе социальной трансформации впервые пишет в своих работах Г. Шульце. Согласно его концепции, главной проблемой таких преобразований становится переход от деятельностного к нормативному

уровню существования человека, когда возникает желание прожить яркую жизнь здесь и сейчас. Формируется особый «коэффициент опыта» («Erlebnisrationalität») или «внутренней модернизации» («innengerichte Modernisierung») [Шульце 1995: 147; Серостанова 2021]. На волне медиатизации и цифровизации движение общества к новой форме бытия все более отчетливой. С активным развитием социальных медиа и сообществ погоня за экстремальным, сенсационным становится главным трендом.

Если рассматривать медиапространство, то тенденции потребления эмоций формируют спрос на определенный контент и платформы. Например, рост интереса к онлайн-шопингу способствует развитию рекламы в социальных сетях и электронной коммерции, а также стимулирует создание контента о товарах и услугах. На телевидении появляются не только новые модели монетизации, но и растет спрос на различные виды шоу (музыкальные, ток-шоу, игровые, юмористические передачи, соревнования, политические шоу и т.п.). Изменение способов коммуникации медиа со своей аудиторией привели к её фрагментации и «цифровому разрыву» поколений [Сумская, Сумской 2019: 74]. Многие проекты, транслируемые по телевидению, ориентируются на чувства, самовыражение потребителей. Усиливается эффект за счет применения новых технологий обработки видеоизображений и звукового сопровождения. IT-сектор представил целый набор технологий от облачных до потоковой передачи информации на радио и телевидении, стирая границу между продвижением и потреблением медиапродукта.

Для примера возьмем шоу «Маска», которое транслирует НТВ. Этот проект является адаптированной версией корейского шоу «King of Mask Singer», который с первых выпусков обернулся ошеломительным успехом. По

данным Nielsen он собрал у телеэкранов 9,4 млн. зрителей, заработав самый высокий рейтинг развлекательных программ на американском телевидении. «Masked Singer» стал франшизой международного музыкального игрового шоу первоначально разработанного в Южной Корее. Музыкальное шоу «Король певца в маске» – это южнокорейская конкурсная программа певцов, представленная Ким Сон Чжу, с участием актера озвучивания Ли Вон Чжуна. По воскресеньям, начиная с 5 апреля 2015 года, на МАС идет дождь в рамках программы МВС «Воскресный вечер», – отмечено МВС Global Media.

Шоу понравилось многим зрителям по всему миру и его стали транслировать в Китае, Вьетнаме, Индонезии. Уже с 2019 года шоу «Маска» стартовало в США, Италии, Германии, Франции, Венгрии, России, Украине и др. В российской адаптации проекта «The Masked Singer» приняли участие российские и зарубежные селебрити, выступающие в необычных костюмах.

На сайте НТВ описывается шоу «Маска» следующим образом: «интригующий вокальный поединок, где личности звёзд скрыты за невероятными костюмами, а зрители пытаются разгадать самую охраняемую тайну российского телевидения: кто скрывается под маской?» [НТВ]. Уже в самой аннотации прослеживается не только эмоциональная окраска, но и определенная тайна.

Ведущим шоу стал певец, музыкант и шоумен Вячеслав Макаров. Членами жюри выступили Гарик Мартиросян, Валерия, Филипп Киркоров, Регина Тодоренко и Тимур Родригез.

Производством российской версии шоу «Маска» занималась компания «Вайт Медиа», контролируемая Vanija Group, что объясняет заимствование ряда образов и костюмов из иностранных версий, например «паук» или «робот» в первом сезоне.

В российской версии акцент сделан на участии ведущих звезд шоу-бизнеса в качестве жюри, так как главная задача шоу – развлекать и дарить эмоции.

Помимо шоу «Маска» популярностью у российского зрителя пользуются такие проекты как «Битва экстрасенсов», «Выжить в Дубае», «Новые звезды в Африке» и т.п. Все они являются последствием формирования общества впечатлений через сочетание эпатажности участников и визуального представления личностей, создавая интригу и стимулируя активные обсуждения участников в социальных сетях. В то же время, шоу становятся одним из примеров реализации проекта культурного империализма в условиях информационного противодействия и попытки разных стран влиять на ценности и образ жизни того или иного общества.

2.3. Анализ культурных индустрий в России: от индивидуализма до групповой идентичности

Интенсивная дискуссия о проблемах и перспективах развития культуры и искусства в постпандемическом мире логически ведет к дискуссии о значимости культурных индустрий в процессе формирования и воспроизводства стиля и образа жизни человека, его мыслей и направлениях реализации творческих потенциалов, равноправному доступу к мировому культурному наследию.

Ускорение темпов социокультурных и экономических преобразований, вызванных интенсификацией социальной и трудовой мобильности, дисбаланс между офлайн – онлайн-коммуникацией и активная цифровизация повседневной жизни порождает необходимость междисциплинарного исследования культурных индустрий и креативной экономики в аспекте определения ключевых направлений

цифровой инклюзии как основе устойчивого развития социума и качества жизни его членов.

В условиях коммерциализации культуры и конвергенции медиаконтента, способных максимально охватить аудиторию, нарастает проблема цифровой инклюзии, связанная с типом мышления человека и отвечающая за равноправный доступ к мировому культурному наследию.

Инклюзия рассматривается в качестве мировоззренческой универсалии, имеющей сложную структуру [Афанасьева, Судакова 2019: 28]. По замечанию О.Н. Афанасьевой и Н.Е. Судаковой, феномен инклюзии обладает следующими качествами: «...эмерджентность, мозаичность, неоднозначность... способностью к самовоспроизводству и самодостраиванию» [Афанасьева, Судакова 2019: 28]. Среди ключевых параметров цифровой инклюзии научным сообществом отмечены «...доступ, цифровые навыки, мотивация, социальная поддержка, опыт, автономность в использовании, самоэффективность (доверие)» [Плотичкина 2020: 218].

Рассматривая феномен инклюзии в культурных индустриях, особое внимание заслуживает описание цифрового портрета потребителя культурных идей и образов. В концепции М. Пренски можно найти две категории потребителей – «цифровые аборигены» как носители нового языка цифры и «цифровые иммигранты», включенные в новое глобальное коммуникативное пространство. Разница между ними обосновывается с позиции восприятия информации и умения ею воспользоваться [Пренски 2001: 1].

Исследуя интеграцию общества в информационное пространство, Д. Полфри и У. Гассер указывают на коренные противоречия между имущими и неимущими слоями населения. Авторы исходят из степени наличия /

отсутствия доступа к технологиям и интернету [Palfrey, Gasser 2008]. Наблюдается определенная эскалация в коммуникации с появлением новых форм взаимодействия наряду с традиционными для общества модерна моделями поведения. Пространство культурных индустрий порождает определенную форму неравенства в связи с непропорциональным доступом людей к информационно-коммуникационным технологиям, а также резким увеличением цифровизации культуры. Для России это является актуально значимой проблемой.

Пространство культурных индустрий в России претерпело значительное развитие и изменение, что отразилось на культурной сфере и экономике страны в целом. Одним из ключевых элементов культурных индустрий в России является музейное дело. Страна богата историческими и культурными достоияниями, и музеи играют важную роль в сохранении и продвижении этого богатого наследия. В России насчитывается множество крупных и известных музеев, таких как Эрмитаж, Третьяковская галерея, открытые архитектурные комплексы российского зодчества и многие другие, которые привлекают миллионы туристов и жителей страны каждый год.

Театральное искусство также занимает важное место в культурной жизни России. Русская драматургия имеет богатую историю, начиная от классиков, таких как А. П. Чехов, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, до современных писателей.

Музыкальная индустрия России также находится в состоянии активного развития. Страна оказывает поддержку множеству талантливых музыкантов и исполнителей разных жанров. Наибольшую популярность приобретают этнические фестивали и концерты, приуроченные к

традиционным праздникам, особо почитаемым жителями страны.

Русская литература занимает особое место в мировом литературном процессе, что создает особую её уникальность и востребованность не только внутри страны, но и за её пределами.

Итак, пространство культурных индустрий России остается достаточно динамичным. В то же время наблюдаются определенное неравенство в доступе к данным культурным продуктам в связи с неравномерным распределением доходов, как жителей разных регионов, так и страны в целом.

Помимо данного обстоятельства, существует определенная диспропорция в возможности удовлетворять потребность в информации между «цифровыми эмигрантами» представителями старшего поколения и «цифровыми аборигенами» молодой аудиторией потребителей, родившихся в век цифрового изобилия. Другим немаловажным вопросом остается наличие навыков обращения с новыми высокотехнологичными устройствами, в том числе связанных с искусственным интеллектом.

Резкий скачок в развитии цифрового формата культуры и искусства предполагает интенсивное использование манипулятивных технологий, способных насаждать различные образцы и стандарты поведения, стиль жизни, предпочтения в потреблении тех или иных культурных продуктов. Подобная практика известна под названием «культурная дипломатия». Например, при исследовании массовой культуры Японии Е.Л. Катасонова указывала, что распределение культурных потоков в японском обществе имеет четкую векторную направленность на Азиатско-Тихоокеанский регион и США, посредством взаимосвязи культуры и внешней политики страны [Серостанова 2018: 227].

Корейская массовая культура нашего времени не стала исключением. Посредством продукта культуры корейского производства продвигаются представление не только об исторических особенностях формирования данного общества, но и специфика менталитета, традиций, верований, стиля жизни корейского народа, активно растет интерес к региону в качестве туристической локации. При этом экономическая прибыль от товаров корейского производства в разных странах растет с каждым годом.

Вселенные Disney, Hollywood, Marvel, – продвигают разнообразное множество символов массовой культуры. Благодаря имиджевым персонажам (Бэтмена, Человек-паук, Супермен, Капитан Марвел и др.) был запущен конвейер по производству бесчисленных товаров: игрушек, канцелярских товаров, рюкзаков, одежды с изображением главных героев кинолент. Их образы настолько узнаваемы, что стали культовыми символами эпохи. Например, символ железного кулака («Iron fist») и логотип дракона, который с гордостью носит Дэнни Рэнд, имеет под собой целую легенду. Он связан с историей азиатских боевых искусств и мистическим даром «выходить сухим из любой ситуации» [CBR 2017].

С появлением полноценных киноимперий постепенно начинает осознаваться и неизбежность формирования целых сообществ и групп, поддерживающих образы тех или иных героев. Медиапродюсеры начали осознавать ценность воспитания поколения фанатов и развитие индустрии фандомов, которые основывались на лучших разработках теории управления и легко адаптировались под специфику медиаландшафта. Мир заговорил об эпохе трансмедиа [Gordon, Lim 2017: 302].

Распространению практики культурной дипломатии и конвергенции медиа поспособствовала интенсификация глобализации, появление интернета и социальных сетей,

ориентация на концепцию культурного релятивизма, поиск механизмов диалогической коммуникации и равноценного культурного обмена. Все это сформировало культурный облик мира и запустило процессы маркетизации культурных индустрий.

Стоит обратить внимание и на тот факт, что с ростом фандомов появляется проблема защиты авторских прав. Соблазн выложить информацию о продолжении сериала или мини-роликов о съемках культурного продукта вызывали недовольство и раздражение у производителей контента. Ведущие студии обрушились с критикой на фанатские сайты, обвиняя их в нарушении права на интеллектуальную собственность. В то же время вторая сторона акцентировала внимание на некоммерческих мотивах их поступков. Ведь они увеличивали коммерческую стоимость конечного продукта. Запускаемый в серийное производство продукт культуры отныне обрел не только финансовую, но и символическую стоимость. В настоящий момент интерактивное сотрудничество между фандомами и творческими студиями, создающими продукт, рассматриваются как дополнительный источник продвижения товара на рынок культуры, включая интенсификацию потребительского поведения.

Поток информации, идей и культурных артефактов в мире значительно возрос. Широкий коридор возможностей в восприятии реальности и возможности реализовать свои творческие замыслы благодаря новым техническим возможностям имеет неоднозначные последствия. С одной стороны, формирование новых форм коммуникации, а с другой – новые вызовы и риски, связанные со снижением смысловой нагрузки продукта творчества человека. В связи с расширением возможностей чувственного восприятия мира возникает когнитивная проблема, сопряжённая с поиском новой стратегии самопознания, основанной на

«принципе соизмеримости, “человекоразмерности” техники», – пишет Е. И. Ярославцева [Ярославцева 2021: 357]. «Цифровой рай» в будущем станет частью культуры, позволив мыслящему субъекту балансировать между реальной и виртуальной системами [Ярославцева 2021: 358].

Ряд исследователей пытались измерить коммуникативную сеть глобальных культурных потоков, среди которых стоит отметить работы А. Аппадурай. Философ предложил выделять пять измерений глобального культурного потока: этноскейпы, техноскейпы, финансовые, медиаскейпы и идеоскейпы. Несмотря на взаимосвязь, измерения имеют различия экономического, культурного и политического характера [Рэнтенет 2006]. А. Аппадурай указывает на бессмысленность попыток понять новую глобальную культурную экономику, используя старые модели, которые противопоставляют распределение культурного продукта по типу «центр – периферия». В большинстве подобных моделей культурного империализма проявляется скрытая озабоченность или страх перед «культурной гомогенизацией» и/или «культурной синхронизацией» [Барнет 2002: 9].

Владение крупными развлекательными центрами становится всё более интернационализированным, отражая экономическую взаимозависимость между нациями, о чем неоднократно писал М. Ю. Портер. В культурных индустриях данные процессы выходят за рамки интернационализации собственности. Американские кино, телевизионные-, видео-, звукозаписывающие и музыкальные издательские компании в настоящее время получают не менее 50 процентов своих доходов на зарубежных рынках и поэтому должны учитывать вкусы потребителей в других странах, а также вкусы

американских потребителей. Одна из причины, по которым кинопродюсеры платят миллионные гонорары кинозвездам, – это простой факт, что в правильных фильмах с большим количеством действия и небольшим количеством диалогов можно получить огромные кассовые сборы за пределами Соединенных Штатов Америки. Растущие затраты на производство фильмов сделали размышления о внешнем рынке решающими.

В подобном формате культурные индустрии функционировали вплоть до начала пандемии COVID-19, которая резко изменила характер и формат взаимодействия с аудиторией. Главными проблемами в данном процессе стали доступность культурного продукта широкой аудитории, процесс монетизации контента, изменение площадки для продвижения культурного продукта. В кризисных ситуациях (социально-экономическая нестабильность, финансовый кризис, пандемия COVID-19 и т.п.) указанные процессы усиливаются, имея последствия в виде диспропорциональной структуры занятости населения и незащищенности самозанятых работников в секторе производства культурного продукта.

Если взять, к примеру, музыкальную индустрию, то пандемия COVID-19 способствовала развитию следующих тенденций:

- рост потоковой передачи;
- интерес к короткоформатному видео;
- столкновение интересов крупных правообладателей и сервисов;
- активное выявление нарушений авторских и смежных прав в цифровой среде;
- борьба со стрим-риппингом или потоковым копированием за счет совершенствования законодательства и технических возможностей правообладателей [Крутских 2021: 227].

Культурные риски, порожденные глобализацией, приводят к обострению проблемы социального неравенства, основанной на принципах индивидуализированного потребления, – отмечает У. Бек [Бек 2000: 65]. Оно порождает новые формы планирования жизни человека и ликвидацию существовавших ранее «классовых форм культуры» [Бек 2000: 66].

Во многом причинами подобного явления является переориентация экономики с труда на творчество. Этим вызван интерес к культурным индустриям как типу деятельности, в основании которой заложены творческие навыки и компетенции. Так как культура непосредственно связана с пространством социокультурных коммуникаций, возникает вопрос о влиянии данных изменений на формирование персональных информационных систем. Так, в докладе С. Норы и А. Мунка отмечается, что в информационном обществе «организованность» будет совпадать с «добровольностью» [Алексеева, Аршинов 2016: 31]. Коммуникация, основанная на образовании и информации, заложит основу «совершенного планирования» [Алексеева, Аршинов 2016: 31]. Подобная реальность становится возможной благодаря формированию медиаструктур, отвечающих за процесс воспроизводства культурно-символических образов и смыслов. Процессы социализации и адаптации человека в пространстве культуры происходят посредством культурных индустрий, где и воспроизводятся допустимые модели поведения.

В то же время языковые и психологические различия становятся естественной преградой для массового производства информации, порождающие определенную хаотичность коммуникации и отсутствие четко заданных структур. Подобное обстоятельство связано со способом производства информации, отражающего характер

общения. Остается вопросом, возможно ли существование единого языка, способного снижать данные риски коммуникации. В исследовании С. Норы и А. Мунка нивелирование культурного неравенства возможно с помощью компьютеризации [Алексеева, Аршинов 2016: 32].

Значение языка определяется его способностью сформировать единство между пространственным, временным и смысловым измерением, способным преодолевать разрыв между реальным и виртуальным пространством. Однако возникает проблема цифровой инклюзии в условиях неравномерного доступа к информационно-коммуникативным технологиям в мире в целом и в России в частности. На фоне разрыва между традиционными и современными формами жизни возникает новое отношение человека и общества, государственных структур и бизнеса. По-иному воспринимается и общественный кризис, в котором акцент смещается скорее на индивидуальные переживания, нежели общественные. Период локдауна ярко продемонстрировал социальное неравенство в условиях защиты от кризисных процессов в экономике, когда вся культурная индустрия испытывала шок от резкого сокращения работающих кинотеатров, театров, концертных, продюсерских центров, творческих студий и т.п. Большая часть самозанятых работников в сфере культуры оказалась без средств существования. Одновременно с данными процессами наблюдалась интенсификация поиска альтернативных источников реализации культурного продукта. Фокус внимания стал смещаться в сторону онлайн-потребления, тем самым ещё более интенсифицировав процесс индивидуального выбора культурного продукта и услуги.

В массовый процесс преобразований включены и коммуникативные матрицы, выступающие в качестве системы символических кодов, норм и ценностей. Новую

мультимедийную реальность создают не правительства, а бизнес, который ориентирован на продукты творческого труда и экономику свободного времени. Данное обстоятельство подчеркивает пластичность структуры социокультурных коммуникации, а точнее её ризомность, что ставит под угрозу, существовавшую ранее, четкую иерархическую структуру экономики и занятости. Большая часть наемных работников в сфере креативной экономики воспринимается в качестве творцов, а не производителей продуктов и услуг. Происходит распад единства существовавшей ранее системы поведения в отношении потребляемого продукта. В реальности общество сталкивается с формированием групп, сообществ по интересам, поляризующих единое полотно культуры. По сути, происходит замещение процесса символизации симуляцией. Видится определенный переход от общества потребления к обществу впечатлений, которое чаще всего исключает определенную смысловую нагрузку предмета творчества. Всё это – следствие расширения культурных индустрий и цифровых преобразований в обществе.

Последствия COVID-19 отразились на отечественной культурной индустрии, изменяя характер потребительского поведения. В России наблюдается активизация инклюзивных практик, нацеленных на разрешение проблемы неравномерного доступа разных категорий граждан к продуктам культурных индустрий. Главная задача – формирование мировоззренческих установок с уклоном на адаптацию к цифровой среде. Например, центр социокультурных анимаций «Одухотворение» реализует инклюзивные социокультурные благотворительные и реабилитационные проекты для пожилых людей и людей с ограниченными физическими возможностями, а также занимается просветительской деятельностью, организовывая семинары, мастер-классы и лекции по всей

стране. К таким проектам стоит отнести «Инклюзивный танец», «Доступная культурная среда», «Быть самостоятельным» и др.

В условиях пандемии сфера культуры на отечественном пространстве претерпела огромные изменения. В то же время цифровые технологии открыли новые возможности для поиска качественных форматов взаимодействия с потребителями. Активное развитие виртуальных платформ позволило иначе посмотреть на технологии продвижения культурного продукта и качественно расширить аудиторию.

Исходя из обозначенных тенденций, проблема цифровой инклюзии становится одной из центральных, поэтому её содержательный анализ важен для углубленного понимания особенностей развития культурных индустрий в будущем.

Цифровая инклюзия понимается в качестве мировоззренческой универсалии, позволяющей выстроить модель пропорционального доступа всех сегментов потребительской аудитории к продуктам культурного творчества. Она становится основой для формирования цифровых навыков и умения самоорганизации в условиях глобальной маркетизации культуры. Цифровая инклюзия позволяет говорить о новом качестве коммуникации в креативной экономике, отношении к продукту творчества человека, трансформации форм культуры.

Оказывая влияние на изменение характера социокультурной деятельности, культурные индустрии сосредотачивают в себе совокупность ментальных состояний человека. Цифровизация культурного сектора преобразует характер социокультурной коммуникации, делая её многогранной и адаптивной для активно меняющегося мира. В то же время возникает потребность в приобретении новых навыков медиаграмотности,

самоорганизации и самообучения, умения работать с большими потоками информации.

Особое внимание к феномену культурных индустрий было уделено в период активных преобразований начала XX века. В это время наблюдается сращивание элитарного и массово искусства. Работы Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Х. Ортега-и-Гассета акцентировали внимание на рост массового производства в культурном секторе, стандартизации и унификации процесса воспроизводства идей и символов.

Со второй половины XX века постепенно оформляется идея маркетизации культуры с применением в данной сфере теорий управления, так как культурный продукт стал рассматриваться в качестве товара, обладающего определенной стоимостью. Изменилось отношение к творцу и потребителю культурных услуг, ставших частью арт-рынка. Так, Ф. Колбер пишет: «...все организации культуры, будь то музеи, концертные залы, библиотеки или университеты, производят культурные товары. Теперь все эти организации понимают, что должны бороться как за внимание потребителя, так и за свою собственную долю национальных ресурсов. Иными словами, он сталкиваются с проблемой маркетинга» [Колбер 2004: 21].

Большая часть исследователей того периода (Д. Белл, У. Бек, А. Моль, З. Бауман и др.) сходилась во мнении, что постиндустриальное общество изменит в целом активность и занятость населения планеты. Описывая состояние будущего общества, Д. Белл в качестве одной из проблем называл «развитие нерыночной экономики благосостояния», что будет сопровождаться сложностью в определении стоимости культурных продуктов и услуг при их измерении в рыночных категориях [Иноземцев 2004: 43]. Помимо этого, ученый указывал на роль культурных стилей и идей, способных запустить механизм трансформации

системы ценностей и общественного сознания, что, несомненно, приведет к изменениям в «социальных отношениях и институтах» [Белл 2004: 650].

Сегодня стоит объективно относиться к реалиям культурных индустрий в условиях кризисных ситуаций. Запутанность терминологии в области культурных индустрий становится источником множества проблем, связанных с границами и структурой массовой культуры. Достаточно часто культурные индустрии отождествляют с креативными индустриями, что не является верным с точки зрения выбора методики их исследования.

Представления о культурных ценностях в массовом сознании весьма неоднородны. Признание продукта культуры красивой вещью объясняется престижностью и модой. Обладание ею позволяет выделиться среди других, что, конечно, не относится к эстетическим отношениям. Возникшая на основе престижа культурная ценность выражается в том, что потребитель считает ту или иную вещь красивой только потому, что она служит признаком принадлежности к социальной группе, занимающей достаточно высокое положение в иерархии общественных отношений. В контексте коммуникативных отношений постиндустриального общества ценности культуры выступают одним из механизмов взаимодействия материального и духовного развития современной цивилизации. Продукты культуры, будучи связанными с материальными факторами, изменяют бытие, указывая направление его трансформации, создавая возможность переживания, претворения вложенных в них смыслов и значений.

Во всем мире массовая культура испытывает сложности, прежде всего, в коммерческом секторе. Речь идет о снижении доходов в области кино, звукозаписи, музыке, эфирном телевидении, архитектуре, туризме. В то же время растет спрос на информационные технологии,

стриминговые платформы, пиратские сервисы, которые также входят в понятие культурные индустрии. Смещение акцента от оффлайн к онлайн-коммуникациям показал наличие диссонанса в индустрии развлечений, что, несомненно, оказывает влияние на процессы занятости в сфере культуры.

Отметим, что системные отношения «учреждения культуры – продукты культуры – потребитель», «потребитель – продукты культуры – учреждения культуры», – обеспечивают кросс-культурные взаимодействия, в которых социокультурная деятельность становится своего рода коммуникацией, поскольку предлагает не только технологии по изготовлению культурных продуктов, но и сама становится культурным продуктом [Зуев 2005]. Путь культурного продукта от автора к потребителю весьма запутанный, что оказывает влияние на потребительские предпочтения аудитории. Катастрофически снижается сегмент оффлайн потребления аудиторией. Одновременно, растет популярность стриминговых сервисов.

Д. Хезмондалш указывает, что наиболее заметно процессы дигитализации или процесс перехода на цифру особо заметен в отношении музыкальной сферы как части культурных индустрий [Хезмондалш 2018: 342]. Появление технологий сжатия звуковой дорожки открыли новые возможности копирования информации, и как следствия ускорения симулякризации. Помимо этого, развитие пиринговых сетей выявило противоречие в процессах легализации распространения музыкальной продукции, необходимости защиты авторского права в интернет-пространстве и совершенствования программного обеспечения. Однако данные противоречия лежат на поверхности. Более глубокие проблемы связаны с

вовлеченностью музыкальной индустрии в целом в порождение эстетической иллюзорности творчества.

Акцент на новых стратегиях и технологиях продвижения онлайн-продукта ещё более сращивает области экономики и культуры. Творец отныне становится не просто создателем, но и субъектом, продающим свои способности на арт-рынке. Рост доходов определяет ценностную стоимость произведенного продукта и становится объектом интереса крупных музыкальных звукозаписывающих студий и корпораций.

Еще одним противоречием, связанным с онлайн-продуктом, становится неравенство между поколением цифровых аборигенов и иммигрантов. В политических кругах данное явление получило наименование «digital divide» [Хезмондалш 2018: 349].

Анализируя тренды развития креативной индустрии, В. Ф. Юшкин представил статистические показатели за 1991-2013 гг. в сфере культуры. Отмечается стремительное развитие культурного продукта в электронном формате. Например, с 2011 по 2013 гг. российский рынок электронных книг увеличился в 6 раз, а их покупка осуществлялась с персонализированных технических устройств (ноутбуки, персональные компьютеры и мобильные устройства) [Юшкин 2016]. Данные показатели свидетельствуют о сокращении количества учреждений культурно-досугового типа в целом. Так, количество библиотек за период с 1991 по 2013 гг. сократилось в 1,6 раз, а также произошло уменьшение их фонда в 1,4 раза [Юшкин 2016].

Культурные индустрии провоцируют инновации в корпоративном управлении [Зуев, Васецкий 2020: 85]. Значительная часть учреждений культуры переходят к модели горизонтальной и вертикальной диверсификации, предполагающей существование множества автономных

фирм и центров, работающих с учетом взаимных деловых обязательств. На превалирование подобной тенденции неоднократно указывал М. Кастельс.

Помимо этого, наблюдается тенденция к увеличению кооперативных форм в реализации культурных проектов. Как отмечал М. Кастельс, подобные процессы имеют место в секторе высоких технологий, в котором преобладает высокая стоимость продукта.

Возрастание значимости культурных индустрий хорошо прослеживается на фоне применения комплекса интегрированных маркетинговых коммуникаций: рекламы, связей с общественностью, паблисити и т.п. Это, в свою очередь, продуцирует актуальность развития технологий медиаиндустрии, способствующих символизации жизненного пространства.

Разрозненные попытки осмысления изменений в обществе привели к появлению концепции «общества переживаний». Её автором является немецкий социолог Г. Шульц. В своей работе «Общество переживаний: культурсоциология современности», он утверждает, что в послевоенные годы отношения человека к потребляемым благам изменилось [Шульце 1995]. Исследователь выносит приговор культуре мышления и критикует процессы эстетизации, происходящие в обществе [Шульце 1995: 146].

Исходным тезисом его работы становится проблема перехода от деятельностного к нормативному уровню бытия человека. Данный проект Г. Шульце именуется «проектом красивой жизни» [Шульце 1995: 147]. Человек отказывается откладывать жизнь на потом. Он хочет проживать её сиюминутно и ярко. Происходит формирование специфического «коэффициента опыта» («Erlebnisrationalität») или «внутренней модернизации» («innengerichte Modernisierung») [Шульце 1995: 147].

Внешние обстоятельства становятся ширмой для внутренней жизни, что создает две проблемы: риски, связанные с определением собственных желаний, и риски неоправданных ожиданий.

Трансформация эмоциональных внутренних состояний человека ведёт к формированию нового типа мышления и интерпретации повседневности. Концепция Г. Шульца наглядно демонстрирует попытку пояснить переход человека к новому типу мышления, основанного на впечатлениях и внутренних переживаниях, что преобразует коммуникацию и структуру общества.

В рамках исследований, проводимых Гарвардской школой бизнеса, была представлена еще одна концепция – «экономика переживаний». Её смысл заключается в становлении «нового рыночного времени индивидуальных запросов, которые формируются на основе узкоиндивидуального опыта потенциальных потребителей. При этом основная прибавочная стоимость создается в сфере креативных индустрий, позволяющих индивидуализировать потребление в любой сфере мирового рынка» [Зуев 2005]. Другими словами, экономика будущего будет тесно связан с сектором потребления, превращаясь в экономику переживаний.

Порождение новых культурных форм создает предпосылку для формирования нового экономического сознания. Наблюдается и определенное сращение культурных практик, в том числе культурных индустрий со сферой экономики и политики, что связано с крупными геополитическими и геоэкономическими сдвигами в области занятости населения и развития фрилансинга.

Итак, в ходе исследования были отмечены основные тенденции развития культурных индустрий в условиях кризисных явлений в мире, которые свойственны и для России. К ним можно отнести следующие:

- активная цифровизация культурного пространства и изменение форм коммуникации между производителем и потребителем культурного контента;
- маркетизация культурного сектора;
- приоритет экономической стоимости культурного продукта над смысловой;
- коммерциализация культурного сектора;
- интернационализация культурного продукта с целью увеличения потребительской аудитории в разных странах и регионах;
- индивидуализация потребления продуктов творчества;
- конвергенция медиа и культурного пространства;
- переориентация культурных индустрий с классовых форм культуры на модели концентрических кругов;
- совершенствование нормативно-законодательной базы в области защиты авторских и смежных прав в цифровом пространстве.

В современном российском обществе культурные индустрии играют ключевую роль в формировании общественной идентичности и социокультурной динамике. Трансформация медиапотребления аудиторией от индивидуальной до групповой идентичности – сложный процесс, отражающий ценности и ориентиры общества.

Индивидуализм как культурный феномен проявляется в стремлении индивида к самореализации, удовлетворению личных информационных потребностей и достижению собственных целей. В аспекте российского общества он часто ассоциируется с развитием личных достижений, предпринимательства и творческого самовыражения. В данном ключе культурные индустрии поддерживают и стимулируют индивидуальное творчество и самовыражение.

В то же время групповая идентичность более свойственна российскому пространству по ряду исторических причин и ценности коллективистского начала в общественных отношениях. Культурные индустрии способствуют укреплению общественных связей, формированию коллективных ценностей, чувства любви к родине и патриотизму, а также поддерживают систему символов свойственных российскому обществу.

В комплексе взаимодействия групповой идентичности и индивидуализма зарождается уникальная динамика культурных индустрий в России.

С одной стороны, сегодня наблюдается стремление к балансу между индивидуальными и коллективными потребностями. С другой стороны, происходит активное воздействие глобализации на социокультурную сферу, которая выступает вызовом для уникальности и многообразия культурных выражений в нашей стране.

Акцент на исследовании многогранности культурных индустрий в России позволит не просто понять процессы, происходящие в них, но и разработать эффективные стратегии поддержки и развития культурных индустрий в будущем.

2.4. Медиа и глобализация

В последние десятилетия медиа и глобализация стали неотъемлемыми компонентами современного мира. Они влияют на культуру, политику и социальные отношения. Этот процесс прошёл через несколько этапов, от постмодерна до постпостмодерна, что нашло отражение в развитии культурной идентичности и коммуникационных технологий.

В конце XX века постмодернизм в медиа стал символизировать разрушение традиционных границ и

идеологий. Эпоха, отмеченная мультикультурным подходом и деконструкцией метанарративов, привнесла в медийное пространство множество новых форм и содержание. Стремление к иронии, метафоричности и игре с жанровыми ожиданиями превратили медиа в платформу для самовыражения и размышлений над собственной культурной идентичностью.

Процесс глобализации становится основой новой системы функционирования мира в XXI веке. Глобализация стала основным процессом, благодаря которому формировалась матрица коммуникации между странами и народами в сфере культуры, технологий, экономики и торговли. Динамика взаимодействия поддерживалась массмедиа как одним из институтов формирования общественного мнения. Одновременно назревал разрыв между обществами, вошедшими в информационную стадию, и обществами, которые оказались на позициях «догоняющего» развитые страны Запада. Эта тенденция существенно подогревалась СМИ в условиях формирования основных моделей общественногоразвития и расширяющей свои возможности по унификации культурных границ и идентичности глобализации. Она создает условия для перехода к цивилизации нового формата, в которой приоритет отдается глобальным смыслам и ценностям.

Значение массмедиа в контексте глобализации и информатизации исследовали Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Кастельс, С. Аткин и др. В частности, Мануэль Кастельс в своем труде «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» последовательно раскрывает собственную концепцию становления общества «сетевых структур», сформированного по принципу глобальных сетей [Кастельс 2009].

Сетевое общество – это общество взаимозависимых узлов, в которое включена глобальная сеть СМИ,

выступающая инструментом создания медиаккультуры [Луман 1995].

Деятельность массмедиа и характер массовой коммуникации определяется глобальными процессами, без научного обоснования которых невозможно постижение закономерностей развития культуры в современных реалиях. Глобальные трансформации обусловлены вступлением человечества в информационную эру, сопровождающиеся сложнейшими процессами коммуникационной революции, информационных и психологических войн [Маркузе 1994]. Они становятся основанием для формирования нового мирового порядка.

Начиная с 80-х гг. XX века, появляются глобальные средства массовой информации – медиаимперии, такие как CNN, BBC и т.п. В их руках сосредотачивалась значительная экономическая и политическая власть. Она заключалась в возможности манипулировать общественным сознанием, создавать параллельное с реальностью виртуальное пространство бытия человека.

В настоящий момент глобализация преимущественно осуществляется за счет транснациональных медиаконцернов, например, Walt Disney или Time Warner, которые способствуют формированию глобального информационного пространства. В России к подобным медиаконцернам можно отнести Mera, Media Instinct, СберМаркетинг, OMD Optimum Media, Игроник и др.

Современная культура всё более абстрагирована от исторических и географических условий. Она реализует себя в медиапространстве электронных коммуникаций, где создаются аудиовизуальные гипертексты культуры визуальной реальности.

Глобализация расширяет границы действия цифровой техники, электронных СМИ и делает станы и континенты всё более зависимыми друг от друга. Подобная

теоретическая модель является ярчайшим примером многоаспектности глобальных процессов, в контексте которых осуществляется развитие массмедиа. Они проявляют силу в первую очередь в сфере массовой коммуникации, а их экономические и политические контуры очерчены глобальным информационным пространством, образованным транснациональными массмедиа. Они играют ведущую роль в глобальных процессах, так как обладают способностью распространять по всему миру не только информацию, но и формировать представления о ключевых мифологемах в контексте противостояния культурных идеалов Запада и Востока.

Однако глобализация информационного обмена и коммуникации не ведет к слиянию различных культур и стиранию культурных отличий. Наоборот, особенностью современной мировой культуры является её полимодальность и толерантность к этническому вопросу.

В начале XXI века процессы глобализации усилили влияние медиа на формирование мирового культурного пространства, затронув и Россию. Интернет и социальные сети обеспечили доступ к лучшим образцам разных культур и идеологий, размывая национальные и региональные границы. Этот период характеризовался усилением культурного плюрализма и смешения традиционной и инновационной модели формирования культурной идентичности под влиянием глобальных медиа.

Современная эпоха постпостмодерна в медиа отмечена стремлением к синтезу разнородных культурных кодов и идентичностей. В условиях цифровой революции и расширения виртуального пространства медиа переходят к активному взаимодействию с аудиторией, индивидуализируя контент и подстраиваясь под локальные и глобальные культурные контексты.

С данными процессами активизируется интерес к рассмотрению культуры в качестве инструмента информационных войн и их последующей гибридизации и идеологизации.

Информационная война как «...невоенное средство достижения стратегических целей» становится главным инструментом, влияющим на ход противоборства сторон [Чумиков 2023]. Среди основных стратегий гибридной информационной войны выделяются:

- фейки, дезинформация, коммеморация как война памяти, конспирология, троллинг, спецпропаганда [Чумиков 2023];

- разведывательно-информационная поддержка, роботизированные технологии, кибератаки, киберагрессия в сочетании с дезинформацией [Даник и др. 2017];

- информационные и психологические операции, экономическое эмбарго, протестные акции оппозиционных движений, вооруженные нападения и диверсионные действия [Уваров 2021: 4] и др.

С учетом того, что сегодня наблюдается одновременное развертывание гибридных войн и информационного противоборства, на волне активного развития коммуникативных технологий в медиапространстве проявляет себя информационная агрессия, направленная на противоборствующие стороны. Уже сегодня учёные выделяют 3 поколения информационных войн как следствие развития и апробации новых методов и стратегий информационного и психологического воздействия на массовую аудиторию [Касюк 2018: 36].

Стоит отметить, что понятие информационная война и информационное противоборство являются тесно взаимосвязанными. Становится ясным, что информационная война имеет более широкий охват. Она

направлена на достижение стратегических целей, манипуляцию, воздействие и контроль над информацией.

Понятие информационного противоборства фокусируется на конкретных противоборствующих сторонах и их борьбе за информационное превосходство. Речь идет о соперничестве в области информационных технологий, манипуляции с данными, разведывательной деятельности, создании и распространении дезинформации и пропаганды, а также противостояние данным действиям.

Главными задачами информационного противоборства выступают: получение преимущества над противником в обмене информацией и информационных технологиях, защита информационной безопасности и контроль потоков информации.

Среди основных причин гибридизации информационного противоборства стоит отметить процессы глобализации, медиатизации общества и конвергенции медиа. Одним из ярких форпостов гибридного информационного противоборства становятся культура и идеология.

Проблема связи культуры и идеологии в отечественной мысли рассматривается в трудах Н. Бердяева, А. Блока, Г. Федотова, А. А. Сорокина, М. М. Бахтина, М. С. Кагана, Г. П. Хориной и др.

Сама идея рассмотрения культуры как исторически присущей сущностной характеристике того или иного народа принадлежит И. Г. Гердеру [Самылов, Симаненко 2016: 112]. У данного мыслителя встречаем идею о том, что динамика культурной традиции связана с двумя ключевыми факторами: постоянном процессе накопления культурного опыта и замещении одних видов стереотипов другими [Самылов, Симаненко 2016: 111].

В работе И. Ф. Убирии и А. А. Горохова определяются социально-культурные факторы данного процесса:

- рассмотрение культуры как «инструмента для достижения определенной цели»;
- «инструмента восприятия значения разума»;
- секуляризация европейской культуры и замещение религиозных ценностей политическими и ценностный релятивизм [Убирия, Горохов 2016:108–109].

Взаимодействие культуры и идеологии проявляется в практике культурного империализма.

Культурный империализм – процесс распространения культурных ценностей, норм и образа жизни одного общества на другие. Его воздействие осуществляется с применением медиа, языка, образования, искусства, моды, экономического и политического влияния. Главная угроза культурного империализма – утрата самобытности культуры и размывание культурной и национальной идентичности, что сказывается на балансе между свободой культурного обмена и сохранением культурного многообразия.

Итак, глобализация, имея как положительные, так и отрицательные последствия, открывает перед человечеством качественно новые возможности. Вместе с тем ускоренное развитие транснациональных компаний угрожает самому существованию национальных государств новой формой мобильного духовно-экономического империализма, который все больше захватывает рынки сбыта. Посредством СМИ и культуры навязываются определенные правила игры, ценности, взгляды, представление о мире и т.п. Фильтрация информации, сконцентрированной в англоязычном мире, приводит к тому, что страны постсоциалистического пространства, с одной стороны, оказываются отстранены от установленных равноправных отношений в области информатики и обмена информацией, а с другой – становятся объектом массовой

культуры и мировоззренческой экспансии и, как следствие, экспансии иностранного капитала.

2.5. Бренды, медиа и культура

Бренд – символическая форма коммуникации, в основании которой лежит имя, имеющее мифические основания. В 70-80-е гг. XX века бренды изменили не только производство вещей, но и проникли в область культуры. Это произошло на волне популяризации спонсорства, меценатства культурных мероприятий.

Новая ниша открыла новые возможности для «...всасывания культурных идей и визуальных образов, которые их бренды могли бы отражать обратно, проецируя эти идеи и образы на культуру» [Кляйн 2000: 23]. В это же время происходит активное развитие продакт плейсмента через молодёжные сериалы. Н. Кляйн отмечает, что в последнее время мир становится свидетелем культурной экспансии брендов, при которой брэндинг проникает в «городской ландшафт, музыку, живопись, кино, общественные мероприятия, журналы, спорт, учебные заведения» [Кляйн 2000: 23]. Во многом этому послужила политика дерегуляции и приватизации в Канаде, США и Великобритании в 80-90-х гг. XX века [Кляйн 2000: 24]. В этом ключе главной задачей бренда как символического капитала является передача информации, построенная на долгосрочных коммуникациях с его потребителем. Брендные вещи несут в себе конструктивный образ мира. Они отражают особенность и неповторимость современной культуры. Те ценности, которые имеют значение сегодня, уже завтра будут приобретать иной оттенок. Рассматривая их в соотношении с понятием языка и знания, М. К. Мамардашвили приходит к выводу, что человек включен в «созерцаемый им спектакль мира» [Серостанова

2020: 157]. Дихотомизм знака и обозначаемого тождественно дуализму языка и жизни, присущие исключительно человеку.

В условиях медиатизации общества бренд воспринимается как форма коммуникации, в котором средствами общения выступают символы и знаки. Брендруемые культурные феномены несут в себе информацию о ценностях, предпочтениях, идентичности и идеалах, на которые ориентируется человек.

В России брендовый бум начинается после распада СССР и является одним из главных символов эпохи вестернизации. Стоит отметить, что данные процессы происходят одновременно с трансформацией российских медиа.

90-е гг. XX века – время становления рыночных отношений во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и на телевидении, где сетка вещания расширяется за счет игрового и развлекательного контента, способного привлечь зрителя. Всё это способствует развитию спонсорства и рекламного бизнеса. Данные тренды конца XX века порождают такое явление как медиабизнес.

Медиабизнес определяется в качестве канала социальной коммуникации между руководителями медиакомпаний, бизнеса и власти с одной стороны, и медиа и массовой аудиторией, с другой. С процессами цифровизации, на волне развития новых медиаплатформ происходит формирование отечественной медиасистемы. Ей в настоящее время приходится отстаивать свои интересы в отношении всемирных компаний-медиамагнатов, таких как Bloomberg, News Corporation, 21st Century Fox, Liberty Media и др.

В рамках Стратегии национальной безопасности РФ от 02 июля 2021 г. очерчена проблема противоборства в области морального лидерства как основы будущего

мироустройства. Она может проявлять себя посредством попытки «целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней...ограничивается использование русского языка, запрещается деятельность российских средств массовой информации...» [Стратегия нац. без-ти, п. 19].

В Доктрине информационной безопасности РФ от 05 декабря 2016 г. среди негативных факторов отмечена тенденция к увеличению в зарубежных СМИ объема материалов, содержащих предвзятую оценку государственной политики РФ, а также наращивание информационного воздействия на население России... «в целях размывания духовно-нравственных ценностей» [Доктрина, п. 12].

Культура играла ключевую роль в формировании России как суверенной цивилизации, включающей множество этнических групп и разнообразие традиций. Российская культура стала колыбелью новой формы диалога и сосуществования разных народов. Этот мозаичный подход к культуре стал фундаментом для формирования уникального российского идентитета.

Исторический опыт России, включая периоды царства, империи и советской эпохи, оказал значительное влияние на культурные традиции и ценности. Религия, литература, искусство и образование служили инструментами укрепления национального самосознания и суверенитета.

Русская культура оказала глобальное влияние на мировой культурный дискурс через литературу, музыку, театр и кино. Это подтверждает роль России как суверенной цивилизации, способной оказывать культурное воздействие на контакторов.

В современном контексте культурное разнообразие России продолжает оставаться ключевым фактором

формирования ее суверенной идентичности. Поддержка и развитие культурных инициатив являются неотъемлемой частью стратегии укрепления российской суверенности в условиях противоборства брендам как попытке навязать тот образ жизни, который является не свойственным русской культурной идентичности.

Для понимания сути происходящего информационного противостояния Запада и России необходимо четкое понимание того, что представляет собой информационное пространство и медиасистема. Сразу отметим, что единого понятия данных терминов в настоящем научном дискурсе не существует. До сих пор ведутся дискуссии в научных кругах относительно их определения.

С позиции нашего исследовательского объекта, интерес представляют труды К. А. Зорина об «информационных торнадо» и Д. П. Гавры, К. А. Науменко. В трудах обозначенных авторов видится связь между понятиями медиасистемы и картины мира на ментальном уровне восприятия информации массовой аудиторией.

Медиасистема в качестве совокупности «информационных торнадо» обладает способностью оказывать информационно-психологическое воздействие на человека и общество [Зорин 2023]. В данном аспекте используемые тактики лидеров общественного мнения могут восприниматься как инструменты информационного противоборства. Например, «информационное торнадо» вызванное громкими расследованиями в СМИ. При этом «информационные торнадо» не обладают пространственно-временными параметрами, а потому представляют понимание медиасистемы как совокупность данных и объектов ментального плана.

В то же время Д. П. Гавра и К.А. Науменко, проведя теоретический анализ понятия медиасистемы, предлагают

отказаться от её трактовки в качестве совокупности, а сосредоточится на дуальной природе. Соответственно, в зависимости от исследуемого вопроса мы опираемся либо на социетальную, либо на субстанционально-организационную парадигму.

С точки зрения повседневного бытия, конфронтация западных стран с Россией оказала сильное влияние на бренд «вестернизации» и структуру отечественной медиасистемы. Фрагментация культуры приводит к тому, что она рассматривается не как целостность, а как разрозненная модальность. В этом процессе СМИ отводится ключевая роль. С их помощью создается собрание разнообразных историй. Массмедиа становятся инструментом моделирования поведения человека. Вся современная мозаичная культура основывается на случайности, что не предполагает глубокого взгляда на вещи.

Создается своеобразное социометрическое поле коммуникации, в котором фильтрация информации происходит хаотичным образом, порождая как формальные, так и неформальные каналы связи [Моль 2008: 355]. Духовными ресурсами коммуникации становятся те ценности, которые оказываются в одном ряду с материальными. Поэтому продукты культуры рассматриваются с точки зрения их потребительской стоимости. Вся эта структура коммуникации имеет в основании единый социокультурный код, порождающий множество его интерпретаций, за которыми не всегда стоит смыслогенез. Происходит процесс «разрушения первичных «метасмыслов» человеческой жизнедеятельности» [Даренский 2020]. Человек перестает быть значимой частью этого мира в условиях превалирования поликультурных тенденций глобализации. Постмодерн разрывает его на множественность «Я» посредством децентрации [Алейник 2006: 200].

В ситуации замещения репрезентации визуальной информацией, человек утрачивает способность к чувственному представлению, на основании которого формируются символические формы реального мира. В центре внимания философии постмодерна, таким образом, оказывается вопрос о символическом понимании субъекта.

В многомерном информационном пространстве у коммуникантов возникает интерес к «другой», «иной» для них культуре, способной вовлекать их в новый дискурс. Данный процесс дает начало диалоговой коммуникации и преобразованию структуры символического обмена.

Интерес к исследованию символов и знаков, с помощью которых рождается смысл коммуникации, приводит к выделению пространства потребления и пространства производства медиаобразов.

В мировой культуре глобальные культурные образцы, стиль жизни, бренды, продвигаемые рекламой и массмедиа, переплетаются с локальными традициями и ценностями. В массовой культуре большинства стран доминируют культурные коды, доступные для понимания массовой аудитории. Наслаиваясь на национальную систему ценностей, они приобретают гибридные формы. Это становится коммуникативным актом самовыражения и идентификации культуры, позволяющим раскрывать новые грани искусства. Потребительское отношение к продуктам массовой культуры проявляется одновременно с изменением представлений о реальности.

Таким образом, культура играет неоспоримую роль в формировании современной цивилизации, отражая множество традиций, ценностей и идей различных этнических групп на разных этапах исторического развития. Главной задачей в условиях культурно-информационного противостояния Запада и России становится возможность сохранения ценностно-смыслового содержания культурных

образов, свойственных русской культуре и идентичности, посредством трансляции её исторических и духовных ценностей и идеалов.

РАЗДЕЛ 3. РОЛЬ УКРАИНЫ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ РОССИИ С ЗАПАДОМ

Для осмысления роли, которую сыграла и продолжает играть Украина в противостоянии России с Западом, мы задались целью проследить медийные процессы в украинской журналистике. Информационная сфера Украины до настоящего времени не была изучена в таком аспекте. Между тем роль украинской журналистики в превращении Украины в своего рода таран, используемый Западом в информационной, а теперь уже и военной, атаке на Россию, сложно переоценить.

На Украине объективное изучение процессов развития русофобии в комплексе с иными явлениями, такими как олигархизация, разгосударствление СМИ, деятельность разного рода прозападных организаций, занимающихся медиамониторингом, а на самом деле – информационной борьбой за контроль над медийной сферой Украины, на данном этапе невозможно. Зарубежные исследователи не знают всех особенностей украинской журналистики, ее исторического прошлого и противоречий настоящего. В России, не смотря на актуальность и нужность такого рода исследований, изучение опыта Украины проводится фрагментарно. Таким образом, есть необходимость в объективном изучении украинской журналистики как составляющей информационного противостояния Запада с Россией, вследствие сделана попытка рассмотреть путь, длинной в тридцать лет, в течение которых в украинской медиасфере происходили определенные события, проявлялись закономерности и противоречия, эволюционировали процессы, негативные и позитивные изменения. Их изучение необходимо для осмысления причин и характера нынешнего враждебного отношения

Украины к России как уникальной цивилизации, частью которой Украина являлась исторически. Запад неустанно ведет информационную войну против России и, к сожалению, в украинском вопросе достиг определенных успехов: Украина находится сейчас в информационной оккупации и является наиболее агрессивно настроенной территорией по отношению к России.

Под «информационной оккупацией» мы подразумеваем захват контроля над медиаресурсами определенного государства зарубежными странами посредством официальных структур, общественных и некоммерческих организаций, медиакорпораций и иных институтов, в результате чего информационное пространство государства перестает быть суверенным, не служит его значимым интересам, а становится площадкой для реализации целей и замыслов государства, успешно совершившего свою экспансию в информационное пространство другой страны.

По сути, результат информационной оккупации эквивалентен военному захвату территории государства, против которого был такой замысел. Но происходит это не поле боя (воевать государство будет после завершения информационной оккупации, если в этом будет необходимость), а в медиасфере: медиасистема информационно захваченной территории меняет мировосприятие проживающих там людей, предлагая им ту картину мира, которая выгодна захватчику.

Современная Украина утратила свой суверенитет и в политической, и в медийной сферах. Об этом говорят лидеры государств, например, В. В. Путин: «потерявшая суверенитет Украина для США – таран против России» [Путин: 2022], В. Орбан: «...Украина в действительности потеряла суверенитет» [Орбан: 2023]. На это указывают политологи: ведущий научный сотрудник Центра

исследований проблем безопасности РАН Константин Блохин связывал утрату суверенитета с деятельностью США на Украине. Ученые также пришли к такому выводу: например, В. В. Субочев: «вряд ли мы можем вести речь о государственном суверенитете Украины» [Субочев 2016].

Почему и каким образом это произошло – важный вопрос, требующий ответа в виде глубоких исследований, которые могут быть особенно информативны, если исследователи были погружены в украинскую историю, культуру и язык.

Для понимания, что такое информационная война, авторы данного научного труда опирались на труды известных ученых – это О. Е. Воронова, В. Ю. Даренский, А. В. Манойло, С. П. Расторгуев, Г. Г. Почепцов (украинский исследователь, важный для понимания украинского взгляда на научную проблему).

В книге О. Вороновой и А. Трушина обращено внимание, что в современных условиях информационные войны выступают «инструментом “мягкой” и “жесткой” силы, пусковым механизмом “цветных революций” и “гибридных войн”, частью стратегий “управляемого хаоса” и “кибертерроризма”, средством защиты «информационного суверенитета» и «цивилизационной идентичности» [Воронова Трушин 2021: 5]. О больших возможностях такой «мягкой силы» писал Е. А. Марков: одна из привлекательных для государства-захватчика специфических черт информационных войн является «скрытность проявления агрессивных действий в информационном пространстве. То есть население страны, ставшей жертвой информационного воздействия, может даже не подозревать, что страна подвергается информационной атаке, а внедренные в общественное сознание новые установки заставляют подчиниться

агрессору и даже добровольно помогать ему» [Марков Неволлина 2018: 29].

Одна из основных мишеней в современном противостоянии является культура, менталитет, традиционные ценности народа, живущего на захватываемой территории. В XX веке в связи с технологичным прорывом в науке, человечество открыло для себя новые возможности для информационной экспансии со стороны тех государств, которые имеют для этого потенциал. В начале XXI века «важнейшим инструментом информационной-пропагандистской экспансии США является действующая глобальная медиаимперия, обладающая 95% мировой медиасобственности...» [Воронова Трушин 2021: 38].

Захват территории и ресурсов России – одна из важнейших целей в информационной войне, которую ведут страны так называемого коллективного Запада (прежде всего это США и Великобритания). Уникальное сочетание природных ресурсов, географического положения и относительно малой заселенности – такие факторы делают Россию наиболее привлекательной для экспансии. Украина как историческая часть Русской цивилизации значима выходом в Черное море, обширными плодородными землями, богатыми залежами полезных ископаемых. Подтверждение важного значения Украины находим и в известной книге «Великая шахматная доска» З. Бжезинского: «Если Москва вернет себе контроль над Украиной с ее 52-миллионным населением (ранее население Украины было с такой численностью. – Е.К.) и крупными ресурсами, а также выходом к Черному морю, то Россия автоматически вновь получит средства превратиться в мощное имперское государство, раскинувшееся в Европе и в Азии» [Катасонов 2023]. «Россия как великая держава, обладающая несметными природными богатствами,

занимающая выгодное географическое положение (мост между Европой и Азией), имеющая значительное население (привлекательный рынок сбыта) является весьма заманчивым объектом для информационных войн», – пишет в своём исследовании Е.А. Марков [Марков, Неволina 2018: 29].

Неудивительно, что борьба за Украину, в том числе и в информационном пространстве, идет уже давно.

3.1. Осмысление пути развития украинской журналистики в научном дискурсе

Для изучения этапов информационной оккупации Украины важно знать специфику развития ее журналистики. Украинская журналистика активно изучалась в советское и постсоветское время. В 1990-х гг. после того, как Украина объявила себя независимой державой, прошлые советские наработки по истории ее журналистики как части советской подверглись переосмыслению и отрицанию.

Один из старейших украинских учёных М.Ф. Нечиталюк предложил концепцию периодизации истории украинской журналистики на основе хронологически-проблемного принципа, дополненного региональным, что, по его мнению, давало возможность увидеть национально-этнографическую специфику украинской прессы, обозначить ее историю от возрождения до конца XX столетия [Нечиталюк 1993].

Была также попытка охватить весь журналистский процесс разных эпох и в разных регионах Украины и за ее пределами – в статье М. М. Романюка было предложено более десяти периодов в истории развития украинской журналистики [Романюк 1994] (ученый подал это предложение как коллективное мнение научно-

исследовательского центра периодики Львовской научной библиотеки им. В. Стефаника). В характеристике периодов акцент делался на прошлом украинской журналистики:

1. Зарождение и становление украинской журналистики – с древнейших времен до середины XIX в.

2. Формирование журналистских систем– 60 – 90-е годы XIX в.

3. Украинская пресса эпохи Первой народной революции – 1898-1905 годы.

4. Украинская журналистика 1905-1914 годов.

5. Украинская журналистика в период Первой мировой войны – 1914 – 1917 годы.

6. Украинская журналистика периода революций в России и национально-освободительных соревнований Украины, пресса Сечевых Стрельцов, начало коммунистической и официальной советской прессы – 1917 – 1921 годы.

7. Западноукраинская пресса 20-30-х годов XX в.

8. Пресса Советской Украины– 1920 – 1930-те годы.

9. Украинская пресса периода Второй мировой войны – 1941-1945 годов.

10. Пресса на Украине после Второй мировой войны; тоталитарная журналистика– 1945 – 1990-е.

11. Украинская пресса за пределами Украины, пресса украинской диаспоры – 1945-1990.

12. Украинская подпольная и неформальная пресса, самиздат – 1960 – 1990-е годы, полуполигальные издания – 1957 – 1990 годы.

13. Пресса периода построения украинской государственности – 1991 год и до наших дней).

Все десятилетия после Великой Отечественной войны до 1990 года собраны в один период советской украинской журналистики, отдельно выделена журналистика диаспоры и самиздат, очевидно, чтобы показать противостояние в

этой сфере. И соответственно с 1991 года начинается новый «светлый» период украинской журналистики уже в отдельной стране с формирующейся государственностью.

Кроме М. Ф. Нечиталюка и М. М. Романюка, вопросами периодизации истории украинской прессы занимались и другие ученые – И. Моторнюк, С. Кость, И. Михайлин, О. Мукомела.

И. Михайлин в прошлом журналистики Украины выделяет как переломный момент издание Валуевского указа (1863 г.) и в XX веке очерчивает два крупных периода – первые три десятилетия и 50 – 80-е гг. [Михайлин 2003].

С. Кость предложил искать критерий периодизации не среди «фактов» журналистского процесса, а на другом уровне – уровне общественного бытия, главным в такой периодизации – вектор идеи украинской государственности [Кость 2006].

И. Моторнюк предложил основываться в периодизации на этапах национально-освободительной деятельности украинского народа [Моторнюк 1997: 56].

Такие ученые, изучавшие историю украинской прессы, как В. Карпенко, В. Владимиров, Н. Коноваленко и др., раскладывали ее на следующие периоды: период развития украинских СМИ, период их упадка, период тотального контроля, период ослабления и период восстановления свободы слова, период перехода от государственной собственности к частной и т.п.

В целом, какой бы ни была предложена периодизация украинской журналистики, в каждом из вариантов обязательно присутствует противостояние с Россией (будь то Российская империя или СССР). Характеризуя историю СМИ в СССР, ученые указывали на главную проблему советской медиасистемы – монополию Коммунистической партии, соответственно структура медиасферы была идеологически однородной. Согласно общему мнению

украинских исследователей, это самый плохой вариант для функционирования СМИ, в условиях которого невозможно качественное развитие медиа, как это происходило в странах Запада. Новый поворотный момент в истории Украины давал надежду на серьезные изменения к лучшему.

В начале 1990-х украинские исследователи выделяли 5 групп средств массовой информации в структуре украинской медиасистемы:

- 1) монопольно-государственные (доставшиеся «по наследству»);
- 2) СМИ коммерческих структур;
- 3) независимые от власти СМИ, основателями которых выступили трудовые журналистские коллективы, творческие союзы, политические партии;
- 4) «многотиражки» (газеты промышленных предприятий, учебных заведений, колхозов);
- 5) частные издания.

С середины 1990-х активно начинает формироваться кланово-олигархическая система. Ведущую роль в этом процессе начали играть объединения печатных и электронных масс-медиа с единым центром политического влияния на них – холдинги.

Медиахолдинги

Медиа-холдинг центральной власти: «Голос України» («Голос Украины»), «Інвест-газета» («Инвест-газета»), «Урядовий кур'єр» («Правительственный курьер»), «Демократична Україна» («Демократическая Украина»), «Правда України» («Правда Украины»), издания фонда «Співдружність» («Содружество»). Было также государственное телевидение и радиовещание, в регионах – областные, городские и районные газеты. По сути даже в госсекторе каждое средство массовой информации имело своего заказчика – определенный орган власти. Единого

центра управления этой системой не было, как и единого центра финансирования (одни получают средства из государственного, другие – из местного бюджетов).

Медиа-холдинг Виктора Пинчука: телеканал ICTV, газета «Факты и комментарии», медиа-проект «Уличное телевидение». В. Пинчук имел влияние на телеканалы СТБ, М-1, «Новий»; FM-радио «Довіра» («Доверие») и проект «Питання дня» («Вопросы дня») на УТ-1, ряд региональных СМИ в Днепропетровске.

Медиа-холдинг Андрея Деркача: газета «Киевский телеграф», интернет-издание «Версии», телерадиокомпания «Эра» (на УТ-1), FM-радио «Эра»; влияние на НТН, Центр оценки политических рынков.

Медиа-холдинг Валерия Хорошковского: интернет-издание Part.org.ua, FM-радио «Ренессанс», FM-радио «Украинские новости», информ-агентство «Украинские новости», некоторые медиа-проекты консультационной группы «АГТ» (Агентство гуманитарных технологий).

Медиа-холдинг Александра Волкова: журнал «ПіК», телекомпании «Гравис» и «TV-Табачук», FM-радио «Столица», FM-радио «Ностальжи», FM-радио «Наше радио»; определенное влияние на телеканал «1+1».

Медиа-холдинг «Информационные системы Украины» (собственник «Приват-банк»),

Медиа-холдинг Вадима Рабиновича: еженедельник «Столичні новини» («Столичные новости») и «Діловий тиждень» («Деловая неделя»), веб-сайт MIGnews, ТРК «АІТІ», FM-радио «Супер-Нова».

Партийные медиахолдинги

Партийно-корпоративный медиа-холдинг СДПУ(о): ТРК «Альтернатива», «Президентский вестник», газеты «2000», «Наша газета+», «День», «Киевские Ведомости», интернет-издание «Оглядач» («Обозреватель»), популярная спортивна преса, «Молодь України» («Молодежь

Україні»), еженедельник «Закон и бизнес», телеканал «Право».

СДПУ(о) фактически контролировала главные общенациональные каналы: телеканал «Интер» (и веб-сайт «Подробности»), «1+1» (веб-сайт «ТСН»), киевский канал «ТЕТ», ряд программ на УТ-1, FM-радио «Киевские Ведомости». Также было тесное сотрудничество с украинскими версиями изданий («Известия», «АиФ», «Комсомольская правда»). Было влияние СДПУ (о) на некоторые региональные ТРК и печатные издания, по некоторым данным, УНІАН.

Медиа-холдинг Народно-демократической партии – газета «Украина и мир сегодня», некоторые программы на УТ-1, телеканал «Тонис».

Медиа-холдинг Блока Юлии Тимошенко: газеты «Вечерние вести», «Батьківщина» («Родина»), интернет-проект ProUA.net.

Локальные медиахолдинги

Медиа-холдинг киевской городской власти (газеты «Хрещатик», «Столиця», «Вечірній Київ» («Вечерний Киев») и др.)

Медиа-холдинг «Донецкая группа» (условно): газеты «Сегодня», «Власть и политика», телеканал «Украина», частичный контроль над УТ-1, определенное влияние на телеканал «Тонис», местные СМИ.

Российский медиа-холдинг при участии российских бизнес-групп «Лукойл-Украина», «Альфа-груп» и «Сибирский алюминий», еженедельник «Деловая столица» и «Деловая Украина», СТБ и «Новый канал», определенное участие в ТРК «Эра», газеты «Известия», «Комсомольская правда», «Труд», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец» и другие издания с обозначением «в Украине», «Украина». Сюда относят и СМИ с участием

российского капитала («Столичные новости», «Коммерсант»-Украина», «Киевский телеграф» и др.)

Внехолдинговые СМИ

Партийная пресса, несколько известных изданий (в свое время обвиняемых в поддержке «режима» Кучмы) «Україна молода» («Украина молодая»), «Дзеркало тижня» («Зеркало недели»), агентство «Экспресс-информ», интернет-издание «Українська правда» («Украинская правда») и др.

В целом, исследовать, что кому принадлежит – занялось медиакритическое издание «Телекритика», в котором авторы заявляли, что общественность должна знать, какое СМИ кому принадлежит и кем финансируется, иначе функционирование разнообразных медиа-каналов не будет демократическим, открытым и правильным.

В первые десятилетия «независимой» Украины общественность не владела информацией о принадлежности СМИ холдингам или политикам, в этом многообразии было легко растеряться и сложно разобраться. В известном на Украине журнале «Телекритика» много писали о необходимости открытого доступа к информации о собственниках СМИ, потому что это внесет много ясности в вопрос о том, кто влияет на информационную политику Украины. При этом редакция «Телекритики» не скрывала своего финансирования фондом «Відродження» («Возрождение») и американским финансистом Джорджем Соросом, в её понимании это означало лишь то, что неравнодушные зарубежные спонсоры дали старт для проекта, чтобы поддержать Украину в ее демократическом развитии, надеясь, что в будущем «Телекритика» станет коммерчески успешным изданием.

Для полного обеспечения демократии в выбранном Украиной пути исследователи предлагали, чтобы масс-медиа функционировали за счет собственных доходов,

потому что только так они смогут обеспечить независимость от политического давления; полная стоимость медиа-инфраструктуры должна оплачиваться всеми СМИ, льгот ни для кого не должно быть. Следовало также усовершенствовать законодательство о лицензировании: собственником СМИ не должен быть человек, бизнес которого находится в другой сфере и не зависит от прибыльности на медиа-рынке. Государственные СМИ следует реформировать в общественные с постепенным переходом с бюджетного финансирования к абонентной оплате. Государственные органы не должны быть владельцами средств массовой информации; государственные СМИ не должны одновременно финансироваться государством и коммерческой рекламой (должно быть что-то одно); государственный чиновник как автор не должен печататься в государственных изданиях, а только в тех СМИ, которые работают на медиа-рынке. На то время эти предложения казались правильными и передовыми, соответствующие требованиям лучшего зарубежного опыта журналистики. Медиакритические публикации много писали об этих важных изменениях, авторы выражали надежду, что постепенно эти демократические преобразования произойдут и изменят украинские СМИ к лучшему, расширив «диапазоны свободы слова».

Итак, исследователи пришли к выводу, что «партийная идеологическая система СМИ» в первое десятилетие «независимости» Украины сменилась на систему медиа, в которой огромное количество каналов и изданий принадлежат олигархам. Благодаря постоянным публикациям о необходимости разгосударствления СМИ в обществе распространилась идея, что государственные СМИ не могут сбалансированно и честно освещать события. Тогда встал вопрос о том, кто должен

контролировать СМИ, соблюдение журналистами профессиональной этики и честного выполнения своего долга. Очевидно, что следовало обратиться к опыту западноевропейских стран со сложившимися традициями высокой культуры работы журналистов (так полагали и ученые, пишущие об этом научные публикации, и простые читатели, зрители, искренне полагавшие, что в развитых европейских странах журналисты работают в достойных условиях и честно исполняют свои обязанности). В журналистской практике Западной Европы журналистскую деятельность постоянно отслеживают и анализируют общественные организации, активно занимающиеся в том числе и медиакритической деятельностью. Свою лепту вносит продуманное и отрегулированное законодательство, частично и государство и само гражданское общество.

Гражданское общество – это некая форма объединения людей, осознанно подходящих к своему существованию, взаимодействию друг с другом и к власти и общественности; «...общество таково, каким его делаем мы сами... Только от нас зависит создание такого общества, которое охраняет и расширяет свободу человеческой личности, не допускает чрезмерного расширения власти государства и следит за тем, чтобы правительство всегда оставалось слугой народа и не превращалось в его хозяина» [Фридман 2006]. В начале 2000-х годов в украинском обществе была вера в возможность формирования такого осознанного гражданского общества посредством создания различных структур, межличностных взаимоотношений, формирующихся в социуме без вторжения или жесткого контроля со стороны государства. Очень модной была идея, что система самостоятельных институтов, независимых от государства, сформирует условия для самореализации каждого гражданина, а свобода каждой личности в

обществе – это востребованный концепт в постсоветское время.

В медийном и научном дискурсах на Украине уделяли много внимания проблеме формирования гражданского общества и нового подхода к журналистике: пропаганду, искажение фактов, откровенную цензуру в европеизирующейся Украине, не примут. Особенно молодежь, выросшая уже после распада СССР. Возникла необходимость, следуя европейскому примеру, в создании общественного вещания. Но с решением этой проблемы оказалось много препятствий и сложностей. Однако после множества дискуссий, споров и последствий «цветных революций» общественное вещание на Украине заработало. Финансировать его взялись западные «спонсоры» в надежде на его окупаемость в дальнейшем. Предполагаем, что окупаемость общественного вещания была не принципиальной для Запада, важно было, что такая важная составляющая журналистики, позиционирующая себя как правдивый канал информации, финансируется Западом, а значит и по информационной политике, и по наполняемости, и по транслируемым нарративам будет выполнять заказ своих настоящих владельцев.

Кроме научных трудов, в которых исследователи пытались осмыслить историю и реалии украинской журналистики, происходили активные попытки вписать её в европейский контекст, для чего при изучении специфики украинской медиасферы ученые опирались на фундаментальные исследования западных ученых и активно их популяризировали.

Исследования научных традиции и наработок, сложившихся в украинской науке, показывает наличие двух основных векторов изучения медийной сферы. Старшее поколение украинских ученых, таких как В. Здоровега, В. Ризун, И. Михайлин, рассматривают журналистику в

филологическом аспекте, акцентируя внимание на личности журналиста, который должен обладать и профессиональными знаниями, и владеть широким кругозором в гуманитарной сфере знаний, а также иметь те знания и высокие моральные качества. «Это фигура культуртрегера (цивилизатора), поводыря общества, стоящего рядом литератора (перевод наш. – Е.К.)» [Жигун 2018].

В. Здоровега в своих трудах, посвящённых теории журналистики, много внимания уделял творческому процессу и описывал его, пользуясь терминами «замысел», «тема», «концепция», «идея произведения» «композиция», «конфликт», «сюжет». В то время, как зарубежный исследователь И. Аньес [Аньес 2013] использовал понятия «ключевая идея», «угол зрения», «план», «точка входа», «атака», «зацепки», т.е. это совершенно иной поход к журналистике, не филологический или литературный.

И. Михайлин рассматривал систему жанров журналистики как систему литературных жанров. Новые вызовы в украинской медиасфере актуализировали важность изучения журналистики с новых позиций [Жигун 2018]. Более модной и современной, отвечающей духу времени, украинские исследователи назвали концепцию либеральной медиасистемы, в которой журналистика рассматривается не как творчество, а как специальность, регулируемая законами и стандартами. Т.е. при идеально сформированном законодательстве, в котором четко прописаны журналистские профессиональные и этические стандарты, будут созданы практически идеальные условия для работы журналистов. Впрочем, исследователи озвучивали реальные этические угрозы и проблемы, что много важнее, чем говорить о зарубежном опыте или идеализировать того, чего нет в украинской журналистике [Кутовенко 2012].

Украинская журналистика активно пыталась наследовать зарубежный опыт, например, были переведены и изданы учебники И. Аньес, Ш. Рус-Моль, но в них описывались совершенно иные реалии и другие подходы к жанрам журналистских текстов. Очевидно, что украинская журналистика, не смотря на попытки следовать западно-европейским образцам, по своей сути оставалась тяготеющей к «авторитарной» или «советской» моделям (если вспомнить знаменитые четыре теории прессы американских социологов Ф. Сиберта, Т. Петерсона и У. Шрамма), в то время, как западная журналистская практика предлагала следовать в духе либертарианской системы.

Мы склоняемся к мысли, что в украинской журналистике, не смотря на значительные перемены, ощущались традиции государственной медиасистемы, а Запад предлагал коммерческую модель. Для Украины это был новый опыт, но она охотно пошла по пути постепенной коммерциализации и олигархизации СМИ.

Для изучения теории массовых коммуникаций и ее роли в воздействии на общественное мнение в украинской науке использовались фундаментальные наработки известных зарубежных ученых (Г. Гард, Г. Ле Бон, Д. МакКвейл, В. Шрамм, У. Лассуэл, М. Маклюэн, Р. Якобсон).

Одним из ключевых понятий для медийной сферы стала дефиниция «общественность» («общность»), огромное внимание уделялось вопросу воздействия на общественность с помощью СМК. Западные наработки в этой сфере пленили украинских исследователей, хотя они и высказывались о побочном эффекте таких возможностей. Приведем пример из перевода книги Г. Ле Бона, сделанного на Украине в конце 1990-х: «Француз Гюстав Ле Бон предупреждал о вреде, который могут нанести

легкоуправляемые человеческие толпы, которые мало интересуются законами и общественными институтами. Габриэль Тард, который был более осторожен в высказываниях, вместо слова “толпа” использовал слово “общественность”, возлагая большие надежды на воспитание общественности с помощью медиа. Г. Тард развивал идеи эпох Возрождения и Просвещения (Ф. Бекона, Дж. Милтона, Дж. Локка) о необходимости и желательности общественного обсуждения важных вопросов, о “грандиозной унификации общественного сознания”» [Тард 1999.].

Важной идеей, на которую обращают особое внимание украинские исследователи, является контролируемое воздействие на общественное мнение. Западный опыт чрезвычайно интересен, в украинском дискурсе он воспринимается как некий алгоритм действий, который приведет к нужному результату: «В современном обществе тщательно сформулированное сообщение достигает не только тех, кто сам читает газеты, но и тех, с кем читатели газет общаются, то есть практически всех. По мнению Г. Тарда, газеты создали условия для управляемой общественной дискуссии, в рамках которой можно программировать “правильное общественное мнение”: “одного пера достаточно, чтобы заставить говорить миллион”» [Тард 1999.].

Один из классиков теории массовой коммуникации Р. Якобсон писал об «эмоциональной функции» массовой коммуникации. Изложенные Д. Маккуэлом теории массовой коммуникации показывают превалирование именно такого отношения, свойственного В. Шрамму, Г. Лассуэллу, М. Маклюэну и др. [Иванов 2010]. Несомненно, украинские медиаследователи были не только покорены западными учениями, но и активно их популяризировали в научных и образовательных кругах.

Это усиливало позиции и без того привлекательного западного мира – прагматичного, но успешного и передового.

Классики теорий массовой коммуникации создавали свои исследования еще в доинтернетную эпоху, поэтому исследователи предлагали обратить внимание на специфику массовой аудитории, с которой СМК работают в современных реалиях: сейчас интернет-технологии являются определяющими в управлении общественным мнением массовой информацией. Понятия «толпа» и «публика» Г. Гарда устарели, частично остались на улицах и театрах, а главное сосредоточение массовой коммуникации переместилось в интернет. «В наших условиях, кроме “публики” и “толпы”, создано сообщество, которое уместно назвать “интернет-сообществом” (internet-community, интернет-сообщество, интернет-аудитория, аудитория интернет-медиа). А точнее – пользователи социальных сетей. Социальные сети сегодня являются главными информаторами и поставщиками новостей современной аудитории» [Белецкая 2016].

Исследования К. Серажим, Г. Почепцова, А. Чичановского показывают, что наиболее острой является эмоциональная реакция на информацию как часть политического дискурса с точки зрения ее прагматичности: «в политическом дискурсе закономерное смещение от методов убеждения в сторону влияния на эмоции электората. К наименее изученным относятся эволюции психологического характера, связанные с понятиями эмоций, чувств, мотива (перевод наш. – Е.К.)» [Серажим 2002].

В теоретических исследованиях украинской журналистики прослеживалось особое внимание к влиянию общественности на СМК, указывалось на важность такого рода контроля над СМИ. Это одна из особенностей

европейской журналистики, которая представлялась в украинской науке как идеальная характеристика качества медийного контента. Например, в статье Т. Приступенко указываются механизмы контроля над СМИ: это должно делать государство (но подчеркивается, что это вынужденная мера во время ведения боевых действий), законы, общественность и саморегулирование каждого журналиста в процессе его деятельности.

Именно идея о регулировании работы СМИ общественностью – это европейская декларируемая специфика условия успешного функционирования СМИ, которая противопоставляется жесткому государственному контролю СМИ в России (а прежде – в СССР). Для Украины, которая «травмирована» историческим опытом пребывания в составе СССР, регулирование работы СМИ экспертами в медиасфере – это новый, необходимый, правильный опыт, который Украине следует позаимствовать у стран Запада и активно применять в своей практике: «Новацією механізму правого регулювання діяльності СМК, який повинен придбати законодавче закріплення після прийняття нового закону, являється інститут сорегулювання, передбачаючий делегування частин повноважень державного регулятора експертному колу – органу, створеному за погодженням з представниками галузі. Обов'язками державного регулятора являється визнання експертних висновків – а представників галузі – дотримання встановлених експертним органом правил і обмежень (переклад наш. – Е.К.)» [Приступенко 2022].

Подводя итоги обзора украинских наработок в сфере массовых коммуникаций, известный украинский исследователь В. М. Владимиров [Владимиров 2024] отмечал, что, по сути, на данный момент единой теории

массовой коммуникации в украинской науке нет, для ее создания он предложил 40 базовых идей, которые взяты у зарубежных исследователей и своих коллег. В. Владимиров предлагал взять за основу идеи появления информации из хаоса, предложенную американским автором Дж. Глейком в книгах «Хаос» (Gleick, 1987) и «Информация» (Gleick, 2012). Также исследования хаоса и информации соавторов И. Пригожина и И. Стенгерса (Prigogine & Stengers, 1984).

Появление массовой информации из общего информационного потока было рассмотрено в определенных аспектах украинским профессором В. Ф. Ивановым [Иванов 2009]. В 2008 году львовский ученый З. Партыко изучал природу информации, к которой обращаются медийщики, но до ее омассовления [Партико, 2008]. Уделено внимание массовой информации и ее природе в монографии Т.В. Кузнецовой «Аксиологические модели масс-медийной информации» [Кузнецова, 2010].

Сам В. Владимиров высказывал свои идеи для создания теории массовой информации в своих монографиях «Проблемы понимания и интерпретации в социальной коммуникации» (2014), «Парадоксы современной науки о массовой коммуникации» (2020) и «Направления осовременивания теории массовой коммуникации» (2023). В частности, исследователь обращал внимание на то, что информация начала приобретать состояние массовой через массовое осознание, также автор ставил вопрос о месте теории массовой информации как начальной среди других теорий, которые описывают отдельные фрагменты медиадеятельности и вместе создают целостную научную структуру, которая охватывает все процессы создания, распространения и освоения медиапослания. В одной из последних своих публикаций В. Владимиров предлагает 40 базовых идей для создания общей теории массовой коммуникации. Сам он

ссылается на идеи У. Липпмана и определяет информацию как отображение фрагмента объективной действительности в сознании человека, в его внутреннем, идеальном мире [Владимиров 2024]

Из 40 идей, предложенных В. Владимировым, для нашего исследования интересны следующие: «Несмотря на массовый характер распространения информации, на всех этапах действует сугубо индивидуальный характер ее восприятия», «Информация становится массовой, когда входит в индивидуальное сознание большого количества людей», «Состояние массовости является управляемым отдельными социальными институтами, как то государственная и местная власть, лидеры мнений, лидеры вневластных социальных движений, выдающиеся ученые, деятели искусств и тому подобное. И массовая информация, и теория массовой информации в настоящее время существуют в условиях революционных изменений, наступивших со все более широким использованием в сфере масс-медиа искусственного интеллекта и развитием квантовых компьютеров и квантового интернета [Владимиров 2024: 16].

Обзор научных трудов по медиакommunikациям в украинской науке подталкивает нас к выводам, что оригинальных серьезных и значимых наработок в этой сфере нет, все выдвинутые теории опираются на известные труды западных ученых. Привлекательными украинским ученым кажутся западные исследования о специфике воздействия на массовую аудиторию, о сочетании индивидуального и массового восприятия информации, о возможностях управлять процессом воздействия на массовую аудиторию. Таким образом, украинские ученые декларировали себя как кропотливые ученики и последователи западных исследований масс-медиа.

3.2. Цивилизационный выбор Украины: путь в Европу и противостояние с Россией

В 90-е – начале 2000-х годов украинские исследователи много писали о неблагоприятном «тоталитарном» прошлом украинской журналистики, таким образом, объясняя проблемы, возникающие в медийной сфере страны, только-только ставшей на путь самостоятельного развития, взяв за основу опыт европейской журналистики: «будучи в составе Российской империи, Советского Союза, Украина подвергалась всевозможным гонениям... (перевод наш – Е.К.)» [Розкошний 2005: 19] «Тоталитарный и авторитарный режимы, довлевшие над обществом, приучили людей к безусловной покорности указаниям сверху, следованию единой партийной линии, что противоречит демократии (перевод наш – Е.К.)» [Розкошний 2005: 22]. «Для нашей страны в сфере журналистики в полный рост встала проблема советского наследия в виде содержательно перекрученных информационных потоков, технически несовершенных коммуникационных каналов» [Сащук 2007: 9]. С. Квит указывает на то, что «развитие массовых коммуникаций современной Украины следует рассматривать в контексте решения проблемы преодоления тоталитаризма (перевод наш. – Е.К.)» [Квит 2018]. И. Михайлин обращал внимание на то, что «состояние современной украинской журналистики определяется <...> недостаточностью исторических традиций публичной и политической жизни, опыта существования свободных, независимых от государственных органов прессы (перевод наш. – Е.К.)» [Михайлин 2011]. Наиболее эмоционально из всех украинских исследователей пишет известный националист В. Лизанчук: «До сих пор кровотоцит

израненное украинское сердце от русского царского и Московского коммунистического режимов, которые уничтожали украинскую национальную элиту, отравляли национальную идентичность, соборнические чувства, под лозунгами интернационализма навязывали фальшивое понимание братского единства белорусов, русских и украинцев, формировали нового безнационального человека, который слепо, бездумно выполнял московские имперские посягательства (перевод наш. – Е.К.)» [Лизанчук 2021: 226].

Итак, в «тоталитарном» прошлом виновата Россия, путь, выбранный для новой украинской журналистики, должен происходить по европейскому образцу в европейском контексте. «Европейский выбор» для Украины озвучил, как известно, Виктор Ющенко, президент Украины в 2004 – 2009 гг.: «это не просто географическое понятие, а выбор *европейской цивилизационной модели*, модели прогресса во всех сферах жизнедеятельности общества и государства (перевод и выделение наши. – Е.К.)» [Информационная политика 2007: 9].

Что значит этот «цивилизационный выбор» Украины? Рассмотрим подробнее.

В начале 2000-х годов в украинской науке окончательно сформировалась мысль о том, что Украина культурно и ментально является частью западноевропейской цивилизации, поэтому выбор ее пути в Европу является очевидным и правильным.

Европейский Союз в научных исследованиях представлял самым развитым и совершенным на данном историческом этапе человечества образованием. Его наиболее важными и привлекательными составляющими были названы активное развитие информационного общества с возможностями для человека быть свободным, благополучным, имеющим права голоса в

глобализирующемся мире с его технологическими преимуществами цифровой эпохи.

В монографии украинских ученых «Европейские публичные коммуникации» современный этап развития человечества в планетарных масштабах рассматривается как формирование единого пространства со все более проступающей тенденцией «взаимозависимости, взаимопроникновения и взаимообусловленности», соответственно актуализировалась необходимость изучения западноевропейского феномена культуры как наследницы греческо-римской цивилизации с ее лучшими наработками и традициями [Шинкарук 2008: 8].

Для того, чтобы более пристально рассмотреть специфику культуры Западной Европы, упомянутые исследователи предлагают использовать цивилизационный подход, базирующийся на современном понимании цивилизации как «самостоятельного социально-исторического образования, присущего определенному региону земного шара, определенная степень (чаще всего высокая) развития духовной и материальной культуры (ценностей, образа жизни и труда), синоним культуры, и, наконец, формы существования наделенных разумом живых существ [Основи політичної науки 1998 : 227].

По мнению британского историка Европы Нормана Дэвиса, на которого охотно ссылаются украинские ученые: «Цивилизация – это сумма всех идей и традиций, унаследованных от античности и христианства, которая была привита на местные культуры народов Европы извне, сформировав общее наследие [Рубинский 2009] На тип и характерные признаки той или иной цивилизации влияют религия и Церковь,

Заглядывая в историю возникновения западной цивилизации, украинские исследователи обращают внимание на раскол в христианской церкви, произошедший

много веков назад: в III в. император Константин основывает новый Рим – Константинополь. Вследствие этого римский мир, культура которого создала почву для формирования западной цивилизации, фактически раскололся. С тех пор Запад и Восток (Византия) шли в своем развитии разными путями. В дальнейшем эти различия только углублялись, а противоречия, существовавшие между частями бывшей империи, обострялись, в конце концов, приведя к формированию особого вида культуры западной цивилизации, отличной от Восточной (Православной) [Шинкарук 2008: 12 – 13]

Уже в период Раннего Средневековья вся культура Западной Европы находилась под влиянием католической церкви, игравшей, кроме религиозной, еще и политическую, социальную, военную и хозяйственную роль, претендуя на превосходство над светской властью [Шинкарук 2008: 13]. Ж. Коттье отметил, что «именно в горниле средневекового христианства окончательно сложилась идея Европы на базе единства религиозной веры» [Политология 2001: 57]. Одной из ярких черт западной цивилизации украинские исследователи назвали осознание каждого человека как уникальной личности, то есть обладающей собственным индивидуальным пространством свободы и суверенитета.

Продолжая анализировать историю становления западной цивилизации, украинские исследователи отмечают, что в цивилизациях, где доминировали монархические формы власти, преобладали сила, принуждение, а не убеждение. Для западной цивилизации характерно то, что значительный объем властно-собственнических функций передавался на средние и более низкие уровни социальной структуры, но при этом обязательно регламентировались взаимные права и обязанности [Шинкарук 2008: 14].

Системы европейских ценностей, по мнению руководителя Центра изучения Франции Института Европы РАН Ю. Рубинского, напоминает не монолитный обелиск, а скорее пирамиду, составленную веками из различных строительных материалов [Рубинский 2009].

Фундаментом этой пирамиды является наследие греко-римской античности. Британский историк Европы Дж. Робертс высказывается о ней так: «на берегах и островах Эгейского моря возникла цивилизация, что имела исключительное значение не только для своего времени и географических рамок, но и уникальна по интенсивности своего влияния на традиции культуры, в которой мы живем до сих пор» [Roberts 1997: 23]. Современные европейцы, по мнению украинских исследователей, взяли от древних греков самые лучшие паттерны: представление об окружающем мире как о гармоничном целом, фундаментальные категории философии, этики и эстетики, основные формы государственного строя – автократию, аристократию и демократию. Демократия – народовластие – это одна из тех ценностей, что античность якобы дала современной Европе. Римская правовая культура также повлияла на европейскую законодательную базу: четко структурированная система управления государством, в которой каждый носитель власти должен иметь свои строго очерченные полномочия и ответственность, была эффективна даже когда при власти был император-тиран. Таким образом, современная европейская цивилизация унаследовала примат закона (“*Dura lex sed lex*” – суров закон, но закон).

Каждая великая цивилизация за время своего существования сформировала определенную политическую идею мессианского характера. В качестве мессианских идей европейской цивилизации украинские исследователи указывают Крестовые походы для освобождения Гроба

Господнего, христианское миссионерство и цивилизационная миссия европейцев в Африке, Америке и Азии. Эта идея христианской миссии, отмечают украинские ученые, сохранилась и в XX веке, была теоретически обоснована Черчиллем в труде «История народов, говорящих на английском языке», где говорится об особой ответственности англосаксонских народов, указывающих народам мира путь к лучшему будущему. Такую особую миссию Черчилль объяснял тем, что этим народам предназначено самим Богом нести лучшие достижения мировой (прежде всего англосаксонской) культуры всем нациям, населяющим континенты. Это их долг, такую высокую миссию назначил для них Бог [Шинкарук 2008: 21].

Сложно согласиться с такой интерпретацией «миссии», в реальности оказавшейся ограблением других народов, однако мы изучаем видение именно украинских исследователей идеала той цивилизации, частью которой захотела стать Украина в конце XX – начала XXI века. «В XX веке общей для Западной цивилизации стала идея борьбы за свободы, права человека, защиту достижений *Атлантической цивилизации, которая реализуется в деятельности Европейского Союза* (перевод и выделение наше. – Е.К.)» [Шинкарук 2008: 21].

Не менее важным элементом политической культуры является психологический менталитет, тесно связанный с ценностными ориентирами, которые, с одной стороны, являются конкретным проявлением отношения личности к фактам действительности, а с другой – системой фиксированных установок, регулирующих поведение в каждый период времени. Такими для европейцев являются свобода, законность, справедливость, равенство прав, общественное благо (а значит и государственное), их единство [Шинкарук 2008: 21].

Украинские исследователи весьма позитивно смотрят на европейские ценности. По своим психологическим установкам, – отмечают они, – для европейской цивилизации характерен экстравертный тип личности, и для этого типа присущи стремление к свободе, спонтанности реакций, стремление идти за собственными желаниями [Шинкарук 2008]. Для них главное действовать, смысл жизни – «здесь и сейчас», правило – «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». Возможно, именно благодаря этим качествам Западная цивилизация последние полтысячи лет развивалась при доминировании рационализма, сциентизма, растущей физической и технологической мощи, оптимистической уверенности в дальнейшем расширении границ господства человека. «Но точно известно, что именно благодаря этим качествам, сформировавшимся под влиянием западной цивилизации, в современных демократических странах официально признанными ценностями стали индивидуальность, ответственность, сострадание, милосердие (перевод наш. – Е.К.)» [Шинкарук 2008: 22].

Россия, по мнению украинских исследователей, является другой цивилизацией, Восточной (Православной). Впрочем, авторы монографии отмечали, что к уникальному опыту западной цивилизации приглядывалось большинство цивилизаций, существовавших рядом или параллельно, но это не означало, что эти цивилизации немедленно поддержали именно этот опыт. «Ведь даже образованные путешественники-русские (от Карамзина до Салтыкова-Щедрина) в своих записках о странствиях по Западной Европе восхищались европейским уровнем жизни, комфортом, культурой, но, оценивая местные обычаи и европейцев, отзывались обычно о них довольно негативно. Опираясь на нормы собственной культуры, они видели лишь мещанское самодовольство многих европейцев, их

меркантильную бережливость, черствый эгоизм, моральную вседозволенность, лицемерие, которые резко осуждали (перевод наш. – Е.К.)» [Шинкарук 2008: 22].

В исследовании «Информационная политика Украины: европейский контекст» [Информационная политика 2007] говорится о необходимости поддерживать Украину в ее евроинтеграционном процессе (а по сути – управлять страной): «Информационное и имиджевое продвижение страны, наметившееся в течение последних нескольких лет, требует *постоянного поддержания внешнеполитическими решениями* и совершенствованием национальной информационной политики (перевод и выделение наши. – Е.К.)» [Информационная политика 2007]. Исследователи указывают на новые международные отношения в глобализирующемся мире, которым свойственна открытость национальных обществ. В создавшихся условиях Украина следует ведущей ныне стратегии – «укрепление мира и развитие человечества через образование, науку, культуру и коммуникацию (перевод наш. – Е.К.)» [Информационная политика 2007]. Ее развитие должно происходить по следующим направлениям:

- разработка и продвижение универсальных принципов и норм с целью решения мировых и национальных проблем в основных сферах международного сотрудничества, сохранения и приумножения интеллектуальных достояний цивилизации;

- развитие плюрализма на основе признания многокультурности и верховенства прав человека;

- содействие становлению информационного общества путем обеспечения справедливого доступа и широкого использования глобальных информационных ресурсов [Информационная политика 2007].

Очевидно, что декларируемые Украиной векторы развития абсолютно совпадают с тем, что предлагает ЕС и поддерживает Украину в ее «выборе» следования к демократии европейской цивилизации: одобрял появление законов, поддерживающих свободу слова в СМИ и их независимость от государства (в особенности общественное вещание).

Итак, изучив опыт становления западной цивилизации, украинские исследователи утверждают, что именно такая форма уклада общественной жизни формирует гражданское общество, в котором важно господство закона, а структура негосударственных различных объединений влияет на государство таким образом, что оно борется за права людей, основой существования личности в таком обществе является не своеволие, а свобода [Шинкарук 2008].

Чего хотела бы избежать «европейская система ценностей», воплощенная в гражданском обществе? Создание авторитарной системы, которая всегда ведет к проявлению своеволия властей: «Чем более развито гражданское общество, тем больше оснований для формирования демократических систем, чем менее оно развито, тем менее вероятно создание авторитарных и тоталитарных режимов» [Шинкарук 2008: 24]. Гражданское общество в демократической стране делает функционирование общества в интересах каждого человека, формируется такая система связей интересов, которая обеспечивает реализацию каждым человеком его природных прав на жизнь и достойное существование, семью, свободу какой-либо деятельности, которая не мешает другим, на собственное достоинство, равенство перед законом.

Украинская журналистика уже «новой» «демократической» Украины должна была успешно

развиваться в гражданском обществе, активно формирующемся на Украине. Ее реалиями в 2000-х гг. как части «европейской семьи» должно стать развитие в общем информационном пространстве с культурным плюрализмом, производством независимого от государственного контроля контента, конкурентоспособного, разумеется, в честных условиях (например, инициатива «i2010 – Европейское информационное общество ради возрастания и занятости», «Директива телевидения без границ», ставшая впоследствии «Директивой по аудиовизуальным медиа-услугам»).

Обязательной частью медиасистемы ЕС является общественное вещание, которое обязательно должна была создать и Украина. После долгих дискуссий об условиях для формирования общественного вещания по евростандартам в 2014-м оно было создано, но на средства западных спонсоров. В ЕС общественное вещание позиционируется как независимый источник информирования населения. На Украине были споры по поводу невмешательства государства в финансирование общественного вещания, поскольку государство в таком случае будет влиять на информационную политику «общественников», хотя в Европе на это был взгляд иной: «В целях обеспечения демократических, социальных и культурных потребностей конкретного общества и обеспечение языкового разнообразия и культурного плюрализма национальные общественные вещатели нуждаются в поддержке со стороны государства в отношении прямого финансирования или лицензионных сборов (перевод наш. – Е.К.)» [Шинкарук 2008: 110]. Евросоюз имеет определенные рычаги якобы сбалансированного финансирования общественного контента для того, чтобы принцип невмешательства како-

либо государства соблюдался, чтобы вещание было честным, беспристрастным, качественным. В связи с этим много внимания уделялось (и на Украине также) развитию медиаграмотности.

«Еврокомиссия рассматривает понятие медиаграмотности как важный фактор активной гражданской позиции в информационном обществе, имеющем отношение ко всем видам медиа (телевидение, кино, радио, музыкальные записи, печатные и интернет-ЗМК и т. д.) (перевод наш. – Е.К.)» [Шинкарук 2008: 111]. Медиакритики на Украине активно занимались мониторингом медиаграмотности населения Украины и сделали выводы о том, что наиболее медиаграмотной является молодежь, наименее – старшее поколение. На наш взгляд, результаты такого исследования скорее показывают, какие слои населения наиболее восприимчивы к информационной повестке дня, продвигаемой на Украине. Разумеется, молодое поколение украинцев, только формирующее свое мировоззрение, – это самая оптимальная аудитория для информационного воздействия – энергичная, податливая, готовая действовать. Старшее поколение (рожденное в СССР) нивелируется, как и предлагается делать согласно технологиям информационно-психологических войн – разобщать поколения, обесценивать традиции, историческую память.

Итак, в современном мире, по мнению исследователей, наблюдается существование двух разных цивилизаций, берущих свое начало несколько веков назад из раскола христианства. Западная цивилизация – прогрессивная, соответствующая новым ожиданиям человечества и базирующаяся на самых фундаментальных и важных идеях о примате закона, Восточная (Православная) рассматривается как архаичная, по сути – противоположная по многим параметрам Западной цивилизации, прежде

всего – доминированием коллективизма и своеволия правителя, чья воля – выше законов.

В начале 2000-х годов в украинском научном дискурсе западноевропейская цивилизация была представлена как самая высокоразвитая и совершенная в современных реалиях, поэтому цивилизационный выбор Украины – это Европа. Европейский Союз в современных реалиях сосредотачивает в себе лучшие традиции европейской цивилизации и формирует новые, отвечающие вызовам современности, законы путем диалога с общественностью. Поэтому Украина и стремится туда. Поскольку исторически она связана с Восточной цивилизацией – Россией, то ей сложно уйти от негативных проявлений этой связи, но она должна в итоге выбрать свой путь – цивилизационного вливания в семью европейских народов и стать ее частью. Именно такие послания активно продвигались на Украине в научных исследованиях и медиакритических материалах.

3.3. Национальные ценности Украины в русле русофобии

В течение 1990-х – 2000-х гг. в украинском научном дискурсе активно продвигалась идея: Украина – это естественная часть Европы и исторически, и географически, и ментально.

В. Лизанчук подчеркивает европейскую идентичность украинцев, делая экскурс в историю: «корни украинских национальных ценностей восходят к древнеукраинскому государству Русь <...> ярким подтверждением тому было коронование князя Даниила Галицкого королевской короной в 1253 г., что стало еще одним важным шагом Украины по направлению к Европе, акцентирование ее общественно-культурных ценностей» [Терещенко 2020].

Поскольку Украина до 1991 года не была отдельным полноценным государством, то мотивы образования государства («державотворення») весьма актуальны в исследованиях украинской истории и современности. Мотив государствообразования («державотворення») стал снова актуален в «нынешний период гибридной войны Российской Федерации против Украины» [Лизанчук 2021], именно «национальные ценности являются определенными концептуальными, идеологическими основами, консолидирующими факторами, важными жизненными ориентирами на пути эффективного общественного развития» [Ткачук 2020].

В. Лизанчук рассматривает деятельность журналистов как мессионерскую, имеющую важное значение для борьбы с «большим соседом»: по его мнению, журналисты должны ориентировать читателей, зрителей на «сенсожизненный» выбор базовых национальных ценностей, на основе которых украинские граждане «независимо от национальности объединено преодолеют внешнюю Московскую и внутреннюю агрессию пророссийской пятой колонны, добьются справедливого мира, вернут захваченные кремлевскими империалистами украинские территории и во взаимопонимании, согласии будут развивать украинскую Украину» [Лизанчук 2021: 227].

В период с 2014 по 2022 год, когда официально Россия не проводила боевых действий на территории Донбасса, в украинской медиакритике снова заговорили о некой общей идее, которая объединила бы украинцев в едином порыве ненависти к «врагам», прежде всего России. И получилась даже некая парадоксальная ситуация: о государственности и создании нации Украины активно писали в публицистике 1990-х – в начале 2000-х, вроде бы Украина стала на свои государственные рельсы, ее «суверенитет» активно формируется, развивается в русле европейских традиций и

трендов. Но вновь и вновь встает проблема в исследованиях украинских ученых – где объединяющая для Украины национальная идея?

В 2014 году очевиден раскол в стране, в СМИ много негативной информации в адрес Донбасса. В 2021 году В. Лизанчук пишет, что война с Россией (еще до начала СВО) является очень опасным вызовом для украинцев в вопросе формирования системы национальных ценностей, украинской идентичности и процессов создания государства [Лизанчук 2021]. «В этом контексте нужно в СМИ привлекать внимание к новой фазе Украинской национальной идеи: консолидировать нацию на развитие государства европейского типа с предоставлением человеку экономических, политических, правовых, культурных возможностей для интеллектуальной и духовной самореализации. Акцентировать на значимости национальных и общечеловеческих ценностей: уважении к человеческой личности, личной свободе в сочетании с ответственностью перед Богом, собственной нацией, сохранении культурной и языковой самобытности (перевод наш. – Е.К.» [Лизанчук 2021: 227]. Ничего нового В. Лизанчук не предложил, эти идеи о европейском лучшем опыте в сочетании с украинской спецификой были рассмотрены, изучены, обговорены еще в 1990-е. В. Лизанчук попытался скорее оживить идею о привлекательности быть украинским националистом и растиражированным и мифологизированным в украинском информационном пространстве европейским благополучием. Что делает Европу центром современной цивилизации? – задает вопрос известная исследовательница медиасферы Украины М. Чабаненко и цитирует слова итальянского слависта Санта Грачотти: «Существует базовая ценность, определяющая собой принадлежность к Европе: культ свободы как основополагающая идея, как

цель, которую надо реализовать, как основа социополитических институтов (перевод наш. – Е.К.)» [Чабаненко 2014]. Но представляют ли украинцы, что такое внутренняя социальная свобода и готовы ли ей доверять? Очевидно, что «такая раскрепощенность приносит добрые плоды только тогда, когда человек способен сознательно служить обществу без принуждения и скрытого желания взять больше, чем дать, когда у него с детства заложено уважение к другим, а также желание работать и шевелить мозгами. Сможем ли мы избавиться от популярного в народе суеверия “горе от ума”, которое порождает психологическое плебейство? (перевод наш. – Е.К.)» [Чабаненко 2014: 36].

Ярким моментом в истории современной Украины, когда украинская национальная идея стала якобы привлекательнее не только для граждан Украины, но и представителей «других наций», названа Революция достоинства: «Личностные ценности украинской идеи близки другим нациям и в этом ее сила и привлекательность» [Волковецкий Петрів 2020]. Такой порыв всех наций не мог не вызывать, по мнению В. Лизанчука, агрессию и «мощное наступление зловражких сил на украинский национальные ценности (перевод наш. – Е.К.)» [Лизанчук 2021: 226].

Конфликт Украины с Россией В. Лизанчук называет острым противоборством «цивилизационной украинской и имперской российской идентичностей», которое переросло в «горячую захватническую военную агрессию», виновником противостояния названа, ожидаемо, Россия [Лизанчук 2021: 226].

Для поддержания положительного образа правильно европеизирующегося украинца в научных и медиакритических исследованиях регулярно публикуются результаты различных опросов, которые показывают

желания, тревоги и психологические черты жителей Украины. Например, доминирующими национальными ценностями украинцев П. Гай-Нижник и Л. Чуприй назвали «патриотизм, права и свободы человека, социальную справедливость, материальное и духовное достояние украинцев, национальную безопасность, природные ресурсы, конституционный строй [Гай-Нижник Чуприй 2014: 472].

И в историческом прошлом, и в современной Украине, по мнению В. Лизанчука, чувствуются последствия антиукраинской московской политики именно из-за отсутствия консолидации украинского общества на основе национальных ценностей [Лизанчук 2021: 229].

Как выход, В. Лизанчук предлагает брать во внимание контент тех СМИ, которые «последовательно противодействуют российским нарративам», защищают национальные ценности от дезинформационной манипулятивной пропаганды. Главными нарративами российских СМИ исследователь называет «Украинцы – нацисты», «Война на Украине – это внутренний конфликт», «Украина управляется извне» и т.п.

Американский консультант по вопросам политики и безопасности по противостоянию российской пропаганде Молли МакКью (Molly McKew) также указывала на соцсети как источник продвижения враждебного Украине контента с их возможностями в поиске той группы, куда можно направить нужную информацию – «быстро и недорого», «в то же время, они отсекают все то, что подходило бы знать гражданину: журнализм, аналитику, профессионалов» [МакКью: 2020].

Каким образом, формировать идентичность, по мнению В. Лизанчука, возможно только на национальных ценностях. Журналистам он отводит особую роль – «устным, письменным словом и видеоизображением

способствовать возрождению у каждого украинца родовой, правдивой исторической национальной памяти, формированию у каждого гражданина Украины государственного, патриотического мышления, объединяющих национально-духовных смыслов жизни, морально-гражданских, соборных украинских ценностных ориентиров (перевод наш. – Е.К.)» [Лизанчук 2021]. Но на Украине большинство СМИ коммерческие, а от «духовного» контента много прибылей не будет. Официальная информация зачастую подается «с ценностным разрывом между прошлым, современным и представлением о будущем Украины», в СМИ предлагаются антиценности, «которые приводят к деградации зрителей, слушателей, читателей, потому что формируют нигилистическое, а то и враждебное отношение к содержательной, высоко эстетической украинской национальной культуре, языку, нравственным обычаям и традициям (перевод наш. – Е.К.)» [Лизанчук 2021: 231]. Действительно, предлагаемый В. Лизанчуком контент не пользовался и до сих пор не пользуется спросом у массовой аудитории на Украине. Образ благословенной Европы в воззрении обычного украинца привлекателен экономическим благополучием, вниманием к потребностям человека и возможностям комфортной жизни. Простому гражданину Украины приятно думать, что он причастен к этому цивилизованному миру. Так что быть воинствующим националистом для того, чтобы считаться благополучным европейцем украинского происхождения – не обязательно.

В. Лизанчук как раз настаивает на том, что украинец должен быть и националистом (заменяет понятие патриот), и ненавидеть Россию, поскольку во всех бедах в историческом прошлом и настоящем времени виновата она. Украинское общественное мнение до сих пор негативно или с опаской относится к УПА, бандеровцам, что

категорически не устраивает радикально настроенную часть украинских националистов: С сожалением некоторые украинские авторы указывают, что до сих пор украинский патриот, воин УПА, бандеровец предстает в восприятии не только рядового россиянина, но и «змосковщеного» украинца на подсознательном уровне как своего рода «антиидеал Украины», в отличие от идеала «доброй Украины-Малороссии», находящейся под полным политическим и духовным контролем Москвы, независимо от формального статуса то ли провинции России, то ли ее протектората, то ли «самостоятельного государства, уровень самостоятельности которого определяется той же Москвой (перевод наш. – Е.К.)» [Лосев 2001]

В Лизанчук пишет, о необходимости прилагать множество усилий, чтобы развеять «миф», созданный Москвой – негативный образ Украинской Повстанческой Армии, дивизии «Галичина», всех участников «национально-освободительной борьбы» [Лизанчук 2021]. Совершенно понятно, почему образ «бандеровца» сложно представить благородным или хотя бы в общих чертах положительным. Словно в ответ на исторические факты и документы о «деяниях» националистов В. Лизанчук с возмущением пишет о двойных стандартах мировой общественности: «Националистов или отождествляют с террористами, преследующими свои “иррациональные” цели, или же подают как героев (перевод наш. – Е.К.)» [Лизанчук 2021]. В. Лизанчук оправдывает террористические способы ведения борьбы за независимость тем, что якобы получивший независимость народ «чтит террористов, которые за нее боролись», «каждому понятно, что вырваться из неволи нельзя в белых перчатках» (перевод наш. – Е.К.) [Лизанчук 2021].

Не смотря на определенное разочарование итогами Революции достоинства в украинском обществе, публицист

Юрий Винничук попытался доказать, что именно события 2014 года – это победа украинцев, и на этом примере нужно учить новые поколения: «Речь идет прежде всего о достоинстве украинцев, которые не позволили издеваться над своим детьми и пришли на защиту тех ценностей, которые важнейшие» [Винничук 2017: 72].

Виктор Тимченко прямо заявил, что борьба за национальную независимость часто не обходится без террора, жертв и крови, но украинцы не должны делить национализм на лучший и худший, потому что всякий «националистический терроризм начинается там, где нация, стремящаяся к государственности, субъективно не видит легитимных способов обретения независимости или таких способов объективно не существует» [Нечитайло 2020].

В. Лизанчук настойчиво указывает в своих публикациях, что долгоиграющая, очень продуманная «антиукраинская политика кремлевских «братьев» (читаем – “деспотов”))» привела к тому, что даже среди образованных интеллигентов, занимающих высокие кресла в законодательной, исполнительной, судебной властях и даже в «научно-педагогических институциях» выступают на радио, ток-шоу, работают в СМИ, но с «очень ограниченными знаниями об украинских духовных, моральных, социальных, национальных ценностях, национальные интересы, национальные цели, о настоящей, а не сфальсифицированной врагами историю Украины (перевод наш. – Е.К.)» [Лизанчук 2021].

Таким образом, за три десятилетия существования «независимой» Украины ее интеллигенция не смогла предложить жизнеспособную идею для объединения нации. Националистически настроенные ученые предлагали только один объединяющий аспект для всех живущих на Украине – русофобия, ненависть к России. С 2014 года начинается активное выдавливание всего русского из украинского

информационного пространства – русскоязычного контента из СМИ, упоминаний и описаний общей истории, культуры, веры. Все, что связано с Россией, нивелируется, обесценивается, искажается.

РАЗДЕЛ 4. ЭВОЛЮЦИЯ РУСОФОБИИ В УКРАИНСКОМ МЕДИЙНОМ ПОЛЕ КАК УГРОЗА РОССИИ

4.1. «Свобода слова» и русофобия в украинской журналистике 1990 – 2004 гг.

В украинских исследованиях, в которых ученые пытаются осмыслить происходящие события и тенденции в сфере украинской журналистики, типичным и ожидаемым текстом будет следующий: «С обретением 1991 г. Украиной независимости развитие средств массовой информации, журналистики и науки происходит на новых основах. Принципы партийного догматизма сменяются национально-демократическими [Орлова 2011]. Вследствие перехода к рыночным отношениям, появления частной формы собственности существенно изменяется структура СМИ: появились коммерческие медиаканалы и продолжили свое функционирование государственные. «Средства массовой информации фактически перестали существовать как автономный централизованный общественный институт. Появился новый феномен – массовая коммуникация и ее техническое воплощение – глобальные телекоммуникационные средства (перевод наш. – Е.К.) [Орлова 2011].

Один из наиболее фундаментальных научных трудов, в котором подробно описываются изменения и новые вызовы в украинской журналисткой сфере 1990 – начала 2000-х годов, – это книга руководителя Гостелерадио Украины И. Чиж «Украина: путь к информационному обществу» [Чиж 2004].

Он обращает внимание на следующие положительные, как ему тогда виделось, изменения в медиасфере Украины:

1) Украина стала беспрецедентно открытой информационной державой, в которой формируется информационное и гражданское общество.

2) На Украине нет цензуры, потому что теперь она запрещена Конституцией, но есть ее проявления в связи с прошлыми традициями (низкий уровень толерантности политикума к критическим выступлениям СМИ, в результате чего были случаи оказания давления на журналистов). «Вместе с коммунистической идеологией мы избавились от любой идеологии, пропаганды, агитации, которые в любом обществе выполняют именно эту функцию государственной власти (перевод наш. – Е.К.» [Чиж 2004: 163]

3) Определенные ограничения в информировании журналистами о важных событиях должны быть осмыслены самими журналистками, то есть вместо запретов и цензурных ограничений должно развиваться у журналистов саморегулирование, основанное на их понимании своего долга и ответственности перед обществом.

4) Проводятся различные мероприятия и законодательная деятельность для запуска общественного вещания как важного интеграционного с Европой проекта.

Указывает И. Чиж и на новые проблемы, которые возникли на Украине в связи с «демократическими» изменениями:

1) В украинском информационном пространстве стали хозяйничать другие государства (например, Польша и Россия, которые активно своим вещанием охватывают приграничные регионы. Также «такие мощные организации, как «Радио Франции, «Немецкая волна», «Би-Би-Си» арендуют радиопередатчики в Киеве, Харькове...» [Чиж 2004: 176]. Проблема захвата мощными зарубежными медиа информационного пространства Украины – очевидна, но возмущение по этому поводу поступает в адрес только России, а более «цивилизованные» государства со своим

информационным контентом воспринимается или как пример для подражания, или как проявление сотрудничества, некоего «побочного эффекта» от интеграции в мировую журналистику. Это можно даже считать хорошим опытом.

2) Возникла острая необходимость менять или совершенствовать законодательство, связанное с деятельностью СМИ (гарантировать права на свободу слова и информационную деятельность, ограничить возможности немотивированных исков к СМИ, непомерных штрафов).

3) При том, что увеличивается количество СМИ, падают тиражи печатных СМИ, страдает качество выпускаемой информации на коммерческих каналах.

4) Для налаживания диалога между обществом и властью нужно сформировать доверительные отношения со СМИ, поэтому повышается роль информационной политики, а с ней на Украине проблемы. Например: «Сегодня сложилась парадоксальная ситуация: управлять информационными процессами независимо, приватному медиахолдингу и можно, и нужно, а вот государству «зась», – пишет И. Чиж [Чиж 2004: 168]. Осознанно или интуитивно исследователь указал на самую важную проблему, начавшую проявлять себя, – государство стало утрачивать контроль над своим информационным полем, неправильно формировать свою собственную информационную политику, через несколько лет Украина утратила свой информационный суверенитет.

Информационная политика на Украине в описываемый период, по мнению исследователей, учитывала ценностные ориентации и традиции общества и изменения массового сознания, одновременно стимулируя информационное объединение регионов и демонополизацию информационного сектора, происходило внедрение новых мультимедийных средств связи во все

сферы государственного управления. Основными принципами национальной информационной политики, которые должны были быть обеспечены соответствующим законодательством, считались гарантирование права на информацию, открытость, свободный доступ к информации в обществе, законность ее получения, использования и хранения. В 1990 – 2004 гг. это казалось и ново (в особенности из-за появления и активного распространения всемирной сети интернет), и естественно в новых условиях глобализации, возможности Украины стать равноправным государством среди европейских стран. Многие искренне верили в возможности существования открытой и свободной журналистики. И для этого тоже были основания: исследователи часто правдиво писали о существующих проблемах, а медиакритики публиковали даже эксклюзивные материалы о закулисной борьбе за введение или наоборот, препятствование введению тех или иных законов, материалы об изменениях в обществе, коррупционных схемах в медиасфере и др.

Методы и формы реализации украинской национальной информационной политики время от времени вызвали острые дискуссии во властных структурах, в особенности в Верховной Раде Украины на тему регулирования информационного пространства, защиты информационного суверенитета страны, либерализации телекоммуникации, независимости и плюрализма средств массовой коммуникации, становления информационного бизнеса по европейским стандартам.

То есть, не смотря на доминирующую в информационном пространстве идею о свободной от цензуры журналистике, в которой будут присутствовать и государственные, и коммерческие СМИ, депутаты и связанные с ними политические партии осознавали, что

происходит утрата полного контроля над медиасферой, и сопротивлялись разгосударствлению СМИ.

Меж тем исследователи полагали, что важным вопросом в утверждении информационного суверенитета Украины является четкое обозначение внешних и внутренних информационных угроз, к которым относят «все еще недостаточную прозрачность для Украины международного информационного пространства, децентрализацию контроля за информационной деятельностью, региональные проблемы, информационную экспансию России, использование “инфраструктуры” для транзита массивов информации через границы государства на условиях транснациональных информационных монополий (перевод наш. – Е.К.)» [Информационная политика 2007]. То есть главное препятствие на пути к идеальной журналистике уже обозначено – это Россия и ее информационный массив, транслирующийся на Украине, в том числе и по причинам общего исторического прошлого в составе одного государства.

Украина обозначила, что будет следовать европейским путем в своем дальнейшем развитии (в том числе и к будущему членству в ЕС). Исследователи полагают, что развитие науки и информационный потенциал, фундаментальные исследования «обуславливают такие составляющие информационной политики Украины, как влияние на консолидацию общества и общественного мнения, курс на построение информационной экономики и предпринимательства, формирование и кодификация информационного права, обеспечение информационного суверенитета, международное сотрудничество (перевод наш. – Е.К.)» [Информационная политика 2007].

Институты власти Украины работали над тем, чтобы обеспечить и оптимизировать участие Украины в европейском информационном пространстве, «развить

собственное информационное пространство на уровне государств, достигших больших успехов на пути к информационному обществу (перевод наш. – Е.К.)» [Информационная политика 2007].

Олигархизация и коммерциализация каналов, демократические изменения, открытость информационного пространства:

При вступлении в совет ЕС Украина взяла на себя обязательство открыть канал общественного вещания. Но это оказалось затруднительно в связи со следующими проблемами:

1. Финансовые. Общественное вещание не должно быть зависимо ни от кого, ни от коммерческих структур и рекламодателей, ни государственной власти. Идеально было бы получать финансирование для общественного вещания с помощью абонплаты. Но на Украине общественность не была готова платить за такой канал (как это практикуется в некоторых европейских государствах). Если государство оказывало бы финансовую поддержку такому каналу, то ожидаемо его вмешательство в редакционную политику.

2. Политические. «Политическая Украина пребывает в постоянной динамике, что в свою очередь не дает возможности ощутить стабильное распределение власти в обществе» [Информационная политика 2007]. В обществе ощущалась борьба между политическими силами. В результате политическая динамика (нестабильность) отразилась и на телевизионном контенте. Журналистам в такой ситуации сложно быть непредвзятыми.

3. Информационные. «Украина “закрыта” российскими телевизионными каналами, что делает ее информационное пространство намного прозрачнее, чем в какой-либо другой стране» [Информационная политика 2007]. И поскольку на Украине «еще не наработана политическая идентификация ее граждан, государство

боится потерять государственное телевидение как едва ли не единственный канал своего влияния» [Информационная политика 2007].

4. Экономические. Телевидение хорошо зарабатывает на рекламе. Но рекламный рынок в начале 2000-х не был сопоставим, например, с польским. Поэтому вместе с коммерческой рекламой активно продвигалась политическая, а значит под сомнением отсутствие влияния на канал общественного вещания, если он допустит рекламу в своем эфире.

5. Юридические. В начале 2000-х годов на Украине было много противоречий в связи с утверждением законов об общественном телевидении. Сами исследователи указали на недостатки в имеющемся законодательстве: например, Наблюдательный совет по этим вопросам формировался на основе списка общественных организаций, который утверждается Верховной Радой. А это значит, что количество членов этой организации, которые подает одна сторона, может стать очень большим, т.е. снова объективность надзора за общественным вещанием под большим вопросом.

Значение телевидения в описываемое время трудно было преувеличить. Осмысление огромного влияния на общественность посредством ТВ мы видим и в украинских исследованиях: «Массовое сознание не способно само по себе формировать интерпретацию всех событий, оно полагается при этом на готовые достижения, которые предоставляет массовая коммуникация, в первую очередь – телевидение (перевод наш. – Е.К.)» [Информационная политика 2007]. Т.е. телевидение вышло далеко за границы информирования, информация не является последствием события, а сама формирует события, конструирует мир – такова новая реальность, которую увидели и украинские исследователи. Удивительно, что ученые не указали на

опасность, которая была очевидна в складывающейся мозаике: Украину активно приглашают присоединиться в европейскую семью-цивилизацию, открыть свое информационное поле для информационных потоков стран ЕС (с сохранением украинской идентичность, разумеется), и в то же время сами исследователи понимают, что украинская интерпретация событий посредством медиа будет так или иначе находиться под влиянием доминирующих европейских СМИ. При этом исследователи сами же принимают, что информационное пространство Украины пока еще не дает тот тип информационного продукта, который будет конкурентоспособен, а значит, Украина не формирует собственный вариант картины мира, нет единого мнения граждан по важным вопросам, страна живет теми «набросками», которые ей дают более мощные информационные системы других государств [Информационная политика 2007]. Мы, в свою очередь, отметим, что активные действия по интеграции Украины в информационное поле ЕС начались.

Процесс запуска общественного вещания очень тормозился по разным причинам: в медиа и исследованиях говорилось о том, что вот уже почти все готово для старта общественного вещания (особенно после событий Майдана 2004 года), но шли годы, а ожидаемый канал не появлялся. Медиаисследователи указывали на причины отсрочки: «проблема в отсутствии политической воли со стороны исполнительной власти... у всех ветвей власти всегда наготове карманные политики и так называемые общественные представители и организации, которые будут бомбить разные структуры, писать ... о необходимости “сохранения государственного вещания в интересах национальной информационной безопасности (перевод наш. – Е.К.» [Розкладай 2008: 74]. Закон принять не сложно,

сложно его реализовать, украинские исследователи предложили два выхода:

1) ждать смены поколений (эта мысль распространена в украинском пространстве, поскольку наследие СССР делает людей не восприимчивыми к изменениям в обществе, ставка делается на молодое податливое поколение);

2) «...тихой сапой продвигать законы дальше [Розкладай 2008: 74]. Так честно молодой исследователь указал на тактику Запада в постепенном устранении государства от контроля над собственным информационным пространством: «Идея малых изменений к законам о телевидении и радиовещании возникла в Институте медиа права давно», - тут же подтверждает наше предложение медиакритик в своей публикации [Розкладай 2008: 74]. Через малые изменения в законах начали изменения в уставе НТКУ и НСКУ.

Об общественном вещании много говорится и дискутируется в обществе, в медиа, в медиакритических исследованиях. Постепенно продвигается мнение и становится естественным факт: появление общественного вещания с его функциями правдивого информирования и культурного просвещения будет значить серьезный шаг украинской журналистики на пути ее следования в ЕС, ориентированию на лучшие образцы честной журналистики, как в развитых европейских странах: «Общественное телевидение становится сегодня насущной потребностью, поскольку общество постепенно переходит на новый уровень: оно хочет иметь как разумную власть, так и разумное телевидение, которое готово смотреть на своего избирателя/зрителя не как на подчиненного, а как на равного партнера (перевод наш. – Е.К.» [Информационная политика 2007].

Изменения, происходящие в украинской журналистике в 90 – начало 2000-х, показаны в исследованиях так, что становятся естественными такие её характеристики, как стремление к честности, многоаспектности в подаче определенных фактов или явлений, снижение, а то и полное исчезновение цензуры. Например, в одном из номеров журнала «Телекритика» описана история появления известного информационного агентства УНИАН и интервью с главным редактором Александром Харченко: в 1993 году на деньги «общественных организаций» и Джорджа Сороса было создано агентство УНИАН (впоследствии стало принадлежать Игорю Коломойскому и холдингу «Главред «УНИАН»). В начале 2000-х агентство уже популярно настолько, что «понятия “УНИАН” и “украинское информагентство” едва ли не синонимы» [Остапа 2008: 71]. Александр Харченко – главный редактор УНИАН в своем интервью для «Телекритики» вспоминает о работе агентства в 90-е как об опыте работы с незаангажированной командой журналистов, у которых было два мобильных телефона, факс и страничка-визитка в Интернете. Изначально планировалось, что агентство будет государственным, но в итоге было принято решение о негосударственном статусе. Деньги на развитие дал фонд Джорджа Сороса «Відродження» («Возрождение»), затем агентство начало зарабатывать самостоятельно. То, что оно было создано на иностранные средства, не было неловким моментом для главреда А. Харченко, не вызвало подозрения в возможной необъективности освещения событий, наоборот, стало поводом для гордости, ведь Джордж Сорос «сделал для украинской журналистики больше, чем некоторые государственные институты» [Остапа 2008: 71]. На вопрос, были ли попытки ввести цензуру в УНИАН, А. Харченко отвечает, что такая попытка была в 2002 году, но к тому

времени выросло поколение «волелюбных» журналистов, сложились традиции свободной бесцензурной журналистики, поэтому против цензуры выступили журналисты, редакторы, и это не был «бунт одиночек» [Остапа 2008: 71].

Эта история, как и множество похожих, регулярно публикуемых в «Телекритике» (позднее в «Детектор медиа»), «свидетельствовала» о формировании нового поколения свободных людей, для которых попытки цензуры неприемлемы. И общественность верила в новые возможности журналистики как сферы, где работают свобододолюбивые энтузиасты.

А. Харченко охарактеризовал 2002 год как время журналисткой революции: за 1990-е годы журналисты привыкли работать в условиях относительной свободы, поэтому теперь попытки навязывать им определенную информационную политику невозможны. Да и УНИАН уже стал неплохо зарабатывать сам, а это давало независимость и определенную свободу [Остапа 2008: 71].

Действительно, в то время свобода слова в медиа, практически отсутствующая цензура, стремление журналистов соответствовать высоким международным стандартам и идти в ногу с трендами мировой журналистики были едва ли не главными особенностями украинской журналисткой сферы в целом. Украинские журналисты сами верили в возможность выполнять свой долг честно, непредвзято.

За десятилетие 2004 – 2014 украинская журналистика стала восприниматься украинскими гражданами как свободная, демократическая, хотя и не беспроблемная. Проявления цензуры считалось неким рудиментом на теле обновленной журналистики, берущей лучшие образцы европейской.

В медиаисследованиях ощущается оптимистический взгляд на развитие и журналистики Украины, и общественных изменений, хотя и были обозначены возникшие проблемы для, как предполагалось, дальнейшего их решения. Например, во время «кассетного скандала» (известного также как «Кучма гэт!» 2000 г.) все телевизионные каналы продемонстрировали объективность освещения, поскольку каждое слово и движение оппозиции были известными для массового зрителя, хотя каждый отдельный канал не был объективным и отдавал предпочтение одному из взглядов, «нарушая принцип плюрализма» [Информационная политика 2007]. Украинская журналистика начала претерпевать значительные изменения: переформатирования в распространенную во всем мире коммерческую, но и, как казалось общественности, в то же время демократическую систему.

4.2. Выбор Украины – европейский вектор развития и противоборство с Россией (украинская журналистика 2004 – 2014 гг.)

В десятилетие, которое прошло между двумя цветными революциями на Украине, в медиасфере наблюдались интересные процессы, которые являлись последствиями олигархизации (и даже «холдингизации») и разгосударствления СМИ. Происходит осмысление беспрецедентных явлений в украинской журналистике, говорится много о достоинствах и недостатках её как уже сложившегося феномена. Во многих медиакритических публикациях обозначенные проблемы украинской журналистики сравнивались с российской не в пользу последней. Например: дело об убийстве журналиста Г. Гонгадзе стало символом, с одной стороны,

вседозволенности действия власти, с другой – общественный резонанс показал, что государство не может безнаказанно убивать журналистов; политики, конкурируя друг с другом, указывают государству о недопустимости таких деяний, «... в конце концов, попробуйте представить, что подобное случилось в единообразной России, и вы поймете, что я имею в виду» [Золотарев 2008: 13].

Начиная с 2006 года, общественная организация Институт массовой информации (ИМИ) начала ежегодно публиковать рейтинг «Враги прессы», куда попадали депутаты или иные политические деятели, которые препятствовали нормальной работе журналистов. Известный на Украине медиакритик Отар Довженко пишет об этом, едко высмеивая реалии украинской жизни: избивение журналиста обычно квалифицируется как хулиганство, а что до угроз расправой или увольнением, «особенно типичных для провинциальных “князьков”-чиновников, то на них милиция не обращает внимания, пока не увидит реальные травмы (перевод наш. – Е.К.)» [Довженко 2008: 54]. Медиакритик, впрочем, справедливо пишет о том, что в полной мере права журналистов не защищены, трудно порой отделить по-настоящему пострадавших журналистов при исполнении своих обязанностей, от журналистов, которые явно злоупотребляют своей профессией. Но в целом, автор выразил надежду, что ежегодные рейтинги «Врагов прессы» (в 2008 году в него попали В. Коломойский, М. Добкин, А. Садовый) помогут привлечь к ответственности политиков, которые ведут себя по отношению к работникам СМИ некорректно, и список «Врагов прессы» тогда станет «правда черным для тех, кто в него попадает» [Довженко 2008: 54]. Такие инициативы на Украине представлены медиакритиками как попытки саморегуляции СМИ по европейскому образцу.

Периодически в украинских медиакритических статьях появляется тема ЕС и НАТО. Авторы обрисовывают складывающуюся дискуссию вокруг этого вопроса: находящиеся при власти политики обещают двигать Украину в НАТО, «пророссийская часть оппозиции декларирует готовность всячески этому мешать (перевод наш. – Е.К.)» [Шевченко 2008 : 26]. Народ не слишком поддерживает присоединение Украины к блоку НАТО, жалуются медиакритики и находят этому причины: «отстраненность украинских СМИ от европейских тенденций и украинской идентификации», поскольку тема «некоммерческая», не слишком интересна обычному читателю, который мало знает о НАТО. Социологические исследования якобы показали, что именно молодежь активно интересуется информацией о НАТО, таким образом медиакритики приходят к выводу, что социальный запрос на эту тему есть, но сама тема освещена недостаточно, хотя и вакуума вокруг нее тоже нет [Шевченко 2008: 27].

Против вступления в НАТО выступало в те годы зрелое и старшее поколение, поэтому Запад так активно продвигал молодежь Украины как носителя нового европейского мировоззрения. Действительно, в вопросе вступления Украины в НАТО у молодого поколения не было настороженности, предполагаем, из-за незнания геополитических реалий и последствий этого шага. Для среднего поколения в медиа был предложен материал, который должен был сформировать положительный образ этого военного блока (например, 10-серийный фильм «НАТО: свой или чужой?», снятый Вадимом Кастелли благодаря гранту Министерства иностранных дел).

В 2006 году фонд «Европа XXI века» объявил конкурс на лучший телепроект о НАТО и политику евроатлантической интеграции Украины (соорганизатором

шел проект «Телекритика»), финансирование происходило в рамках реализации Государственной программы обеспечения положительного международного имиджа Украины на 2003 – 2006 годы и выполнения Плана мероприятий МИД на 2006 года о пропагандировании за рубежом украинского достояния и освещения на Украине деятельности международных организаций. Газеты «День» и «Зеркало недели» пронатовскую информационную деятельность проводили системно и масштабно еще с конца 90-х гг. У журнала «Главред» было два проекта по эту тематику: совместно с украинской службой Би-би-си – «НАТО вплотную» и авторский проект Алёны Гетманчук «Дневник евроатлантиста». Но все же медиакритики настаивали, что в большинстве СМИ тема НАТО появлялась разве что в контексте словестной эквилибристики политиков, которые на ней спекулируют, или же появляется в виде непонятной обычному читателю информации. Обратим внимание, что известная на Украине журналистка Инна Пилсудская заявила, что в деле освещения темы НАТО она бы сделала ставку не на собственников СМИ, а доверила бы это общественному телеканалу [Шевченко 2008: 28]. Медиакритики напоминают, что Украина является кандидатом в члены Альянса, а значит, государство обязано уделять много внимания информационной поддержке со стороны населения. Тем более, что финансирование от Запада происходило регулярно. Причину такого провала назвал профессор Алексей Горань: «Понятно, что когда представитель Партии регионов Эдуард Прутник возглавляет Госкомтелерадио, информационная кампания о НАТО практически не проводилась» [Шевченко Довженко Остапа 2008: 29]. То есть «виноваты» пророссийские политики, находящиеся на многих важных ключевых постах (об этом много писали исследователи, например,

В. Лизанчук). В освоении денег, выделенных на информирование о НАТО, обнаружились признаки коррупции: были проведены пышные мероприятия. Но настоящая работа не проводилась, в телевизионных политических шоу ярко выступали российские политики К. Затулин, Д. Рогозин и В. Жириновский об ужасных последствиях вступления Украины в НАТО. Как итог, Центр имени Разумкова указал, что сторонников идеи вступления в НАТО даже поубавилось [Шевченко Довженко Остапа 2008: 29]. Вывод, по мнению, украинских медиаэкспертов, нужно уделять больше внимания событиям в Европе, повысить уровень международной журналистики на Украине (она не выдерживает критики). Антинатовская же пропаганда со стороны России, по мнению О. Довженко и его коллег-медиакритиков, «ведется намного умелее и активнее, чем пронатовская» [Шевченко 2008: 30].

В целом, анализируя состояние украинской журналистики 2004 – 2014 годов, исследователи отмечали проблему, которую они назвали «инфантильным состоянием» [Золотарев 2008: 14]. В украинских СМИ сложилась следующая ситуация: журналисты писали о множестве проблем в обществе, в политической сфере, в медиа. Внешне все было демократично, многоголосно, воспринималось как проявление свободы слова и отсутствие цензуры. Но в реальности медиасфера была переполнена информационным шумом, в котором сложно определить истину. Критика в адрес чиновников, освещение коррупционных схем, обсуждение многочисленных проблем в общественной жизни – все это не приводило к главному последствию, которое должно было вызвать появление таких материалов в СМИ – решение проблем. Например, дело Г. Гонгадзе – одно из самых громких на Украине: с одной стороны, власть сильно критиковали за то, что такое в принципе могло случиться, с другой стороны,

журналисты имитировали расследование, больше гоняясь за сенсациями и подробностями личной жизни убитого журналиста.

Добавим также и то, что украинские медиа превратились в арену борьбы различных политических сил. «Медиаэксперты увлеклись изучением любительской журналисткой деятельности, предлагаемой различными активистами и блогерами, рассматриваемыми как альтернатива ангажированной официальной журналистике» [Куянцева 2023: 110]. «Свобода слова в этой стране стала неотъемлемой декорацией антидемократического уклада жизни; свобода слова стала тем мифом, который делает невозможным номинирование Украины как относительно цивилизованного государства; свобода слова стала иллюзией, которая успокаивает плебс и оправдывает режим; свобода слова – это абсолютное прикрытие (перевод наш – Е. К.)» [Дроздов 2008].

Еще одной важной проблемой в «межмайданное» десятилетие украинские медиакритики назвали отсутствие государственного органа, который бы следил за соблюдением законодательства в СМИ. Вернее, орган был – это Министерство юстиции, которое регистрировало печатные СМИ, Госкомтелерадио обеспечивало государственное регулирование в информационной сфере. Но на деле «большая часть печатных СМИ ... по своему содержанию очень часто выполняют роль рупора “пятой колонны” в разнообразных медиаоперациях, которые ведут против Украины *отдельные соседние государства* (перевод и выделение наши. – Е.К.)» [Червак 2008: 35]. Намек, конечно, на Россию. Вместе с доступом Запада в медийное поле Украины в нем активно отстаивает свои интересы и Россия. Но можно ли России продвигать свой медиапродукт? Прямо запретить российский контент никто из властимущих в то время не решается, в том числе из-за

полной неготовности к этому общественного мнения и не восприятия России большинством граждан как недружественного государства. Очевидно, что сложившуюся ситуацию коллективный Запад учел и продолжил работу по «очищению пространства».

В качестве враждебного была представлена часть русскоязычного и произведенного в России контента. Например, газету «Крымская правда» и «Крымское время» неоднократно пытались привлечь к ответственности за «антиукраинские и антитатарские публикации», газета «Русский мир» «ведет открытую антиукраинскую и антигосударственную пропаганду (перевод наш. – Е.К.)» [Червак 2008: 34]. Справедливости ради стоит отметить, что кроме россиян, обвинялись в подобной деятельности и русины на Западной Украине

Национальный союз журналистов Украины предложил инициативу о разгосударствлении коммунальной прессы Украины, правительство идею поддержало и выдало Законопроект «О реформировании государственных и коммунальных печатных средств массовой информации», затем утвердило его и передало на визирование Министерству юстиции. Идея все та же, что была модной и привлекательной в 90-е, – создать экономически независимые государственные СМИ, в деятельность которых государственные органы и местное управление вмешаться не смогут. Регулировать работу СМИ имеют возможности еще и общественные организации, кроме государственных чиновников. Вмешательство общественности в лице общественных организаций видится медиакритикам как фактор положительного воздействия на медиа для того, чтобы они отвечали «современным условиям» и способствовали становлению информационного суверенитета, «демократии и развитию гражданского общества» [Червак 2008: 35].

Проблема разгосударствления СМИ изучается медиакритиками серьезно, но они исходят из того, что государство вмешивается в работу СМИ, а это значит, что цензурирует публикуемую информацию. Избежать этого предлагается следующим образом: нужно создать наблюдательный орган за совершением мер по разгосударствлению коммунальных печатных СМИ для обеспечения действенного общественного контроля; разработать соответствующие методические рекомендации и юридические разъяснения по спорным вопросам, которые могут возникнуть в процессе разгосударствления; ввести мораторий на отчуждение имущества СМИ; запретить регистрацию новых государственных и коммунальных СМИ [Червак 2008: 35]. В подготовке проекта должен принимать участие и Национальный союз журналистов. Предполагалось, что общество имеет право знать, кто является основателем и собственником СМИ, каковы источники финансирования. Было предложено создать медиакарту СМИ, в которой обозначались бы те каналы, которые основаны центральными органами власти. В дальнейшем должен быть сформулирован законопроект, более подробно и точно регулирующий разгосударствление СМИ. Такое пристальное внимание к проблеме разгосударствления СМИ не случайно. Пока государство контролирует определенную часть масс-медиа, оно имеет свой, пусть и частичный, информационный суверенитет. На Украине за годы ее нахождения в составе СССР сложилась система журналистики, строго контролируемая государственными властными структурами. Разумеется, что при всех стараниях Запада уменьшить влияние государства на СМИ и формирование информационной политики на Украине, быстро отказаться от сложившихся традиций не получится. Поэтому медиакритики весьма активно указывали на то, что все проблемы по цензурированию и

ущемлению прав журналистов происходят в том числе и потому, что государство по-прежнему продолжает контролировать многие медиа. Обсуждается опыт других стран, у которых ситуация в медиасфере «лучше», чем на Украине с тем, чтобы этот опыт учесть, возможно, внедрить.

В научной литературе и медиакритических публикациях обсуждались сложившиеся традиции в украинском обществе и украинский менталитет. Одна из наиболее ярких черт украинского менталитета, по мнению многих исследователей, – индивидуализм, сформировавшийся исторически и экономически: «Еще со времен жизни княжеств и казачества существовали вольные землевладельцы, и уже тогда в сознании украинского хозяина доминировала психология частника» [Вдовыченко 2014: 180]. Именно эта черта характерна для западноевропейцев [Вдовыченко 2014: 180].

Исследователи, в том числе и западные, пытались охарактеризовать основные черты украинца и всячески подчеркивали отличия от русских. Приведем пример: для украинского менталитета характерны эмоциональность, чувственное начало, которое преобладает над рациональностью [Вдовыченко 2014: 180]. Эмоциональность украинского характера, которая выступает взаимодополняющим компонентом украинского индивидуализма, отличается от русской эмоциональности, выражающейся преимущественно во внешних формах – произволе, бунте, разбое [Бердяев 2007]. «Эмоциональность же украинцев – это сосредоточенность на внутреннем эмоционально чувствительном мире» [Вдовыченко : 180]. Еще одной важной чертой украинца называлась его кордоцентричность: «благодаря этому, украинец имеет социальную способность к сентиментальности, чувствительности, соболезнованию, лиризму, гуманизму,

толерантности и т.д.» [Вдовыченко с. 181]. Е. Онацкий выразил мнение, что эмоциональность украинского народа является признаком его «национального высочества» [Онацкий 1992.].

«Украинцев характеризует кроткий характер, изменчивое настроение; при общении преобладает чувство симпатии, доверия и правдивости (перевод наш. – Е.К.» [Величко Чернишев 2009].

В 2010 году европейские социологические институты, в частности, The European Social Survey, активно проводили исследования и основными чертами украинцев назвали: «обеспокоенность собственной безопасностью, стремление к самоутверждению (власти, статусу, богатству), неумение самостоятельно принимать решения, настороженное отношение к изменениям, слабо выраженное стремление радоваться жизни» (<https://www.europeansocialsurvey.org>).

П. Гай-Нижник и Л. Чуприй утверждали, что в «этом граждане Украины радикально отличаются от жителей большинства европейских стран с многолетней демократией, низким индексом коррумпированности органов управления и стабильной экономикой – например, от скандинавских государств (Дании или Швеции) или от стран северо-запада континента (таких как Голландия, Бельгия, Франция, Германия)» [Гай-Нижник Чуприй 2014]. Осторожность, несамостоятельность – ожидаемое следствие прошлого печального опыта пребывания в СССР – тут ничего принципиально нового исследователи на Украине для украинцев не предложили. Но создали своеобразные научно-исследовательские эмоциональные качели: возвышают потенциал украинцев, их принадлежность к западной цивилизации и в то же время указывают на нерешительность, эгоизм, пессимизм. Но главное – это отличие от русских.

При попытке подвести итоги межреволюционного десятилетия развития украинской медийной сферы, мы бы указали на проблемы, приобретшие четкие контуры, и иллюзии, возникшие в связи с навязанным обществу мнением, что украинская журналистика успешно следует в русле европейских традиций и наилучших стандартов международной. Укратиоцентричность в европейском инфополе после взрыва интереса к Украине в 2004 году угасла, стране не удалось покорить европейскую медиасферу, в самой журналистике обнаружилось много проблем с объективностью и глубиной освещения важных событий. Была иллюзия демократического пути развития украинской журналистики – на ее свободолобии настаивало в своих оценках большинство медиаисследователей. В этом были уверены и сами украинские журналисты.

Все десятилетие описываемого периода в истории новейшей украинской журналистики ощутимо присутствует русофобия. Если ранее Москва была виновна в тоталитарном давлении на Украину, имевшему место в прошлом, то теперь Москву обвиняли в том, что она продолжает видеть в Украине свой «обломок», поэтому имеет на него свои имперские виды, а в пропагандисткой деятельности работает системно, четко и на долгую перспективу.

4.3. Украина как антироссийское пространство: путь к радикальному национализму (2014 – 2022)

В 2014 году, как известно, на Украине произошел госпереворот, в результате которого к власти пришли националисты. Приход в госаппарат радикалов, а также реализация Западом информационной политики антироссийской направленности на Украине – эти факторы не могли не спровоцировать военный конфликт. Крым и

Донбасс вышли из состава Украины и вернулись как исторические земли в Россию (Крым в 2014 году, Донбасс – в 2022). Украинская журналистика в таких геополитических условиях начала приобретать те черты, которые ранее самими же украинцами всячески осуждались – идеологическая пропаганда, цензура, давление на журналистов, активное использование «темников». Все более явной в медиасфере становилась русофобия. Если в 2014-м году в украинской медиакритике можно было встретить призывы уважительно относиться к жителям Донбасса, то позже в публикациях все чаще проявлялись ненависть ко всему русскому, отрицание общей истории, радикальные националистические идеи. Например, в одной из статей, опубликованных во львовском журнале «Медиакритика», были показаны проявления пропаганды в СМИ, автор указывал, что в период обострения борьбы на информационном поле «возникает целиком оправданная и понятная потребность, с одной стороны, ограничить вражескую информацию, с другой стороны – усилить в медиапространстве линию патриотизма» [Чабаненко 2014 : 34]. Но нужно это сделать корректно, не утратив демократических достижений, поскольку в подаче материала эмоции журналистов не могут оставаться в стороне, наблюдается также и зависимость многих «независимых» СМИ [Чабаненко 2014: 34]. Автор призывает работников масс-медиа оставаться достойными своей профессии и понять, что «важно не смешивать патриотизм и агрессивный национализм, любовь к родине и ненависть к чужой стране (или части своей), грамотную журналистику и желание изменить мир в соответствии со своими вкусами, творчество и разрушения (перевод наш. – Е.К.)» [Чабаненко 2014: 34].

Известная на Украине писательница Ирена Карпа предложила проект на телеканале «Интер» в программе

«Черное зеркало» – мультфильм «Ватнік обращонний» (первая серия вышла в эфир 3 октября 2014 г.). И львовская исследовательница М. Чабаненко назвала его слишком обидным для «жителей зоны АТО» [Чабаненко 2014: 35]. Осудили медиакритики и другие проявления межнациональной нетерпимости: новость из ивано-франковского информационного портала «Стик» (styknews.info) от 9 октября 2014 года «Русская водка, что ты натворила? Нынче в России полстраны дебилов – новый хит» о видео с песней, которую исполнял на своем Youtube-канале американский дальнобойщик украинского происхождения Вадим Дубовский; публикация львовского интернет-издания GALNET (galnet.org) «33 москалика приехали в гости, вместо урожая собираем в поле их кости, – новый хит в Интернете». В 2014 году такое «народное творчество» негативно оценили даже во Львове, хотя и не без своей «специфики»: «К сожалению, не все осознают, что подобными материалами наши медиа подыгрывают путинским, регулярно подкидывая новые поводы для накручивания антиукраинской истерии (перевод наш – Е.К.)» [Чабаненко 2014: 36]. Вместо подобных материалов предлагалось больше высокопрофессиональной журналистики, поскольку «агрессия, злоба, желание оболгать – это признаки внутренней неуверенности в своей правоте», противопоставить этому нужно «моральную силу, опирающуюся на твердое решение идти выбранным путем (перевод наш. – Е.К.)» [Чабаненко 2014: 36], имеется в виду европейским и цивилизованным.

Таким образом, мы можем предположить, что резкое усиление русофобии и проявление агрессии в адрес жителей Донбасса вызвало неприятие у некоторых медиакритиков. Но в дальнейшем напряженность между Россией и Украиной, подстрекаемой странами коллективного Запада, нарастала, и в украинских медиа все более явственной

становилась нетерпимость к иным мнениям, которые выбивались из общего русофобского контента украинских медиа. И вот уже звучит даже некое разочарование в предоставленной на Украине свободе слова по-европейски: «Мы часто смотрели на ЕС как на цивилизационное спасение, даже не представляя, насколько активно мы собственноручно создаем новые и новые информационные узлы зависимости от русского культурного, ментального и, конечно, информационного поля (перевод наш. – Е.К.)» [Логвиненко 2017]. Весьма интересный пример приводится в связи с этим: известный «оппозиционный» русскоязычный телеканал «Дождь» (с 20 августа 2021 года внесен в реестр СМИ – иностранных агентов) был запрещен на Украине Национальным советом, поскольку 12 января 2017 года в эфире телеканала Крым был показан частью России. Украина интерпретировала это как угрозу своей территориальной целостности. Запрет вызвал бурную дискуссию не только в украинских медиа, но и за рубежом. Представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ Дуня Миятович высказалась против такого решения; общественная международная организация «Дом свободы» указала на это событие как проявление цензуры. Против запрета «Дождя» выступили украинские журналисты. Но известный интернет-проект «Детектор Медиа», в прошлом так много пишущий о европейском цивилизованном пути развития украинской журналистики, теперь был в оценке этого события категоричен: контент российского производства должен быть удален из украинского медийного поля. «Наш побег из *большого российского информационного поля* продолжается <...> украинские СМИ научились переводить из *англоязычных источников*, научились писать и снимать мировые новости и аналитику, научились фактчекингу, научились даже больше и качественнее искать внутренние информационные поводы

(перевод и выделение наши. – Е.К.) [Логвиненко 2017]. Впрочем, в украинской медиакритике высказано сожаление о том, что украинцы пока не готовы уйти от российского медиапродукта окончательно: «Украинская аудитория продолжает быть необычайно лояльной к российским медиа разного типа и де-факто остается второй наиболее многочисленной *биомассой Советского Союза*, которая ищет новости из «центральных московских» источников (перевод и выделение наши. – Е.К.)» [Логвиненко 2017].

В украинском информационном поле начала вырисовываться мысль о том, что после событий 2014 года украинское общественное мнение должно негативно относиться к российскому присутствию в медиасфере. В медиакритических материалах предлагались результаты поиска вреда, наносимого «большим соседом». Например, были обнаружены проявления угнетения украинской культуры в советской эстраде: «Украинского же был мизер. Почти вся музыка была завязана на фольклоре, от нее веяло чем-то наивным, старомодным и провинциальным. Даже самый большой хит – «Червона рута». Названия групп: «Смерічка», «Кобза», «Візерунки шляхів», «Дзвони» (перевод наш. – Е.К.) [Чиченина 2021]. И так в «российской империи» (обратим внимание, что в оригинале было написано с маленькой буквы) всегда: «Запреты украинского языка и культуры не распространялись на фольклор. Чтобы культура колониальных стран ассоциировалась только с чем-то только народным, серьезное вам сделают в метрополии» [Чиченина 2021].

Также много внимания уделялось проблеме медиаграмотности: молодежь правильно относится к потреблению информации, думает, анализирует, критично воспринимает журналистские исследования, а старшее поколение – самое медийно безграмотное, в том числе и потому, что «пророссийски» настроено и воспитано в

СССР, где восприятие материалов СМИ под воздействием идеологии и пропаганды было некритично, на веру. Такая интерпретация медиаграмотности была закономерна: на Украине именно люди старшего поколения, которые помнят общую историю, победу в Великой Отечественной войне, положение Украины в составе СССР. Украинская молодёжь знает о прошлом уже из новых учебников по истории, воспитывается в парадигме противопоставления Украины как «европейской» страны и России как дикого, варварского, тоталитарного государства.

Революция достоинства на Украине в 2014 году разделила и общество, и страну, но в украинском информационном пространстве события очевидного госпереворота настойчиво интерпретировали как победу демократии и выбор в пользу европейского пути дальнейшего развития государства. Бывший президент Украины В. Ф. Янукович и его правительство, возглавляемое Н. Я. Азаровым, в масс-медийном украинском контенте представлены как крайне негативные персонажи. Возьмем на себя смелость утверждать, что большинство украинцев вспоминает годы правления Януковича как спокойные и относительно финансово благополучные. Но в медийной сфере Украины «промосковское» правительство бывшего президента обозначено как вызывающе нарушавшее ключевые национальные ценности, права и свободы человека [Лизанчук 2021] «Не без ведома первых властных лиц государства “правозащитники” жестоко избили и разогнали юношей и девушек с Майдана Независимости в 4 часа на рассвете 30 ноября 2013 г., которые мирно требовали от Президента подписать соглашение об ассоциации с Европейским Союзом (перевод наш. – Е.К.)», – так эмоционально интерпретирует эти события львовский профессор В. В. Лизанчук [Лизанчук 2021: 231].

Ему вторит также украинский публицист Юрий Винничук, указавший, что «Революция Достоинства – это очень четкое определение процесса. И это наша победа, поэтому на этом примере нужно учить новые поколения украинцев. Речь идет, прежде всего, о достоинстве украинцев, которые не позволили издеваться над своим детьми и пришли на защиту тех ценностей, которые самые важные» [Винничук 2017: 72.]. Обратим внимание, что именно протест против ущемления прав человека – это тот главный мотив борьбы, о котором очень часто пишут ученые, журналисты, публицисты, блогеры на Украине и настаивают именно на такой интерпретации событий десятилетней давности. На наш взгляд, это звучит особенно абсурдно именно в современных условиях, когда права человека на Украине попораны настолько, что это невозможно объяснить даже военными событиями и вызванными ею ограничениями. Но тем не менее, украинские нарративы не меняются, продолжается культивирование обиды за то, что Россия воспринимает Украину в «своем колониальном лоне» [Лизанчук 2021].

Интересно, что в своем исследовании В. Лизанчук высказывает возмущение по поводу пророссийских меседжей в украинском медийном поле: «Творить антиукраинское ядовитое варево помогают московским манипуляторам медийные работники телеканалов «НАШ», «ZIK», «112», «NewsOne», «Інтер», «Україна», «Україна-24», «1+1», которые вольно функционируют на Украине (перевод наш. – Е.К.)» [Лизанчук 2021]. Исследователь указывает на то, что некоторые политики (Бондаренко, Бужанский, Герман, Добкин и другие) используют активно дезинформацию под прикрытием демократии и свободы слова, а ограничение неправдивой информации называют цензурой. И не может остановить «вражескую пропаганду» даже Национальный совет Украины по вопросам

телевидения и радиовещания (по причине непонимания всей ситуации).

Молли МакКью дала Украине совет, который уважительно цитирует В. Лизанчук: «Я не брала бы на себя ответственности давать советы, вокруг чего стоит строить свою идентичность украинцам. Единственное: не стоит выстраивать свою идентичность на России. Не зависит, вы за Россию или вы против России. Украинская идентичность должна быть украинской идентичностью» [МакКью 2020; Лизанчук: 2021].

После госпереворота в феврале 2014 года в украинской журналистской сфере появились исследования, которые осмысливали происходящие события, потянувшие за собой заметные изменения. Например, львовские исследователи обновили подзабытую с первой половины 90-х гг. XX века тему общей национальной идеи, которая должна объединить украинское общество. «Последствия прошлой и современной зловещей антиукраинской московской политики остро чувствует украинское общество, потому что до сих пор отсутствует надлежащая консолидация на основе национальных ценностей (перевод наш. – Е.К.)» [Лизанчук 2021: 229]

После состоявшейся коммерциализации и олигархизации СМИ, политических противоречий говорить о национальной общей идее сложно, это также очевидно и для украинского общества. В. Лизанчук предлагает объединиться с «человеко-нациецентричной» идеей вокруг «правильных» СМИ, которые держат «высокую ценностную планку касательно моральной и этической журналистики» (газета «День», «Українська літературна газета», «Слово Просвіти» («Слово Просвещения»), «Літературна Україна», «Галичина», журнал «Дзвін» («Звон»), общественное телевидение и радиовещание, львовское радио «Незалежність» («Независимость»),

телеканалы «Прямий», «Еспресо», «5-й канал», телерадиокомпании «Люкс», «Перший Західний» («Первый Западный») и «некоторые другие медийные институции (перевод наш. – Е.К.)» [Лизанчук 2021 : 229]. То есть это СМИ, для которых шок и сенсация не являются в приоритете, это СМИ, которые «которые последовательно, длительное время противодействуют российским нарративам, защищают национальные ценности, украинскую идентичность от дезинформирующей, манипулятивной пропаганды (перевод наш. – Е.К.)» [Лизанчук 2021: 230].

В. Лизанчук с сожалением отмечает, что до сих пор украинский патриот, воин УПА, бандеровец предстает в восприятии не только рядового россиянина, но и «змосковщеного» украинца на подсознательном уровне как своего рода «антиидеал Украины», в отличие от идеала Доброй Украины-Малороссии, находящейся под полнейшим политическим и духовным контролем Москвы, независимо от формального статуса то ли провинции России, то ли протектората ее, то ли “самостоятельного государства”, уровень самостоятельности которой определяется той же Москвой [Лосев 2001; Лизанчук 2021]

Для того, чтобы преодолеть продуманную и последовательную «политику» России, по мнению В. Лизанчука, нужно потратить достаточно много интеллектуально-просветительских, дипломатических усилий, чтобы развеять не только на Украине, но и в некоторых зарубежных странах «созданный московскими, антиукраинскими, коммунистическими политиками, историками, средствами массовой информации негативный образ Украинской повстанческой армии, дивизии “Галичина”, всех участников национально-освободительной борьбы (перевод наш. – Е.К.)» [Лизанчук 2021: 233]. Разумеется, что негативный образ националиста и

бандеровца имеет причины – это, прежде всего, свидетельства об их преступлениях и злодеяниях, которые сохранила историческая память до наших дней. В. Лизанчук пытается доказать, что среди националистов есть немало террористов, но не для личной наживы, а по идейным соображениям, против политического строя. Дело в двойных стандартах, которые использует «мировая общественность» в вопросах идеологического противостояния. «Националистов либо отождествляют с террористами, преследующими свои “иррациональные” цели, либо же подают как героев. Часто народ, сумевший избавиться от иностранного угнетения и получивший независимость, чтит террористов, которые за нее боролись, и меньше озабочен методами этой борьбы, потому что каждому понятно, что вырваться из неволи нельзя в белых печатках (перевод наш. – Е.К.)» [Лизанчук 2021: 235]. Так что, следуя этой логике, украинские оуновцы во главе со Степаном Бандерой искали способ сделать Украину свободной от «большевистского СССР» и Польши [Лизанчук 235]

Виктор Тимченко аргументировал, что борьба за национальную независимость часто не обходится без террора, жертв и крови, потому нужно перестать делить национализм на лучший и худший: «Всякий националистический терроризм начинается там, где нация, стремящаяся к государственности, субъективно не видит легитимных способов обретения независимости или таких способов объективно не существует» [Нечитайло 2020]. Таким образом, в украинском медиаполе пытаются представить С. Бандеру, оуновцев и националистов – как проявления героической борьбы Украины за свободу. В. Лизанчук, ярко представляя западноукраинскую интерпретацию взаимоотношений Украины и России, возмущается словам В. Путина и В. Медведчука об общей

истории и «тысячелетней дружбе» украинского и русского народов. С сожалением отмечает львовский профессор, что есть немало людей среди граждан Украины, которые разделяют это мнение, он называет их «украденные дети», «украденные» российской властью (опять виновата пропагандистская политика России).

«Наша проблема заключается в том, что значительная часть этнических украинцев понимают, что они рождены на Украине, но при этом не принимают украинский язык, культуру, обычаи и традиции, порой презирают их и в то же время отождествляют себя со всем русским, – объясняет свое видение этой «парадоксальной ситуации» старший научный сотрудник отдела шевченковедения Института литературы имени Тараса Шевченко НАН Украины Роксана Харчук. – И если в XIX в. Это была русская идентичность, которая воплощаясь в типе украинца-малоросса, то в XX в. – та же российская идентичность, но под маской идентичности советской, овеванной флером социальной справедливости и интернационализма, вытворившую тип украинца-гомосоветикуса (перевод наш. – Е.К.)» [Чадюк 2020], который сейчас, в XXI веке, является «главной антиукраинской особью во вражеской пророссийской пятой колонне» [Лизанчук 2021: 238]

С возмущением В. Лизанчук пишет о том, что независимости Украины три десятка лет, но до сих пор различными методами пророссийские «украденные дети» заняли ключевые информационные, гуманитарные, образовательные, справочные позиции, и теперь пытаются из украинских детей делать русских (перевод наш. – Е.К.)» [Лизанчук 2021: 238]. В качестве яркой иллюстрации такой «деятельности», профессор приводит пример: в 2020 году Украинский центр оценивания качества образования (УЦОКО) разрешил будущим абитуриентам не сдавать тесты по украинской литературе. Уполномоченный по

защите государственного языка Тарас Креминь назвал это одной из самых больших угроз государственной гуманитарной политики» [Креминь 2020], очевидно, оценив потенциал украинской литературы в формировании истинного украинца отдельно и «коллективного сознания народа» в целом.

В. Лизанчук давно и последовательно уделяет большое внимание повсеместному внедрению украинского языка (в том числе и для вытеснения русского), поэтому также оценил риски такой «сознательной маргинализации украинской литературы», которая «делает невозможным усвоение языка на лучших образцах наследия национальных гениев и таким образом обесценит сам язык» [Лизанчук 2021: 239].

Такая «боязнь» и переживания за судьбу украинской культуры была характерна для Украины середины 90-х гг. XX века, когда в украинском публичном пространстве были попытки распространения украинско-националистических идей под видом патриотизма и любви к новосозданному государству. Но тогда общественной широкой поддержки эти идеи не встретили, и националисты перешли к долговременному, но, к сожалению, эффективному стратегическому пути – постепенному захвату информационной сферы, воспитанию молодежи, ориентации на Европу как передовую цивилизацию и критику идеи «Русского мира» – всего, что предлагает Россия как государство, «империя» и цивилизация. После событий 2014 года украинские националисты с новой силой начинают продвигать русофобскую идеологию, получают вторую жизнь подзабытые нарративы 90-х об обиженной и вечно угнетаемой Украине.

На наш взгляд, долгое декларирование идей о свободе слова и соблюдения прав человека, ориентация на лучшие, пусть и во многом мифические стандарты европейской

культуры в целом и журналистики как ее части, дало свои результаты. Многие журналисты – теоретики и практики, крайне настороженно и даже негативно отнеслись к попыткам вернуть в украинскую журналистику цензуру. Ярким примером служит общественная дискуссия, возникшая вокруг «Закона о медиа» (от декабря 2019 года) и реформирования Национального совета по теле- и радиовещанию, незаконное закрытие оппозиционных к действующей власти известных телеканалов, преследование политических деятелей, которые могли бы вызывать интерес украинского избирателя из-за своих предложений иного пути развития Украины вне противостояния с Россией (например, события вокруг фигуры Виктора Пинчука).

Известные на Украине ученые В. и А. Гоян в своем исследовании [Гоян 2018: 32] сделали обзор законов и мер в информационно-медийной сфере Украины, которые помогли снизить влияние «большого соседа» на Украину. С удовлетворением эти исследователи отметили снижение показателей просмотра российских каналов, ведь «более 80 из них не попали в список адаптированных как иностранный продукт для украинского телерынка (перевод наш. – Е.К.)» [Гоян 2018: 32]. Рассматривая ряд законов (были приняты еще в 2017 году), обратили внимание на закон «О государственной поддержке кинематографии», который должен был определять формы и порядок предоставления государственной финансовой поддержки субъектам кинематографии, и смог увеличить количество украинского продукта. Были приняты еще два важных закона, которые повлияли на языковое соотношение медиаконтента на Украине: закон «О внесении изменений в некоторые законы Украины относительно языка аудиовизуальных (электронных) средств массовой информации» и закон «О внесении изменений в Закон

Украины "О телевидении и радиовещании" (относительно доли песен на государственном языке в музыкальных радиопрограммах и радиопередачах)».

Первый упомянутый нами закон ввел на телевидении обязательные квоты передач и фильмов на украинском языке – 75% для общенациональных и региональных телеканалов, 60% – для местных телеканалов, 75% – для программ новостей. Второй закон установил, что на радио количество песен на государственном языке должно составлять 30%, а минимальная доля ведения передач на государственном языке – не менее 55%.

Общественное мнение законы восприняло негативно, тем не менее, за соблюдением принятых мер следили строго. В результате для заполнения эфира возникла необходимость создания нового украинского медиапродукта, в том числе песен, телевизионных проектов, что и было сделано.

Выдавливание русскоязычного контента дало свой результат: если ранее квота европейского продукта фактически перекрывалась программами производства Российской Федерации, которые подавались как собственный национальный продукт телерадиокомпаний, то теперь в соответствии закону, в недельной верстке эфира телерадиокомпаний (в 2018 году) составляло как минимум 50% украинского продукта и как минимум 20% – европейского, американского или канадского. Продукция из Российской Федерации и других производителей может составлять не более 30% от всего недельного вещания украинских телерадиокомпаний [Гоян 2018: 33].

Верховная Рада ввела квоты на обязательный телеэфир на украинском языке: для общенациональных и региональных производителей должен составлять 75%, для местных – 60%, и в целом для информационного вещания – 75%. Украинские исследователи отметили, что «ранее

процентные ставки распределялись так, что контент программ, произведенных в Российской Федерации, доминировал на многих телеканалах» [Гоян 2018: 34]. Введение квот, по мнению А. и В. Гоян, это важное государственное решение, которое «поддержали общественность и большинство украинских телерадиокомпаний» [Гоян 2018: 34]. В данных Национального совета по вопросам телевидения и радиовещания о перевыполнении предложенных квот: «... в среднем общенациональные радиостанции перевыполняют квоты по количеству украиноязычных песен на 7%, по ведению передач на государственном языке – на 31%. Региональные и местные радиовещатели в среднем имеют лучшие показатели. Квота украинских песен превышает установленный минимум на 19%, доля ведения передач на государственном языке – на 38% (по состоянию на годовщину вступления в силу закона – октябрь 2017) (перевод наш. – Е.К.)» [Гоян 2018: 34].

По мнению украинских ученых в сфере журналистики, описываемые законы «положительно» повлияли на долю национального и собственного аудиовизуального продукта в телерадиоэфире [Гоян 2018: 34].

Национальный совет контролировал украинский телерадиоэфир в вопросе о выполнении языковых квот, за выявленные нарушения компании взимались штрафы.

На начало 2018 года на Украине существовало около полутора тысяч различных телерадиокомпаний. Наиболее влиятельными каналами называли следующие: пять мощных медиахолдингов («Star Light Media» Виктора Пинчука, «УМН Group» Бориса Ложкина, «Inter Media Group» Дмитрия Фирташа, «1+1 Media» Игоря Коломойского, «Media Group Ukraine» Рината Ахметова), телеканал «5 канал» Петра Порошенко, «112.UA» Андрея Подшипкова, «24 канал» Екатерины КитСадовой и Романа

Андрейко, «NewsOne» Евгения Мураева, «Еспресо ТВ» Инны Аваковой, Арсения Яценюка и Ларисы Княжицкой, «Прямой» Владимира Макеенко, «ZiK» Петра Дыминского. Все эти каналы принадлежат олигархам и влиятельным политикам, каждый из которых ведет свою редакционную политику и по-своему интерпретирует происходящие важные события, и далеко не всегда их мнения совпадали, что становилось проблемой. В эфирах некоторых из перечисленных каналов стала появляться жёсткая критика деятельности президента Украины В. Зеленского. Например, известный блогер-журналист Анатолий Шарий был частым гостем на телеканалах «Zik», «112», «NewsOne» и освещал самые неприглядные стороны деятельности Зеленского, вёдливо комментируя его поступки и подчеркивая все противоречия между словом и делом лидера страны (действия коррупционного характера, нарушения предвыборных обещаний и даже действующего законодательства). Встал вопрос о противостоянии таким информационным атакам. Не удивительно, что «слуги народа» из команды В. Зеленского Н. Потураев и А. Ткаченко взяли за продвижение закона, регулирующего работу медиа. Вот что в свое время сказала об этом известная на Украине журналистка Олеся Медведева в своем проекте «Ясно. Понятно»: «В статье закона под характерным номером 37 перечисляются виды информации, запрещенные к распространению в Украине <...> появился запрет на оправдание оккупации части Украины, а также отрицание территориальной целостности страны. <...> Теоретически этот пункт можно трактовать как запрет говорить о любых позитивных изменениях на неподконтрольной части Донбасса и Крыма. Например, о постройке крымского моста или там об аэропортах в Крыму, которые в теории могут оправдать оккупацию. То есть разрешается только, по сути, критиковать жизнь за

линией разграничения, устанавливается также прямой запрет на позитивное изображение коммунистических деятелей СССР» [Ясно Понятно 2019]. Для украинской общественности, так или иначе привыкшей к относительно свободе слова и плюрализму мнений в журналистике, вырисовывались неприятные логические цепочки из обсуждаемого закона о медиа, в особенности, что касалось запрета прославлять советские времена и политических деятелей: «...можно в позитивном ключе показывать тех, кто развивал украинскую культуру и науку ... во времена СССР. А, например, говорить о том, сколько дорог, заводов, самолетов и других инфраструктурных вещей построили при Союзе по ходу нельзя, но только, если не упоминать, что все это построено при Советах» [Ясно Понятно 2019], совершенно не ясно, что делать с вроде бы существующим запретом позитивного изображения нацизма, но, «в отличие с историей с коммунистами...», не понятно, попадает ли под действия этой статьи героизация дивизии, скажем, СС Галичина. И прочих коллаборантов из числа украинских националистов, которые сотрудничали с гитлеровцами во времена Великой Отечественной войны» [Ясно Понятно 2019].

Совершенно очевидно, что в украинской журналистике заканчивалась эпоха «демократических» преобразований, начинались времена запретов: если ранее в украинской журналистике больше делалось для того, чтобы пророссийские темы были не модными и несовременными, любая симпатия к российскому могла быть интерпретирована как ностальгия по «Совку» или симпатия к «кремлевской пропаганде», то в 2019 – 2020 гг. заговорили не только о нежелательности пророссийского контента, но и о возможности блокировки ресурсов в интернет-сети. Это был серьезный шаг к той самой цензуре, от которой пытались уйти украинские журналисты. Ранее

интернет был свободным пространством, куда читатель или зритель мог обратиться за альтернативной информацией, изучить разные взгляды на проблему, факт, явление. Но интернет стал слишком просматриваемым и влиятельным информационным ресурсом, поэтому не удивительно, что на Украине, да и во всем мире начали проявляться настойчивые попытки регулировать информационное наполнение сайтов и каналов.

В 2020 году на Украине были незаконно закрыты телеканалы «Zik», «NewsOne», «112», заблокирован сайт «Страна. UA», заведены уголовные дела на Анатолия Шария. Стоит отметить, что кроме прямых запретов, активизировалась и деятельность «медиакритиков». Медиаресурс «Детектор Медиа» (ранее «Телекритика»), финансируемый западными структурами и выполняющий роль вочдога в украинском медиапространстве, публиковал мнения экспертов, имитируя справедливый мониторинг СМИ и объективный анализ деятельности медиа. А. Шарий оценил работу Натальи Лигачевой и «Детектор Медиа» как инквизиторскую: «взвалила на свои хрупкие плечи такую обязанность – следить за исполнением, чтобы никто не ковырялся в носу из журналистов», при этом сама она не имеет никакого морального права это делать, поскольку никоим образом не придерживается принципов журналистской этики и занимается написанием заказных статей и ротацией определённых информационных потоков в угоду прозападной украинской власти (например, высокая оценка работы телеканала П. Порошенко «5 канал» за сбалансированность в освещении событий) [Эфир ЗИК 2020].

Обратим внимание на одну из публикаций на сайте «Детектор Медиа», посвященную анализу деятельности телеканала «Дом», созданного для информационного воздействия на жителей Луганской и Донецкой народных

республик. «Стереотипный зритель, привыкший к накалу пропаганды, страждущих интонаций и отчаянно вытаращенных глаз на российских каналах...» (перевод наш. – Е.К.) попадает в некое вялое информационное пространство, в котором вроде бы и соблюдены журналистские стандарты, ведь канал не дезинформирует, не распространяет фейки, не манипулирует преимущественно. Но с «балансом мыслей», как и шкалой скучности, которую в методологию включить трудно, – у канала самые большие проблемы [Кузнецова 2021]. «Дом» вещал на русском языке, что было логично: «мне так и не удалось понять, каким образом именно русскоязычность канала должна обратить аудиторию к правильной позиции. Вероятно, логика в том, что если в Украине появляется государственный русскоязычный канал, то само его существование перечеркивает *кремлевский миф о притеснениях русскоязычных*. Но нужен и эффективен ли такой витринный проект? (перевод и выделение наше – Е.К.)» [Кузнецова 2021]. Выходит, по мнению медиакритика, вещание на русском языке для Донбасса – не эффективно и не нужно!

Также важно обратить внимание на запуск общественного вещания, ранее декларируемого как обязательная составляющая гражданского общества европейского типа. Его история создания началась в 1997 году, но непосредственно удалось запустить этот важный для Запада проект только в 2017-м году. Значимость этого канала очевидна: например, Советом Европы был запущен проект «Укрепление свободы медиа и создание системы общественного вещания в Украине» для усиления роли медиа и общественного вещания как инструментов для достижения консенсуса в обществе. 1,93 млн евро для этой «свободы» и «соблюдения прав» дали 16 стран. Миссией Общественного вещания было объявлено – защищать

свободу слова на Украине, предоставлять обществу достоверную и сбалансированную информацию об Украине и мире, налаживать гражданский диалог для укрепления общественного доверия, развития гражданской ответственности, украинского языка и культуры, личности и украинского народа» [Наблюдательный совет 2017].

Юрий Макаров, один из наиболее известных украинских журналистов, с 2019 г. исполнительный продюсер Общественного телевидения (Суспільного телебачення) Национальной общественной телерадиокомпании Украины (НСТУ), в своем интервью 2021 года высказал типичные мысли, распространяемые в украинском медийном пространстве, – о разности поколений, о появлении новых свободных журналистов: когда он пришел на «Общественное» (которое в то время было еще Национальной телерадиокомпанией), то увидел людей старшего поколения, «которые работали по 30-40 лет, привыкли к своему рабскому положению и к тому, что крутят огромные деньги, и им просто надо добраться до нужных этажей, чтобы эти деньги и на тебя немножечко покапать», и были люди, которые просто самоутверждались тем, что работают на телевидении, с которыми нельзя было найти общего языка, «начиная с культурной ориентации, потому что это была советско-колхозная Украина как культурное явление, рабская Украина». «Если треть нашего населения в буквальном физическом смысле были крепостными, то чего мы хотим?». А вот новое поколение молодых журналистов, у которых есть стратегия (не в том, чтобы урвать где-то 5 копеек или 5 тысяч гривен, а состояться, реализоваться). Между этими поколениями – пропасть (перевод наш. – Е.К.) [Юрий Макаров 2021].

Оценивая деятельность «Общественного» накануне событий, связанных с началом СВО, Ю. Макаров сделал вывод, что полной реализации нет, есть только потенциал,

который нужно «раскачать и реализовать». Продукт «Общественного» – только лишь надежда на продукт [Макаров 2021]

В целом, украинскую журналистику в постмайданный период до начала СВО, можно охарактеризовать следующим образом:

- усиление руссконенавистнических мотивов в медийном контенте, при том, что декларирование высоких европейских стандартов о свободе слова продолжается;

- изгнание и выдавливание русскоязычных текстов из информационного пространства, замена их на украинские и переводные, причем запреты начались на законодательном уровне.

- воздействие на общественное мнение посредством проплаченных или угодных украинской власти проектов, имитирующих медиакритическую деятельность (самый яркий пример – это деятельность Натальи Лигачевой и ее проекта «Детектор медиа»).

4.4. Пропаганда и цензура: украинская журналистика в период СВО (2022 – по настоящее время)

Начало СВО стало для украинской медийной сферы отправной точкою к усилению тотальной пропаганды, жесткой цензуры и неприкрытой русофобии.

Своеобразным контрастом к предыдущим исследованиям о возникновении свободы слова, воздействующего на руководство страны общественного мнения и о СМИ как о «четвертой власти», зазвучали мысли в новейших исследованиях украинской медиасферы: «С 24 февраля 2022 г. на военные рельсы была переведена не только социально-экономическая жизнь Украины, а и работа медийной сферы – произошло усиление

государственного регулирования деятельности украинских СМК, что фактически повлияло на *определенное ограничение свободы слова*. Но этот процесс является *объективно необходимым в условиях военного положения и отвечает украинскому законодательству* (перевод и выделение наши. – Е.К.) [Приступенко 2022: 25]. В многочисленных законах Украины о деятельности СМИ обнаруживаются точки соприкосновения европейских стандартов «свобод» и реалий украинских медиа в условиях военного конфликта и соответственно определенных ограничений: журналисты должны соблюдать этические стандарты, которые приняты и международным сообществом, но важна и саморегуляция, предусматривающая «добровольную ответственность журналистов и медиа за следование профессиональным и этическим стандартам (перевод наш. – Е.К.)» [Приступенко 2022: 29].

Очевидно, что с «добровольным» ограничением возникло множество проблем, поэтому автор упоминает о дискуссиях при принятии законов о деятельности СМИ. В целом, украинские ученые обосновывают необходимость контроля информации в украинском медиaprостранстве.

Итак, 24 февраля 2022 года началась СВО. Украинские власти при всесторонней, в том числе и медийной, поддержке Запада объявили действия России вторжением, незаконным захватом украинских территорий. Прозвучала и более жесткая оценка: «полномасштабное вторжение» – это и вызов для всего «цивилизованного мира», и война, направленная на уничтожение независимости Украины и даже уничтожения всех украинцев «как самобытный народ», только мир, который столкнулся с «геноцидной войной» еще не готов это признать [Стельмах 2024: 16]. Тимоти Снайдер, известный американский историк, указал, что якобы у России были геноцидные намерения, но

международное сообщество сознательно избегает называть войну геноцидной, также профессор проводит параллели между поведением Президента РФ В. В. Путина и А. Гитлера в 30-х гг. XX века [Snyder 2022]. С такими резкими заявлениями вряд ли согласно «международное сообщество», но, несомненно, попытки именно так представить военный конфликт Украины и России предпринимались.

В медийном поле Украины сразу же появились утверждение, что Россия вторглась вероломно, неожиданно, несправедливо, поэтому с помощью медийных тектов началось нагнетание таких эмоций, как возмущение, ярость, обида и ненавистью к «врагу». В массиве украинских журналистских текстов активно продвигаются нарративы: Россия – страна-агрессор, страна-оккупант. Российское медийное пространство – это территория «геббельсовской» пропаганды. Название государства-«агрессора» и фамилия лидера России в медийных и даже научных (!) текстах пишется с маленькой буквы, чтобы почеркнуть негативное отношение.

Ненависть ко всему русскому, советскому, пророссийскому стала настолько сильной, что понадобилось её оправдание: «В условиях мирного времени язык ненависти является неприемлемой формой общения журналистов с обществом, но, как известно, каждое правило имеет свои исключения» [Клименко Кучер 2022: 37]. «В 2022 году мы тоже имеем новый язык – язык войны, который призван показать реальность такой, какой она является на самом деле. Если правда – наше главное оружие в этой войне (перевод наш. – Е.К.) [Клименко Кучер 2022: 37]. Автор прямо указывает, что теперь главный враг Украины – Россия и ее идеология – рашизм, поставленный в один ряд с фашизмом и сталинизмом как высшими

проявлениями зла, против которого весь «цивилизованный мир» [Клименко, Кучер, 2022. 38].

В день начала СВО медиа-гиганты Украины приняли решение объединиться в единый телемарафон для того, «чтобы противодействовать российской дезинформации и пропаганде (перевод наш. – Е.К.)» [Ерохин 2023] Украинский государственный канал «Рада», Общественное вещание (Суспільне мовлення) и большие коммерческие каналы – ICTV/СТБ, 1+1, Інтер и «Україна 24» (позже этот канал заменил новичок «Мы-Украина») составили меморандум о бесперебойности эфира. Всем казалось это решение правильным: телевизионный марафон должен был показать сплоченность Украины и транслировать правду и «ничего, кроме правды о происходящих событиях» [Ерохин 2023]. Украинские медиаисследователи сходятся во мнении, что вначале так и было – говорили о военных действиях, поддерживали боевой дух в обществе, не говорили только о потерях Украины, что казалось правильным в военное время. Однако уже через несколько месяцев у украинской аудитории начали возникать вопросы по транслируемому контенту. Телемарафон вместо правды начал подавать в эфир нужную для властей информацию.

Медиаисследователи обратили внимание на канал-новичок «Мы-Украина» в списке «телемарафонцев». Это было подозрительно, поскольку попасть в перечень марафонцев было очень сложно. «Еспресо», «5 канал» и «Прямой» неоднократно пытались попасть в телемарафон, но получили только «отлучение от цифрового транслирования» [Ерохин 2023]. Т.е. попасть на телемарафон можно только через связи. Канал «Мы-Украина» был новым игроком на рынке телевидения. «Украинская Правда» допустила, что этот канал имеет прямые связи с руководством Офиса Президента Украины А. Б. Ермаком. Тогда очевиден вывод: именно власть

решает, кого подпускать к медийной монополии, соответственно возникает вопрос, какая же тогда независимость есть на телемарафоне [Ерохин 2023]. На телемарафон уходит много финансирования, поскольку на этом важном проекте сейчас никто не экономит. За 2023 год на государственный телеконтент было выделено в бюджете почти 2 миллиарда гривен, из них полтора миллиарда освоено. В целом, с 1 марта 2022 года по 25 марта 2024 года именно на телемарафоны «Единые новости» и «FreeДом» было истрчено более миллиарда гривен [Ерохин 2023].

Описываемые телевизионные проекты, призванные мобилизовать страну в едином гневном порыве против России, очень скоро ярко проявили вопиющие нарушения журналистских стандартов, о которых не стали молчать даже в самой Украине. Рассмотрим их.

Украинские медиаисследователи, анализируя контент масс-медиа Украины, вывели такое понятие как *«байрактарщина»*. На наш взгляд, термин получился очень точным и даже остроумным, поскольку вызывает ассоциацию с другим известным понятием – «шароварщина» – поверхностное, упрощённое и стереотипное изображение украинской культуры (в российском варианте – «развесистая клюква»). Очевидно, что в новостных потоках о боевых действиях украинские каналы начали быстро скатываться в эту самую шароварщину, если речь идет о военных событиях. Мир, изображаемый в «Единых новостях», сильно отличался от реальности.

По результатам мониторинга «Детектор Медиа», за январь – март 2023 года на телемарафоне около 65% депутатов, приглашенных в студию, были от «Слуги народа», которая имеет 241 место в парламенте – около 59%. Еще 17% – от партии «Голос», 6% – от «Батькивщины», 4% – от партии «Доверие» и 4% – от

«Европейской солидарности». «Очевидно, что такое преимущество в сторону правящей партии не оставляет никаких шансов честной журналистике. В итоге можно утверждать, что телемарафон – это худший способ потратить огромные средства из государственного бюджета (перевод наш. – Е.К.)» [Ерохин 2023].

Таким образом, задекларированная цель «Единых новостей» полностью не совпала с реализацией: телемарафон не выполнил роль главного поставщика новостей (телеграмм-каналы оказались намного быстрее), к тому же проект нарушил правила демократии, все еще важной для проевропейски настроенной массовой аудитории Украины. Оказалось, что цифровым информационным пространством владеет группа каналов, так или иначе контролируемая властью.

Мир новостей, представленный телемарафоном, показывает искусственно созданную реальность, сильно отличающуюся от настоящей действительности.

Среди серьезных вызовов для украинской журналистики стало распространение информации через социальные сети (прежде всего телеграмм-каналы). «Социальные сети превратились в «глобальный телевизор» и стали замечательным орудием для манипулятивной пропаганды. Соцсети позволяют направить определенную информацию точно на чувствительную группу (перевод наш. – Е.К.)» [Лизанчук 2021: 230]. Американский консультант по вопросам политики и безопасности, специалист по противодействию российской пропаганде Молли МакКью (Molly McKew) отметила, это быстро и недорого, кроме того, социальные сети отсекают все то, что надо бы знать гражданину: журнализм, аналитику, профессионалов, экспертов» [МакКью 2020].

В особенности спрос на этот контент возрос в связи с утратой доверия официальным источникам информации.

Недоверие начало накапливаться по мере того, как официальная повестка дня в СМИ перестала совпадать с реальностью.

Исследователи медиа, впрочем, нашли объяснение популярности телеграмм-каналов – увидели в этом новые возможности для российской пропаганды. На 2023 год в указанном месседжере действовало 33 тысячи украинских каналов [Ерохин 2023]. Часто авторы контента, публикуемого там, анонимны, «что делает телеграмм идеальным местом для разгона российских психологических операций (перевод наш. – Е.К.)» [Ерохин 2023]. Украинские медиа «рерайтят» инфоповоды, забывая о журналистских стандартах, сетуют медиакритики. Обратим внимание, что именно правильная подача новостей – проверенной, сбалансированной информации – на протяжении трех десятилетий была одной из базовых составляющих «новой» формирующейся по европейским образцам украинской журналистики. В условиях ведения военных действий быть непредвзятыми, сдержанными и подавать исключительно проверенную информацию – оказалось невыполнимой задачей. Украинские медиакритики указывали на эти проблемы и обсуждали их возможные решения: обязательным стали призывы к бдительности и осознанию того, что в мессенджерах активно работает российская пропаганда, проводятся психологические операции для того, чтобы посеять «хаос и недоверие среди украинского общества» [Ерохин 2024]. Украинские исследователи предупреждают, что несоблюдение журналистских стандартов дает возможность российским спецслужбам легко организовывать свои ИПСО [Ерохин 2024]. На самом деле, это ожидаемое объяснение всем неудобным, «инакомыслящим» информационным потокам в украинских медиа и соцсетях.

Если регулировать деятельность телеграмм-каналов пока достаточно проблематично, то медиа должны иметь четкие правила отбора информации, которая поступает в месенджеры – такой выход увидели медиакритики в борьбе за высокие стандарты журналистики. Также они предлагают на законодательном уровне решить вопрос о достоверности информации в телеграмм и предлагают регулярно знакомиться со списками достоверных медиа, которые имеют хорошую репутацию (стоит обратить внимание, что помогают этот список составлять различные центры, функционирующие на Украине под западной протекцией).

Также была обозначена еще одна проблема: некоторые медиа для увеличения количества просмотров и читательской аудитории, ищут «эксклюзивные» новости, которые не всегда достоверны. Борьба с этим предлагается и читателям: им нужно проверять информацию, найдя первоисточник или подтверждение в двух-трех источниках. «Если читатели перестанут легкомысленно относиться к информации, которую потребляют, то СМИ станут проверять источники, и тогда смогут распознать информацию в рамках ИПСО, – полагает Б. Ерохин [Ерохин 2024]. «Российские ИПСО всегда имеют яркий позитивный или негативный окрас. Поэтому реагировать на какую-либо новость стоит спокойно и только после внимательного анализа прочитанного давать волю мыслям (перевод наш – Е.К.)», – такие ожидаемые советы предлагает упомянутый выше украинский медиакритик [Ерохин 2024].

Одним из наиболее распространённых нарушений в подаче новостей на Украине названа излишняя эмоциональность. Например, на канале ТСН в начале боевых действий на Донбассе в период с 1 по 7 марта 2022 года были зафиксированы нецензурные и ругательные слова

(и хотя они были прикрыты звездочками, суть их ясна) [Погорілець 2022].

Высокий уровень стресса – не оправдание, полагают исследователи, – даже в стрессовых ситуациях журналисты не должны забывать свои нормы, правила и обязанности, – настаивают украинские медиакритики, отмечая увеличение количества искажений информации – манипуляции с заголовками (*Ярема посоветовал Януковичу “в конвульсиях” стреляться, Ахеджакову волнует, что люди голосовали за воров и их “золотые унитазы”, Золотовалютные резервы Нацбанка стремительно “испаряются”*).

В заголовках используются фразы, вырванные из контекста, что провоцирует читателя и настраивает его на ожидание совсем другого содержания текста. Также журналисты используют преувеличения, обобщения, нагнетание паники – таким образом материал для реципиента делается эмоционально насыщенным и этим, возможно, более привлекательным для него (*Из-за вторжения России Крым останется без туристов и будет голодать, Весь паркан посольства России завесили требованиями: “Путлер, іди геть!”*, *Роскошную усадьбу Пшонки разнесли вщент и даже поубивали уток, Генеральная репетиция начала Третьей мировой, Курс рубля продолжает стремительно “лететь” вниз*).

Украинские исследователи сравнили частотность использования языка вражды в 2014 и 2022 годах и обозначили, что таких случаев становится больше. Журналисты часто употребляют ругательные слова и вырванные из контекста фразы, что «способствует распространению дезинформации, необоснованной ненависти и искривленных представлений о той или иной ситуации (перевод наш. – Е.К.)» [Погорілець 2022].

Еще одна проблема, которая была очерчена медиакритиками в их исследованиях украинских медиа, это перегибы с некоторыми атрибутами пропаганды со стороны Украины, например, со знаменитым Псом Патроном. Действительно, с февраля 2022 года в украинском информационном поле сформировались атрибуты «будущей и скорой победы» – «Байрактар», «Джавелин» и Пес Патрон. Началось высмеивание россиян, российские войны в украинских СМИ назывались «чмонь», «чмобики» которые не умеют воевать [Проказюк 2024]. Эти образы создавались для защиты информационного фронта Украины, как часть контрпропаганды, но на деле такие мифы стали вредными, что признали даже украинские медиакритики: вместе с заверениями в скорой победе замалчивались настоящие факты потерь, не освещались кадры разрушенных городов, не говорилось о потребностях армии [Проказюк 2024].

Один из участников боевых действий Мартин Брест в интервью сказал следующее: «В принципе, единый телемарафон, я считаю, убил мобилизацию в нашей стране» [Проказюк 2024]. И действительно, зачем ехать на фронт и рисковать своей жизнью, если у нас все хорошо? Зачем приближать победу, когда она и так близко? Даже в своих тизерах к новостям телемарафон показывает войну в хорошем для украинцев свете. К примеру, тизер за 12 мая 2022 года звучит так: *«бьем рашистов в Харьковской области и сдерживаем в Донецкой области, новая угроза для России с севера»* [Проказюк 2024].

В украинском обществе состоялось создание культа пса Патрона, Джавелинов, Байрактаров: с ними делают одежду, конфеты, украшения, создаются шоу Байрактаров, песни и тому подобное. Вследствие этого возникает стереотипизация войны, это порождает всем известную

“байрактарщину” и умаляет заслуги военных [Проказюк 2024].

Один из украинских солдат заявил, что мечтает, чтобы пес Патрон «сдох и вместе с ним вся байрактарщина» [Проказюк 2024]. Его возмутило, что из пса-разминировщика сделали национального героя, хотя он не отличается среди всех служебных собак. Другой солдат ВСУ возмутился, что Патрон имеет значительно большую награду за службу, чем он, человек, который постоянно на передовой. «Стоит добавить, что никто не выступает против признания пса Патрона или эффективности байрактаров, осуждается именно создание культа, что вызывает впечатление, что война может быть веселой» [Проказюк 2024].

Перечисляя последствия неумелой работы с информацией во время боевых действий, украинские исследователи указывают на все более ярко проступающие последствия: **снижается доверие к украинским медиа**. «Когда мы слышим о героической “крепости Бахмут” и боях, которые там были, но не видим ни одной статьи о нашем отступлении из него, возникает вопрос в правдивости информирования (перевод наш. – Е.К.)» [Проказюк 2024].

Цифры достаточно ярко показали уровень падения доверия к телемарафону: Согласно данным опроса Киевского международного института социологии, с мая 2022 до октября 2023 года доверие граждан к телемарафону значительно упало. Из 69% людей, которые смотрели «Единые новости», стало 48%, и с 12% до 39% стало больше тех, кто ему не доверяет [Проказюк 2024].

Украинские медиакритики признали, что мифы про «чмонь», «чмобиков», бедную армию России только создают видимость легкой победы. «Именно из-за этой ошибки наших медиа у общества возник диссонанс, когда

все казалось непринужденно и просто, но почему-то война “затянулась” и над кладбищами развеваются десятки флагов. И с большого подъема народ Украины впадает в моральный упадок, ведь только сейчас он понимает всю катастрофичность войны, все ее последствия и потери, которые он несет (перевод наш. – Е.К.)» [Проказюк 2024].

Украинские медиаисследователи обвинили Россию в распространении манипулятивных терминов, которые воздействуют на восприятие массовой аудитории событий, связанных с противостоянием: например, большинство украинских медиа использует слово «Донбасс» и сочетания слов «выбор Донбасса», «народ Донбасса». Секретаря СНБО Алексей Данилов полагает, что это дефиниция, которую навязывает Российская Федерация, при чем спецслужбы России с 2000 года, а в период с 2014 – особенно активизировались как инструмент информационной войны. Такие характеристики способствуют искусственному обособлению региона Украины как территории, которая якобы имеет особенные права и статус. В «Глосарии» СНБО предлагается жителей Донбасса называть жителями Донецкой и Луганской областей «жителями ОРДЛО (отдельных районов Донецкой и Луганской области), которые находятся под временной оккупацией России», а также отказаться от терминов «Великая Отечественная война» и «Новороссия».

Все проблемы в украинской журналистике украинская исследовательница П. Дворянин объяснила ожидаемо – обвинила Россию: «Российская война на Украине обесценила стандарты и правила, которыми мировые медиа пользовались годами ... война показала, что медиа, и не только украинские, не готовы к работе в ее условиях (перевод наш. – Е.К.)» [Дворянин 2024].

Журналисты признавались, что изменились условия их работы, изменилась и редакционная политика изданий. В

первую очередь, остро встали вопросы о правдивом освещении событий и соблюдения журналистских стандартов при подаче новостей. Справедливости ради стоит отметить, что многие журналисты и ученые говорили о невозможности работать во время военных действий, исходя из признанных стандартов работы журналиста в мирных условиях. «Когда берутся за основу для работы журналистов стандарты страны без войны, то это совсем не те стандарты, которые действуют в стране, где есть война. Также отличаются стандарты, если страна воюет на чужой территории и если война идет на собственной территории (перевод наш. – Е.К.)» [Ищенко 2017].

Впрочем, сложно поспорить со словами американской журналистки Мэри Мицо (на которую как на авторитет ссылаются украинские исследователи), сказавшей, что почти все стандарты защиты свободы слова были выработаны после Второй мировой войны, когда уже не было угрозы национальной безопасности. Логично, что ее мысль продолжает украинский автор вопросом, насколько эти стандарты в самом деле применимы для страны, которая в состоянии войны [Ищенко 2017].

Львовский профессор Борис Потятиник в эфире телепроекта «Школа журналистики» (от 6 января 2022 г.), анализируя опыт мировой журналистики во время разных войн XIX-XXI столетий, указывает на изменения в украинской журналистике (она выходит за определенную матрицу), война способствует тому, что мировая журналистика тоже вынуждена будет это сделать, если еще не сделала это до сих пор за два года войны [Школа 2022]. В ретроспективе Б. Потятиник обратил внимание, что Первая мировая война связана с возвышением пропаганды, Вторая мировая – развивала пропаганду, привлекая к этому процессу кинематограф и радио, обе иракские войны (1991 и 2003 г.) ознаменовались круглосуточной подачей

информации о войне. Изобретением CNN называют войну в прямом эфире. Российско-украинская война как война в соцсетях спровоцировала превосходство авторской журналистики, открытость и скорость распространения информации авторской журналистики, открытость и скорость распространения информации [Школа 2022].

Когда в одном лице журналист (с отстраненным, объективным, сбалансированным взглядом на событие и его участников) и гражданин Украины (с эмоциональной ангажированной, ответственной и принципиальной реакцией на эти же события и на тех же участников), то не может быть однозначной трактовки. Поэтому стандарты, которые в мирное время являются важной основой и необходимым инструментом для работы журналистов, во время военного противостояния требуют коррекции или хотя бы нового толкования [Дворянин 2024].

Стандарты журналистской деятельности очень рациональны, их нельзя отбросить, потому что они базируются на общечеловеческих ценностях, – считает медиаэксперт Отар Довженко. «Если мы считаем, что в журналистике стандарты есть, и трактуем их как совокупность устойчивых подходов или правил обращения с журналистским материалом, которые позволяют донести до аудитории правдивую, не искаженную и полную информацию, которая не манипулирует и не дезинформирует и не будет играть на руку третьей стороне. Во время войны эти стандарты работают так же, только их надо соблюдать тщательнее, и они совершенно не противоречат потребностям медиа, государства, общества. Конечно, есть определенные красные линии, которые начертываются на поле нашей работы, потому что в стране война» [Куншт 2023]

Член правления Национальной общественной телерадиокомпании Украины Роман Винтонов в своих

высказываниях более категоричен: «на войне, где убивают людей, стандарты журналистики не работают. Стандарты журналистики – для мирного времени» [Ищенко 2017].

В поисках компромисса аналитик Львовского медиафорума Зоя Красовская предлагает отличать стандарты, касающиеся контента, и стандарты, касающиеся производства. И приоритетом во время войны определяет работу с источниками. Если раньше надо было проверять информацию из двух-трех источников, сейчас и этого может быть мало.

Если по просьбе или по требованию военных в некоторых случаях журналист может пожертвовать оперативностью и точностью, то единственный стандарт, которым нельзя пренебречь, – это достоверность, ни при каких обстоятельствах нельзя сообщать информацию из непроверенных источников [КЖЕ 2023].

Из имеющихся шести стандартов качественной журналистики – достоверность, точность, полнота, баланс мнений, оперативность и не подмененные комментариями факты, наибольшую дискуссию в украинской журналистике еще с 2014 года вызвал стандарт «баланса мнений» или «другой точки зрения». Во время боевых действий соблюсти этот стандарт практически невозможно.

Американский историк Тимоти Снайдер, на которого охотно ссылаются украинские исследователи, рассматривал альтернативную точку зрения как некорректную, в особенности если она российская: «ссылаться на российские заявления наряду с украинскими несправедливо в отношении украинцев; в этой войне то, что говорили российские спикеры, почти всегда было неправдой, тогда как то, что говорили украинские спикеры, по большей части было достоверным» [Дворянин 2024].

Действительно, в развитии украинской журналистике по «демократическому» пути, сопоставление точек зрения

обеих сторон предполагало их равенство, теперь в условиях военных действий стало очевидным, что это невозможно. Например, в украинском медийном пространстве, демонизирующем Россию, ее президента и все, что связано с его деятельностью, пресс-секретарь Дмитрий Песков показан человеком, которого даже опасно цитировать, потому что он «фальсифицировал каждый аспект этой войны с самого ее начала» [Дворянин 2024].

Украинские исследователи приходят к выводу, что мировые медиа и медиааналитики до сих пор не пересмотрели влияния современных войн на правила и стандарты, а это ограничивает деятельность украинских журналистов.

Оперативность. Оперативность по принципу «кто первый добежал до интернета, тот и победитель» должна быть в мирной жизни, – так говорит об этом стандарте радиоведущий и член Независимого медийного совета Дмитрий Тузов. И приводит пример вредной погони за оперативностью. «Когда были освобождены города на Киевщине, блогеры сразу сообщали, что наши их освободили. Хотя военные просили: дайте хоть закрепиться на позициях, обезопасить людей от шквальной атаки, потому что враг реагирует новыми атаками на сообщение, что украинская армия выбила его и освободила населенный пункт» [Денисов 2022]. Украинские исследователи предложили оперативность заменить на своевременность.

Проверка информации – фактчекинг. В условиях войны, предлагается в украинских медиаисследованиях, нужно учитывать опыт организаций-фактчекеров. Совет не спешить – довольно щекотливый для журналистской сферы, но, тем не менее, предлагается такой совет от заместителя главного редактора StopFake Виктории Романюк: «должны все воспитывать в себе сдержанность, трафики и показатели посещаемости должны отходить на второй план», «есть

момент, когда надо подумать, переждать, проверить. Война нас поставила в такие реалии, когда мы здесь и сейчас приобретаем новый опыт (перевод наш. – Е.К.)» [Денисов 2022].

С первых дней СВО (в украинском медийном пространстве – «полномасштабное вторжение») украинские журналисты искали новые формы для прежде устоявшихся стандартов журналистики: обнародовать информацию вовремя, чтобы соблюсти стандарт оперативности – таково правило журналистики войны, в мирное время этот стандарт предусматривал «обнародование информации в максимально близком выпуске новостей в самом качественном ее виде». Стандарт полноты освещения информации предусматривает комментарий независимого эксперта (это военные разных специальностей, медики, инженеры, техники) и опрос нескольких очевидцев.

«О балансе в новых правилах, которые в частности предлагает и Комиссия по журналистской этике, речь не идет, скорее о совете стараться быть беспристрастным и подавать две стороны конфликта. Чтобы отделить факты от комментариев, журналистам советуют отделять факты от личного мнения или впечатления (перевод и выделение наши. – Е.К.)» [Школа 2022].

Больше всего ограничений возникло со стандартом точности: общеизвестно, что огромное количество разведывательной информации противник берет из открытых источников, прежде всего СМИ, также в комментариях и постах. В журналистике войны, чтобы соблюсти стандарт точности, украинские медиаэксперты советуют проверять информацию несколько раз, не распространять слухов, внимательно относиться к именам, датам, названиям улиц и уточнять терминологию, потому как неправильное название таких деталей может привести к серьезным последствиям. При использовании контента из

сети следует проверять достоверность источника. Важно учитывать, разрешают ли военные сообщать точный адрес, указывать локацию и делать панорамные снимки.

Итак, украинские исследователи осознали, что в дальнейшем говорить о соблюдении принципов и стандартом мировой журналистики в украинской медиасфере невозможно. Поэтому в научных статьях появилась мысль о ненужности жить по стандартам журналистики мирного времени, и рекомендации скорректировать их для эффективного функционирования в условиях ведения боевых действий. В новых реалиях мировые стандарты журналистики о честности, объективности, сбалансированности и оперативности при подаче информации перестали работать.

Известный украинский журналист Виталий Портников указал, что «журналистика военных времен – это симбиоз усилий государства и общества. Главная задача государства – обеспечить доступ к информации и *военную цензуру* (перевод и выделение наши. – Е.К.)» [EspressoTV 2022].

3 марта 2022 года был обнародован приказ № 73 Главнокомандующего Вооруженных сил Украины Валерия Залужного «Об организации взаимодействия между Вооруженными силами Украины, другими составляющими сил обороны и представителями средств массовой информации на время действия правового режима военного положения», который регламентировал работу журналистов во время военного положения. Этот приказ регламентирует журналистам, что можно делать, а чего – нет, как работать с военными, а военным – с журналистами, есть перечень того, что категорически нельзя фотографировать, снимать и говорить. Например, запрещено разглашать: численность личного состава воинских частей и подразделений; количество вооружения и боевой техники, материально-технических средств, их состояние и места хранения; о

перемещении и развертывании войск (наименование, количество, места, районы, маршруты движения) и т.п. [Школа 2022].

Украинские медиаисследователи полагают, что военная цензура не может сосуществовать с некоторыми этическими и профессиональными стандартами журналистики. Цензура подразумевает фильтрацию информационного поля Украины. Информация, которая не требует проверки, – это официальные данные Генштаба, Минобороны и других правительственных учреждений. Во всех остальных случаях нужно выяснять, не навредит ли материал определенным группам лиц, не повлечет ли негативных последствий. «Если раньше это бы назвали предвзятостью, то сейчас это необходимость» [Школа 2022].

Есть журналисты, которые во время кризисных ситуаций полагают, что их миссию нельзя ограничивать правилами, но последствия могут быть трагическими. Поэтому медиаисследователи напоминают о самоцензуре в работе журналиста. Это интересный момент в поисках украинских ученых найти «правильный» путь развития журналистики. Как мы уже отмечали, за почти тридцать лет декларирования следования европейским путем развития журналистики и работники медиасферы, и общественность были озадачены резким ужесточением правил в журналистике, связанным прежде всего с ограничением как доступа информации, так и ее подачи. Возник вопрос о принципиальном отличии российской журналистики, переполненной «кремлевской пропагандой», и украинской журналистики, сохраняющей «европейское цивилизованное обличие» даже в военное время. Редактор издания «Зеркало недели» Юлия Мостовая отметила, что самоцензура для журналиста – это важно, и «наличие ответственной свободной журналистики с этическим кодексом и является

лакмусом отличия Украины от России (перевод наш. – Е.К.» [Мостова 2023]. Журналистка выразила свое мнение, что главное этическое правило, которое выкристаллизовалось в этих условиях, – не навредить «единству, человеку, государству, происходящим процессам» [Мостова 2023]. Редактор должен каждый раз решать – промолчать или действовать. Он должен осознавать более широкую картину, чем та, которую дает официальная власть. Недостаточно прочитать сводки Генштаба, надо анализировать разведданные, которые являются публичными, «читать, что пишут российские военкомы» и выбрать правильную коннотацию для того текста, который пишется [Мостова 2023]

Нашлись и европейские обоснования «новым» правилам журналистики – мысли Клауса Майера, немецкого профессора: «Критерии качества журнализма не являются абсолютными и статичными, а подлежат историческим изменениям, могут гибко использоваться, обсуждаться с разной перспективы и поэтому рискуют быть субъективными и произвольными: каждый определяет свое собственное качество» [Маер 2022: 248].

Немецкий профессор Клаус Майер предложил термин «управление качеством», поскольку журналистское качество зависит не только от экономических и политических факторов, но и от многих других, и его непросто определить. «Тот, кто хочет, например, быстро информировать, обычно не может делать это глубоко и вряд ли может выделить время на поиск. Информативность и сложность материала может быть в ущерб его понятности» [Маер 2022: 248].

Термин «управление качеством» означает внутреннее редакционное обеспечение качества. Отправной точкой является определение качества как процесса: редакция формирует свои собственные цели и критерии качества

(например, в руководстве, кодексе или в руководствах по стилю) и приближается к этим целям в непрерывном процессе, проверяет их и оценивает, были ли они достигнуты или где есть недостатки [Маер 2022].

И этого не так просто достичь, особенно когда происходит потеря мгновенного редакционного контроля, – пишет шеф-редактор портала «Детектор медиа» Наталья Лигачева. Такой огромный объем информации невозможно охватить и редактором проконтролировать качество всех новостей. Контроль за информационными потоками, даже за теми, которые генерирует сама редакция, расплывается. Этот вызов Наталья Лигачева называет технологичным и подрывающим доверие к качественным медиа [КЖЕ Наталія Лигачова 2023]. Возникает проблема: современный журналист или редактор сталкивается с такими вызовами – фактором войны, который предусматривает немало ограничений; с многообразием платформ, и не всегда достаточным пониманием особенностей их функционирования; с инфотаймингом и с экспертностью, когда большое количество просмотров и предпочтений – не обязательно свидетельствует о профессиональности, а скорее о популярности. Правила соцсетей вытесняют правила профессиональной журналистики: с одной стороны, усиливаются государственные медиа, а с другой – многие блогеры становятся медиа и вокруг одной личности можно создать телевизионный канал.

Итак, медиакритики констатируют факт – устоявшиеся стандарты журналистики переживают кризис. Украинские журналисты не могут беспристрастно создавать контент в условиях ведения боевых действий. Хотя, по мнению журналиста NV.ua Ивана Верстюка, стандарты должны были бы удерживать журналистику от лишних эмоций при освещении событий. «Конечно, война является делом эмоциональным, мы хотим радоваться победам

нашей армии, и мы хотим радоваться поражениям врага. И вот тут возникает противоречие между нашим гражданским желанием радоваться победам и нашим журналистским долгом быть более или менее безэмоциональными, правдивыми и объективными. Мы позволяем себе эмоции в соцсетях, и это абсолютно нормально, потому что там действуют другие правила» [Денисов 2022].

Медиаюрист Института массовой информации Роман Головенко соглашается, что эмоциональность – это нарушение стандарта отделения фактов от комментариев. Но, «если мы отбросим этот стандарт, окончательно исчезнет граница между СМИ и соцсетями. И для чего тогда аудитории ходить на новостные сайты, смотреть телевидение или читать прессу? Тогда СМИ просто вымирают...» [Денисов 2022].

Таким образом, буквальное следование журналистским стандартам в условиях войны стало невозможным, и украинский, и российский журналисты как люди испытывают эмоции и эмпатию, поэтому журналисты и медиаэксперты смиряются с тем, что гражданское и человеческое должно преобладать даже для медиапрофессионалов.

Впрочем, и в осознании этого не обходится без того, чтобы не упомянуть России и ее знаменитую «кремлевскую пропаганду»: украинский журналист Евгений Малолетка говорит, что вряд ли фото может остановить войну, «но визуальный контент может влиять на эмоции людей и не только в Украине, но и за ее пределами. Может изменить отношение к событиям и дать их понимание, противодействовать российской пропаганде [Малолетка 2023].

«В то же время военное положение не должно влиять на актуальность, беспристрастность, редакционную независимость в выборе тем и героев материалов,

этичность. Это подчеркивается комиссией по журналистской этике [Куликов 2023].

Для украинской журналистики долгое время декларируемыми ориентирами были свобода и независимость, защита от политического давления, акцент на точность и качество материала – именно такие преимущества в саморегулировании СМИ определили в ОБСЕ еще в 2008 году. Не смотря на очевидный кризис с реализацией этих постулатов в украинской журналистике, часть украинских теоретиков продолжают настаивать на продолжении равнения на этот «идеал», а часть признали эволюцию стандартов. Ориентирующиеся на опыт западных стран исходят из того, что государство не должно цензурировать информацию, поэтому для журналистов предлагается саморегулирование, предусматривающее «требования этических кодексов, деятельность Совета по вопросам прессы, омбудсменов, профессиональных ассоциаций и реакции аудитории» [КЖЕ]. В практике Запада этика не может быть регулироваться государством или судьями, это область саморегулирования (согласно мнению медиаэксперта Лайфа Ленсмана, это саморегулирование – пятая власть [КЖЕ 2021]).

Украинские исследователи, которые говорят об изменениях журналистских стандартов, исходят из того, что в опыте «демократических» стран другие реалии. Например, в британской медиасфере журналисты ориентируются прежде всего на интересы аудитории, и задача британского телерепортера – предоставить зрителям логически связанную и полезную информацию, отвечающую следующим требованиям: информация должна быть необходима для того, чтобы реципиент ощущал себя информированным согласно его пожеланиям. Поэтому точность ценится больше, чем оперативность; справедливость ценится больше, чем сенсационность;

сбалансированность отражения событий ценится больше, чем умение подать материал [Яковец 2009].

Но украинские журналисты не могут работать по таким же образцам, поскольку Украина – непосредственный участник военных действий. Поэтому в таких условиях формируются свои инструкции, как лучше освещать военные события. Исполнительный продюсер Общественного радио Анна Море указала, что этих правил очень много, как писанных, так и неписанных, большинство которых исходит «из здравого смысла и человеческого сочувствия», ведь в отличие от западных коллег, которые приезжают на две недели, украинские журналисты проживают военные события [Голуб 2022]. Украинские исследователи приходят к выводу, что стандарты эволюционируют. И эти изменения следует учитывать, беря во внимание исторический и национальный контексты [Голуб 2022].

Подводя итоги развития украинской журналистики в период ведения боевых действий с Россией (2022 – по настоящее время), можно указать на то, что украинская журналистика «перешла на военные рельсы» – ужесточился контроль за подаваемой информацией, усилилась пропаганда, что привело к осязаемому кризису декларируемых стандартов журналистики, которыми жили более тридцати лет украинские теоретики и практики медиасферы – оперативность и честность в подаче информации, баланс существующих мнений.

Произошло осязаемое усиление государственного регулирования деятельности украинских СМИ, что поставило под сомнение наличие свободы слова. Впрочем, стоит отметить, что большинство украинских и зарубежных медиакритиков сошлись во мнении, что этот процесс является объективно необходимым в условиях военного положения в воюющей стране. Но поскольку

государственный контроль над СМИ по-прежнему недопустим в демократической журналистике, то журналистам предлагалось саморегулирование для их деятельности.

В день начала СВО украинские медиаканалы объединились для проведения телемарафона «Единые новости», чтобы продемонстрировать сплоченность Украины против «врага» и транслировать правду о военных событиях. Но вскоре стало понятно, что медийная реальность разительно отличается от настоящей, что признали даже украинские медиаэксперты.

Многokrратно усилилась антироссийская риторика в медийном контенте Украины. При всесторонней военной и информационной поддержке Запада предпринялась попытка объявить действия России вызовом для всего «цивилизованного мира». Язык ненависти к русскому стал не только обыденностью в украинской журналистике, но даже был поддержан теоретиками и практиками медиа, оправдан новыми условиями функционирования журналистики в условиях военного времени.

Стоит обратить внимание, что украинская медиакритика весьма охотно критикует намечающиеся или уже проявляющиеся негативные явления в медийной сфере Украины, что не мешает им никоим образом продолжать поддерживать «европейский цивилизационный» выбор Украины, ее правоту в геополитической сфере и ненависть ко всему русскому – государству, президенту, культуре, феномену Русского мира.

На наш взгляд, русофобия в украинском медийном пространстве до 2022 года не являлась отображением мировоззрения большинства граждан Украины. Русофобия неустанно навязывалась медиапространству этой страны многие годы. Одновременно с этим процессом происходила утрата Украиной информационного суверенитета и

превращение ее в территорию, враждебную России и как государству, и как цивилизационному феномену.

Информационный захват Украины произошел в несколько этапов, из которых мы рассмотрели только те, что вошли во временные рамки конца XX – начала XXI века. В 1991 году Украина объявила о своем демократическом пути развития и цивилизационном выборе европейских стандартов жизни. Но в реальности отказ от цензуры, разгосударствление СМИ, создание общественных медиа оказалось поэтапным устранением контроля государства над собственной информационной политикой, всем медийным полем Украины, которым овладели украинские и зарубежные олигархи. Коммерческие и олигархические СМИ не выражали интересы Украины как государства. Разнообразные общественные организации, помогающие Украине следовать демократическим путем, финансировались Западом. Такие известные медиакритические проекты, как «Детектор Медиа» и «Медиакритика», сумели создать русофобский мейнстрим в медийной сфере – сделали модным и правильным, по-своему убедительным и трендовым о России писать только негативную информацию и обосновывать ненависть ко всему русскому. Любые попытки предложить хотя бы прагматичные отношения с соседним государством подвергались осмеянию или хейтингу.

Так за три десятилетия произошла полная информационная оккупация Украины. Медиафера Украины после 2022 года показывает ужасающие последствия антироссийской информационной деятельности Запада. Стоит признать, что общественная поддержка войны с Россией в украинском обществе достаточно сильна, а без нее масштабы военных действий не были бы такими мощными. Опыт утраты Украиной собственного информационного суверенитета необходимо

внимательно изучать, поскольку Россия является желанной мишенью в информационном и цивилизационном противостоянии с Западом. На примере Украины мы могли увидеть результат планомерной долгоиграющей деятельности транснациональных корпораций США и Великобритании, результатом которой стало уничтожение Украины как государства, происходящее сейчас на наших глазах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении истории Россия достаточно часто оказывалась перед выбором своего дальнейшего пути развития как самодостаточной суверенной цивилизации. Исторические события и обстоятельства складывались таким образом, что наше государство становилось форпостом духовного возрождения человечества, так как сила нашего народа сосредотачивалась прежде всего в сфере культуры. Ни одна страна в мире не имела подобного опыта сосуществования множества народностей, этносов, национальностей, объединенных не только пространством, но и уникальным культурным кодом.

В монографии мы сделали попытку очертить истоки становления русской цивилизации, её особого предназначения. Каждая глава посвящена отдельным информационным и культурным аспектам формирования России как суверенной цивилизации. В первой главе был сделан акцент на рассмотрение духовных истоков понимания России как преемницы православной традиции, служившей в сложные смутные времена ключевым фундаментом для культурного преобразования страны. Была продемонстрирована многогранность концепций «Москва – третий Рим», панславизма и евразийства в контексте противостояния с западными ценностями. В качестве критериев противопоставления выделена цивилизационная идентичность, дихотомия «цивилизация – культура» и религия. Особое внимание уделено вопросу роли России в глобальном мире с учётом активного процесса медиатизации, технологизации и цифровизации общества. Очерчены возможности Русской Православной Церкви как инструмента мягкой силы при защите ценностей и традиций русской цивилизации.

Во второй главе раскрыта роль государства в формировании социокультурной среды, описаны ключевые символы и мифологемы российского общества. Отдельный акцент сделан на потенциале массовой культуры в процессе формирования нового типа культуры, а также просьюмерстве как новой практике медиапотребления.

При анализе культурных индустрий в России были выделены ключевые тенденции их развития, среди которых: активная цифровизация культурного пространства, коммерциализация культуры, индивидуализация медиапотребления, конвергенция медиа и т.п.

Специфическими чертами современного медиaprостранства выступает брендовый бум на фоне трансформации массмедиа, что становится основой для формирования суверенной идентичности и медиасистемы.

Третья и четвертая главы посвящены информационному противостоянию России с Украиной, активно поддерживаемому США и Великобританией, т.е. странами, которые являются ключевыми в западной цивилизации. Украина в исторической ретроспективе принадлежала к российской цивилизации, и многие украинцы ощущали свою принадлежность к Русскому миру. Но под влиянием планомерного, долгоиграющего, продуманного, многоаспектного информационного воздействия Украина утратила свой суверенитет, ее медиасфера стала агрессивной по отношению к России. Украинская журналистика за три десятилетия прошла путь от провозглашения свободы слова до жесткой цензуры и пропаганды в худших их проявлениях. Исследование этапов этого пути, причин появления и последующего усиления русофобии в медийном контенте, роль медиакритики в этом процессе показали важность изучения такого аспекта информационной войны Запада против России и необходимость дальнейшего исследования специфики

спланированных информационных операций против России как уникального государства-цивилизации.

Проведенное нами исследование в рамках цивилизационного подхода показало множественность направлений в рассмотрении России как суверенной цивилизации в культурном и в информационном плане. В условиях информационного противоборства данные вопросы позволяют сфокусировать внимание на возможных путях защиты информационного суверенитета, так как стремление к суверенитету, основанное на самобытности и выборе самостоятельной траектории развития, является определяющим фактором российской идентичности. Однако дальнейшее развитие России как суверенной цивилизации потребует адаптации к меняющимся глобальным реалиям и эффективного использования своего уникального потенциала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Адорно 1997 Адорно, Т. Диалектика просвещения / Т. Адорно, М. Хоркхаймер. – М., СПб : Медиум, Ювента, 1997. – 311 с.
- Акт о каноническом общении (принят 17 мая 2007 г.) [Электронный ресурс]: утв. 17 мая 2007. – Текст: электрон. // Русская Православная Церковь. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/155920.htm>
- Алейник 2006 Алейник, Р. М. Образ человека во французской постмодернистской литературе [Электронный ресурс] / Р. М. Алейник // Спектр антропологических учений. – М. : ИФ РАН, 2006. – С. 199 – 214.
- Алексеева, Аршинов 2016 Алексеева, И. Ю. Информационное общество и НБИКС-революция / И. Ю. Алексеева, В. И. Аршинов. – М. : ИФ РАН, 2016. – 196 с.
- Аньес 2013 Аньес, І. Підручник із журналістики / Ів Аньес. – К. : ВД Києво-Могилянська Академія, 2013. – 544 с.
- Афанасьева 2019 Афанасьева, О. Н. Культурные императивы в век глобализации: инклюзия в перспективе культурной политики БРИКС / О. Н. Афанасьева, Н. Е. Судакова

// Век глобализации. – 2019. – № 4. – С. 26–39.

- Бажов 2016 Бажов, С. И. К вопросу об интерпретации Византийского духовного и идейного наследия в творчестве А. С. Панарина / С. И. Бажов // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А. С. Панарина / отв. ред.: В. Н. Расторгуева. – М.: Институт Наследия, 2016. – С. 156–161.
- Барт 2008 Барт, Р. Мифологии / Р. Барт; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академических Проект, 2008. – 351 с.
- Безбородов 2021 Безбородов, М. И. Внешняя деятельность Русской Православной Церкви как «мягкая сила» России / М. И. Безбородов // Вестник Поволжского института управления. – 2021. – Т. 21. – №4. – С. 4–11.
- Бек 2000 Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 381 с.
- Белецкая 2016 Белецька, А. В. Індивідуальні та масові емоції у соціальних комунікаціях // Наукові записки Інституту журналістики.

– Т.4 (65). – 2016 – С. 22–33.

- Белл 2004 Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. / Д. Белл. – М. : Academia, 2004. – 788 с.
- Белл 2007 Белл, Д. Эпоха разобщенности: Размышление о мире XXI века / Д. Белл, В. Л. Иноземцев. – М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2007. – 304 с.
- Богомолов 2015 Богомолов, О. Т. Перед вызовом кардинальных перемен / О. вТ. Богомолов // Журнал экономической теории. – 2015. – №1. – С. 7–14.
- Бодрийяр 1999 Бодрийяр, Ж. Реквием по масс-медиа / Ж. Бодрийяр // Поэтика и политика: альманах Российско-французского центра социологии и философии ИС РАН. – М. : Институт экспериментальной социологии. СПб. : Алетея, 1999. – Режим доступа: [http://alexkrm.spb.ru/papers/Journalizm/szip/theory_jour/reader/Baudrillard\(1972\)](http://alexkrm.spb.ru/papers/Journalizm/szip/theory_jour/reader/Baudrillard(1972)) (дата обращения: 13.04.2024).
- Болдин 2019 Болдин, В. А. Эволюция панславистских взглядов В. И. Ламанского в начале XX в. / В. А. Болдин, Б. А. Прокудин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – №3 (60). – С. 158–167.

- Буденкова
2019 Буденкова, В. Е. Просьюмеризм: новый тренд в культуре / В. Е. Буденкова // Вестник Томского государственного университета. – Серия. Культурология и искусствоведение. 2019. – №3. – С. 284–286.
- Волковецкий
2020 Волковецкий, С., Петрів, Я. Духовний Закон нації» / С. Волковецкий, Я. Петрів // Слово Просвіти. – 2020. – С.17.
- Вдовыченко
2014 Вдовыченко, В. Е. Проблема самоидентификации наций: особенности украинского менталитета / В. Е. Вдовыченко // Образ человека будущего: философия, психология, педагогика. – 2014. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-samoidentifikatsii-natsiy-osobennosti-ukrainskogo-mentaliteta?ysclid=m0h6untbyh259243525>, свободный (дата обращения 12.05.2024)
- Величко
Чернишев
2009 Величко, В. М. Розпізнавальні особливості змісту ідеологічних поглядів / В. Н. Величко, В. А. Чернишев // Pedagogics, psychology, medical-biological problems of physical training and sports. 2009. – №10. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otlichitelnye-osobennosti-soderzhaniya-ideologicheskikh>-свободный (дата обращения 12.06.2024).
- Винничук
Винничук, Ю. Національна ідея

- 2017 спрацювала саме тепер» / Ю. Винниченко // Національна ідея модерної України. Мистецько-культурологічний проект, автор і куратор проекту Антін Мухарський. – К.: Український культурний фронт. – С. 66-74.
- Владимиров 2024 Владимиров, В. М. 40 базових ідей створюваної теорії масової інформації / В. Владимиров // Наукові записки Інституту журналістики. – Т. 1. – 2024. – С. 12-16.
- Воронова Трушин 2019 Воронова О. Е. Глобальная информационная война против России / О. Е. Воронова, А. С. Трушин. – М. : Яуза-каталог, 2019. – 320 с.
- Гай-Нижник Чупрій 2014 Гай-Нижник, П. Національні інтереси, національні цінності та національні цілі як структуроформуючі чинники політики національної безпеки // П. Гай-Нижник, Л. Чупрій // Гілея. – 2014. – Вип. 84 (№5). – С. 465–471.
- Горелов 2016 Горелов, А. А. «Закат Европы» О. Шпенглера и возможность заката мира / А. А. Горелов, Т. А. Горелова // Философия и современность. – 2016. – №1. – С. 29–43.
- Голуб 2022 Голуб, М. Журналісти на війні: нові виклики [онлайн]. medialab.online. Режим доступу: <https://medialab.online/news/vijna->

novi-vyukyky/ (дата обращения 05.01.2024)

- Гоян 2018 Гоян В., Гоян О. Реформування українського телерадіомовлення: тенденції 2017–2018 років та динаміка / В. Гоян, О. Гоян // Держава та регіони. Серія: Соціальні комунікації. – 2018. – № 2. – С. 31 – 39.
- Гумилев 2001 Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – СПб : Кристалл, 2001. – 639 с.
- Даренский 2020 Даренский, В. Ю. Онтология диалогического сознания [Электронный ресурс] / В. Ю. Даренский // Философско-культурологические исследования. – 2020. – №7. – Режим доступа: <http://fki.lgaki.info/2020/05/18> свободній (дата обращения 10.02. 2024)
- Дворянин 2024 Дворянин, П. Розуміння стандарту: пошуки нових правил у журналістиці війни / П. Дворянин // Вісник Львівського університету. Серія Журналістика. – 2024. – Випуск 54-55. – С. 43-57.
- Денисов 2022 Денисов, С. Чи варто дбати про баланс думок, коли тебе намагаються вбити? Головне з експертного обговорення «Як війна впливає на журналістські стандарти» [онлайн]. detector.media. – Режим доступа: <https://detector.media/infospace/article/199440/2022-05-22-chy-var-to-dbaty-pro->

- balansdumok-koly-tebe-namagayutsya-vbyty-golovne-z-ekspertnogo-obgovorenniya-yak-viyna-vplyvaiena-zhurnalistski-standarty/
(дата обращения 06.06.2024)
- Довженко 2008 Довженко, О. Що нам робити з «ворогами преси» / О. Довженко // Телекритика. – 2008. – №5. – С. 53 – 55.
- Доктрина 2016 Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. №646. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71556224> свободный (дата обращения: 20.06.2024).
- Дроздов 2011 Дроздов, О. Свобода слова: міф, у який важко не повірити / Остап Дроздов. – Текст : електронний // МедіаКритика : [сайт]. – Режим доступа: <https://www.mediakrytyka.info/za-scho-krytykuyut-media/svoboda-slova-mifu-yakuuvazhko-ne-poviryty.html> (дата обращения 13.11.2023)
- Дроздова 2021 Дроздова, А. В. Трансформация социокультурных практик в цифровой среде / А. В. Дроздова // Цифровая реальность: субъекты, практики: монография / Л. А. Мясникова, Е. В. Щегель, А. В. Дроздова [и др.]; под общей редакцией д-ра культурологии, доц. А. В. Дроздовой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2021. – 315 с.

- Дружич 2016 Джурич, Ж. Значимость византийской цивилизации для государственной политики в России и Сербии / Ж. Джурич, М. Пейкович // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А. С. Панарина / Отв. Ред.: В. Н. Расторгуева. – М. : Институт Наследия, 2016. – С. 145–155.
- Дугин 2000 Дугин, А. Г. Основы геополитики / А. Г. Дугин. – М. : АРКТОГЕЯ-центр, 2000 // RoyalLib.com: [электронная библиотека]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/dugin_aleksandr/osnovi_geopolitiki.html свободный (дата обращения: 21.06.2024).
- Дугужева 2019 Дугужева, М. Х. Трансформация законодательства о культуре в условиях цифровизации / М. Х. Дугужева, Е. П. Симаева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – Вып. 44. – С. 190–208. – DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-190-208.
- Ерохин 2024 Єрохін, Б. За великі гроші і без результату: чи потрібен Україні телемарафон?. – Режим доступа: <http://mediakrytyka.lnu.edu.ua/ohlyady-analityka/za-velyki-hroshi-i-bez-rezultatu->

chy-potriben-ukrayini-telemarafon.html
(дата обращения 10.05.24)

- Ерохин
ИПСО
2024
- Ерохін, Б. У гонитві за трендом: як українські медіа ковтають російське ІПСО з телеграму. – Режим доступа: <http://mediakrytyka.lnu.edu.ua/ohlyady-analityka/u-honytvi-za-trendom-yak-ukrayinski-media-kovtayut-rosiyske-ipso-z-telehamu.html> (дата обращения 10.04.2024)
- Жигун
2018
- Жигун, С. В. Викладання журналістики в Україні на сучасному етапі: проблеми теорії та практики / С. В. Жигун // Teaching Journalism in Ukraine at the Present Period: the Problems of Theory and Practice. – 2018. – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/237195625.pdf> (дата обращения 17.06.2024)
- Журналистск
ие стандарты
2023
- Можно ли соблюдать все журналистские стандарты во время войны? Комиссия по журналистской этике (КЖЕ) [онлайн], (2023), YouTube. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=5NY04oOskv4> (дата обращения 06.07.2024).
- За экраном
- «За экраном нет ничего»: симулякры Жана Бодрийяра [Электронный ресурс] // Моноклер. – Режим доступа: <https://monocler.ru/bodriyjar/> (дата обращения: 19.06.2024).
- Золоторев
- Золотарев, В. Итоги «дела Гонгадзе» /

- 2008 В. Золотарев // Телекритика. – 2008. – №4. – С. 12–14.
- Зорин 2023 Зорин, К. А. Локальные медиа как фракталы социальных и медиасистем / Е. А. Зорин // Вопросы теории и практики журналистики. – 2023. – № 12. – С. 490–506. – DOI: 10.17150/2308-6203
- Зубченко 2013 Зубченко, Я. Конвульсії Великої Вітчизняної війни. – Режим доступа: <https://detector.media/kritika/article/177098/2020-05-13-konvulsii-velykoi-vitchyznyanoi-viynu/> (дата обращения: 10.06.2023)
- Зуев 2005 Зуев, С. Э. В начале был текст / С. Э. Зуев // Отечественные записки. – 2005. – №4. – Режим доступа: <https://strana-oz.ru/2005/4/v-nachale-byl-tekst> (дата обращения: 19.06.2024).
- Зуев 2020 Зуев, С. Э. Культурные индустрии в условиях глобализации / С. Э. Зуев, А. А. Васецкий // Управленческое консультирование. – 2020. – №1. – С. 76–89.
- Иванов 2010 Иванов, В. Основні теорії масової комунікації і журналістики : навч. посіб./ Під загальн. ред. проф. В. В. Різуна. – К. : Центр вільної преси, Академія української преси, 2010. – 257 с.
- Иноземцев Иноземцев, В. Л. Постиндустриальный

- 2004 мир Даниела Белла / В. Л. Иноземцев // Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. – М.: Academia, 2004. – 783 [3].
- Информацио
нная
политика
2007 Інформаційна політика України: європейський контекст / Под ред.. С. В. Головка. – К.: Либідь, 2007. – 359 с.
- Исаева 2019 Исаева, О. С. Творческое наследие Л.Н. Гумилева и классическое евразийство / О. С. Исаева // Манускрипт. – 2019. – Т. 12. – Вып. 12. – С. 169–173.
- Ищенко 2019 Ищенко, Н. С. Южный фронт: Россия – Украина – Донбасс : монография / Н. С. Ищенко; ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». – Луганск : Книта, 2021. – 296 с.
- Ищенко 2017 Ищенко, Н. Свобода слова під час війни [онлайн], «День». – Режим доступа: <https://day.kyiv.ua/article/media/svoboda-slova-pid-chas-viynu> (2017), (дата обращения 06.01.2024).
- Казаринова
2018 Казаринова, Д. Б. Панславизм для современной России: историческая утопия или геополитический вызов? Размышляя над книгой Б. А. Проскудина «Панславизм в истории политики и мысли России XIX века, 2018, 218 с. / Д. Б. Казаринова // Вестник РУДН. – Серия: Политология. –

2018. – Т.20. – №4. – С. 624–629.

- Карасев 2000 Карасев, В. И. Социальная трансформация как предмет философского анализа: автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора филос. наук: спец. 09.00.11 / Карасев Валентин Иванович. – М. : Моск. гос. соц. ун-т, 2000. – 48 с.
- Кастельс 2009 Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. – 2009. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/09.php свободный (дата обращения: 02.05.2024).
- Касаткин 2010 Касаткин, П. И. Русская православная церковь как актор современной мировой политики / П. И. Касаткин // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – С. 141–151. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-pravoslavnaya-tserkov-kak-aktor-sovremennoy-mirovoy-politiki> (дата обращения: 10.04.2024).
- Касюк 2018 Касюк, А. Я. Информационно-психологические операции: история и современность / А. Я. Касюк // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2018. – Вып. 1 (794). – С. 26-39. – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionn-o-psihologicheskie-operatsii-istoriya-i-sovremennost> свободный (дата обращения: 10.04.2024).

- Катасонов В. 2023 Катасонов, В. Откровения Збигнева Бжезинского, о которых Москва не должна забывать. – Режим доступа: <https://www.fondsk.ru/news/2023/04/25/otkroveniya-zbigneva-bzhezinskogo-o-kotorykh-moskva-ne-dolzha-zabyvat.html> (дата обращения 23.05.2024)
- Квит 2018 Квіт, С. Масові комунікації / С. Квіт. – К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2018. – 206 с.
- КЖЕ 2021 Комісія з журналістської етики (КЖЕ) (2021), Саморегулювання медіа: досвід Данії та України [онлайн]. YouTube. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=AmMWjuoNVTQ> (дата обращения 16.06.2024)
- Клименко Кучер 2022 Клименко, А., Нова мова російсько-української війни / А. Клименко, М. Кучер // Медіакритика. – 2022. – № 29. – С. 37 – 39.
- Кляйн 2000 Кляйн Н. No Logo. Люди против брэндов / Н. Кляйн. – М. : Добрая книга, 2000. – 833 с.
- Ковалев 2022 Ковалев, А. А. Вестернизация как угроза

- российскому национальному менталитету в контексте защиты национальной безопасности государства / А. А. Ковалев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 4. – С. 252–257. – Режим доступа: <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-252-257> (дата обращения: 10.04.2024).
- Кожемякин 2013 Кожемякин, Е. А. Советские мифологемы в современном российском медиадискурсе: от идеологической реконструкции до мифологической десакрализации / Е. А. Кожемякин, Е. С. Артамонова // Дискурс-Пи. – 2013. – №1–2 (11–12). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-mifologemy-v-sovremennom-rossiyskom-mediadiskurse-ot-ideologicheskoy-rekonstruktsii-do-mifologicheskoy-desakralizatsii> свободный (дата обращения: 29.03.2024).
- Колбер 2004 Колбер, Ф. Маркетинг культуры и искусства / Ф. Колбер. – СПб. : Арт Пресс, 2004. – 243 с.
- Колосова 2011 Колосова, А. А. Медиаглобализация: миф или реальность? / А. А. Колосова // Вестник РУДН. – Серия Литературоведение. Журналистика. – 2011. – №2. – С. 98–104.
- Коновалова Коновалова, Ж. Ф. Миф в советской

- 2001 истории и культуре: дис. ... д-ра философских наук: 24.00.01 / Коновалова Жанетта Федоровна. – СПб, 2001. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/mif-v-sovetskoi-istorii-i-kulture> (дата обращения: 11.03.2024).
- Короченский 2010 Короченский, А. П. Медиакритика как оценочное познание социального функционирования СМИ / А. П. Короченский // Научные ведомости БелГУ. – 2010. – №18. – Вып.7. – С. 204-208.
- Короченский 2002 Короченский, А. П. «Пятая власть»? феномен медиакритики в контексте информационного рынка / А. П. Короченский. – Ростов-на-Дону, 2002. – 272 с.
- Кость 2006 Кость, С. Західноукраїнська преса першої половини ХХ ст. у всеукраїнському контексті (засади діяльності, періодизація, структура, особливості функціонування) / С. Кость. – Львів, 2006. – 514 с.
- Кремь 2020 Кремь, Т. Відкрите звернення до Прем'єр-міністра України щодо недопущення скасування комплексного ЗНО з української мови та літератури для всіх здобувачів вищої освіти / Т. Кремь // Слово Просвіти. – 2020. – 24-30 верес. – С. 4.

- Крутских
2021 Крутских, В. В. Проблемы и факторы развития цифрового музыкального рынка в России / В. В. Крутских // Инновации и инвестиции. – 2021. – №5. – С. 226–228.
- Кузнецова
2021 Кузнецова, Є. Як я була глядачкою телеканалу «Дом» / Є. Кузнецова // Детектор Медіа. Режим доступа: <https://detector.media/kritika/article/188769/2021-06-03-yak-ya-bula-glyadachkoyu-telekanalu-dom/> (дата обращения 08.09.2023).
- Кузнецова
2009 Кузнецова, Е. И. К проблеме диалога в современной медиакulturе / Е. И. Кузнецова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – №6 (1). – С. 270–275.
- Кузнецова
2010 Кузнецова, Т. В. Аксіологічні моделі мас-медійної інформації : монографія /Т. В. Кузнецова. – Суми: Університетська книга, 2010. – 304 с.
- Куликов
2023 Куликов, А. Посібник з журналістської етики. Комісія з журналістської етики / Куликов А., Дворовий М., Кузьменко Л., Дуцик Д., Куш Л. – К. , 2023. – 129 с.
- Кутовенко
2012 Кутовенко, О. Журналістська етика в Україні: розбіжності між практикою та теорією. – Режим доступа: <https://ua.ejo-online.eu/725/etyka-ta-yakist/jurnalistська>

етика-в-україні-розбіж (дата обращения 18.06.2024)

- Куншт 2023 Куншт. Пост правди. Епізод 6. Що робити з журналістськими стандартами під час війни? [онлайн]. YouTube. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=YoBO8rq507k> (дата обращения 16.08.2024)
- Куянцева 2023 Куянцева, Е. А. Этапы информационной оккупации Украины как части постсоветского пространства / Е. А. Куянцева // Вестник Луганского государственного педагогического университета. – 2023. – № 4(107). – 2023. – С. 109 – 114.
- Лаврухина 2009 Лаврухина, И. М. Идея трансцендентного: концептуальные версии в культуре: автореф. дис. д-ра филос. наук: спец. 09.00.13 / Лаврухина Ирина Михайловна. – Ростов-на-Дону, 2009. – 42 с.
- Лазарева 2008 Лазарева, А. Під європейським кутом зору / А. Лазарева // Телекритика. – 2008. – № 6. – С. 12-13.
- Лигачева 2023 Шеф-редакторка «Детектор Медіа» Наталія Лигачова про якісні медіа. Комісія з журналістської етики (КЖЕ) (2023), [онлайн]. YouTube. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ErbZUfpEIRc> (дата обращения 08.07.2024)

- Лизанчук 2021 Лизанчук, В. В. Комуникативна синергія українських національних цінностей в контексті російської гібридної війни /В. Лизанчук // Вісник Львівського університету. Серія Журналістика. – 2021. – Випуск 49. – С. 224 – 247.
- Лосев 2001 Лосев І. Явище “бандерофобії” в російській свідомості // Кримська світлиця. – 2001. – 9 лист
- Логвиненко 2017 Логвиненко, Б. Друга найчисленніша біомаса: про «Дождь» і не тільки / Детектор Медіа. – Режим доступа: <https://detector.media/infospace/article/122228/2017-01-16-druga-naychyslennisha-biomasa-pro-dozhd-i-ne-tilky/> (дата обращения: 10.04.2024)
- Луман 1995 Луман, Н. Что такое коммуникация? [Электронный ресурс] / Н. Луман // Социологический журнал. – 1995. – № 3. Перевод с немецкого и примечания кандидата социологических наук Д. В. Озирченко. Перевод выполнен по изданию Luhmann N. Was ist Kommunikation / Information Philosophie Marz 1987. Pp. 4–16. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2954> (дата обращения: 02.05.2024).
- Маер 2022 Маер, К. Журналістика / Переклад з нім. В. Олійник та В. Климченко, Академія української преси, Центр вільної преси. –

- К. , 2022. –248 с.
- МакКю 2020 МакКю, М. Колос дезінформації / М. МакКю // Українська літературна газета. – 2020. – 28 августа.
- Малолетка 2023 Малолетка, Є. Євген Малолетка, фотограф associated press [онлайн]. Тут-і-тепер: Історії журналістів на війні. Режим доступа: <https://journalistsatwar.gongadzeprize.com.ua/en/eugene-malolietka> (Дата звернення 1 січня 2024)
- Марков Неволіна 2018 Марков, Е.А. Россия как главный объект современных информационных войн / Е. А. Марков, А. Е. Неволіна // *Historia Provinciae* – Журнал региональной истории. – 2018. – Т. 2. – №3. – С. 12 – 48.
- Масаев 2001 Масаев, М. В. Научная парадигма и интервальный метод: соотношение. Понятие парадигмального образа в философии истории / М. В. Масаев // *Культура народов Причерноморья*. – 2001. – №21. – Режим доступа: <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/89730/51-Masaev.pdf> (дата обращения: 13.04.2024).
- Мак-Люэн 2003 Мак-Люэн, М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / М. Мак-Люэн. – К. : Ника-Центр, Издательский дом Дмитрия Бураго, 2003. –

432 с.

- Маркузе 1994 Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. / Г. Маркузе. – М., 1994. – 368 с.
- Маслин 2012 Маслин, М. А. Евразийство как идейное течение: Истоки и границы / М. А. Маслин // Л. Н. Гумилев и современное евразийство. Сборник статей, посвященный 100-летию ученого / Под ред. А. Г. Коваленко, В. А. Цыпка. Сборник статей. – М. : Изд-во РУДН, 2012. – С. 7–20.
- Минко 2008 Минко, Е. Под окном Европы / Е. Минко, Н. Кирьянова // Телекритика. – 2008. – № 6. – С. 14 – 20.
- Митрофанова 2010 Митрофанова, А. В. Международные славянские движения и интересы России / А. В. Митрофанова // Вестник РГГУ. – Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2010. – С. 226–233. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-slavyanskije-dvizheniya-i-interesy-rossii-1> (дата обращения: 15.04.2024).
- Михайлин 2003 Михайлин, І. Історія української журналістики ХІХ століття: підручник. – К. : Центр навчальної літератури, 2003. – 720 с.

- Михайлин 2011 Михайлин, І. Л. Основи журналістики : підручник / І. Л. Михайлин. – К. : Центр учбової літ., 2011. – 496 с.
- Мостова 2023 Головна редакторка «Дзеркала тижня» Юлія Мостова про Комісія з журналістської етики (КЖЕ) (2023). – URL: <https://ya.ru/video/preview/4935709449082838821> (дата обращения 09.08.2024)
- Моль 2008 Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль: Пер. с фр. / предисл. Б.В. Бирюкова. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.
- Мороз 2017 Мороз, О. Просьюмеризм и культура потребления / О. Мороз // Постнаука. – 07.02.2017. – Режим доступа: <https://postnauka.org/video/72615>
- Моторнюк 1997 Моторнюк, І. Дискусійні проблеми періодизації історії української журналістики / І. Моторнюк // Вісник Львівського університету: Сер. журналістика. – Львів, 1997. – Вип. 20. – С. 53-58.
- Наблюдательный совет 2017 Наглядова рада затвердила місію суспільного мовлення в Україні. 2017. Режим доступа: <https://webportal.nrada.gov.ua/suspilne-movlennya/> (дата обращения 24.04.2024)

- Некрасова 2002 Некрасова, Е. С. Мифологические конструкции в советской культуре и искусстве / Е. С. Некрасова // Альманах «Studia culturae». – 2002. – Вып. №2. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/nekrasova-es/mifologicheskie-konstrukcii-v-sovetskoj-kulture-i-iskusstve> (дата обращения: 15.04.2023).
- Нечитайло 2020 Нечитайло, А. Що зробив Бандера такого, чого не робили ізраїльські, польські та інші національні провідники / А. Нечитайло // Україна молода. – 2020. – 2-3 жовтня.
- Нечиталюк 1993 Нечиталюк, М. Методологічні проблеми історико-журналістських досліджень / Українська періодика: історія і сучасність. Львів, 1993. – С.17–22.
- Онацкий 1992 Онацкий, Е. Украинская эмоциональность/ Е. Онацкий //Украинская душа. – К., 1992. – 45 с.
- ОПН 1998 Основи політичної науки : Курс лекцій за ред. Б. Кухти. Ч. 3 : Політична свідомість і культура / Б. Кухта, Л.Климанська, А.Романюк та ін. – Львів : Кальварія, 1998. – 123 с.
- Орбан 2023 Орбан заявил об утрате Украиной экономического и политического суверенитета // Международная жизнь. –

2023. – 14 августа Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/41314?ysclid=m16r5fgynd93436308> (дата обращения 23.05.2024)
- Орлова 2014 Орлова, Н. В. Становлення і формування української журналістикознавчої думки кінця XIX – початку XXI ст. (за матеріалами термінології журналістикознавства): дис. ... канд. наук із соц. наук: 27.00.04, Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка, Ін-т журналістики. – К., 2014. – 160 с.
- Остапа 2008 Остапа, С. Олександр Харченко: В УНІАН завжди була атмосфера, яка відштовхувала з колективу цензорів і зануд / С. Остапа // Телекритика. – 2008. – № 5. – С. 71 – 73.
- Павленко 2016 Павленко, О. В. Панславизм и его модели / О. В. Павленко // Новая и новейшая история. – 2016. – №5. – С. 3–15.
- Панарин 2014 Панарин, А. С. Православная цивилизация / сост. предисл. В. Н. Расторгуев / отв. ред. О. А. Платонов / А. С. Панарин. – М. : Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.
- Партико 2008 Партико, З. В. Теорія масової інформації та комунікації: навч. посібн. /З. В. Партико. – Львів: Афіша, 2008. – 309 с.

- Плотичкина
2020
- Плотичкина, Н. В. Цифровая инклюзия: теоретическая рефлексия и публичная политика / Н. В. Плотичкина // Вестник Томского государственного университета. – Философия. Социология. Политология. – 2020. – №58. – С. 216–226.
- Погорілець
2022
- Погорілець, А. ТСН: 2014 VS 2022: дещо про коректність висвітлення новин. – Режим
доступа:
<http://mediakrytyka.lnu.edu.ua/za-scho-krytykuyut-media/tsn-2014-vs-2022-descho-pro-korektnist-vysvitlennya-novyn.html> (дата
обращення 15.10.23).
- Подзюбан
2014
- Подзюбан, Е. В. Методологические положения Франца Боаса и его школы / Е. В. Подзюбан // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – №2 (45). – С. 328–331.
- Политология
2001
- Политология : Учеб. пособие для вузов / Сост. и ред. Н. Сазонова. – Харьков : Фолио, 2001. – 354 с.
- Почепцов
2002
- Почепцов, Г. Г. Семиотика / Г. Г. Почепцов. – М. : «Рефл-бук», К.: Ваклер. – 2002. – 432 с.
- Приступенко
2022
- Приступенко, Т. О. Медіарегулювання в системі інформаційного права: правовий контекст створення механізмів регулювання медій / Т. О. Приступенко // Наукові записки Інституту журналістики.

– Т. 2 (81). – 2022. – С. 23 – 33.

- Проказюк
2024
- Проказюк, А. Пес Патрон і Телемарафон: коли від пропаганди більше шкоди, ніж користі. – Режим доступа: <http://mediakrytyka.lnu.edu.ua/za-scho-krytykuyut-media/pes-patron-i-telemarafon-koly-vid-propahandy-bilshe-shkody-nizh-korysti.html> (дата обращения 26.01.2024)
- Процессы
2018
- Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография / под общ. ред. Г. И. Осадчей. – М. : Библио-глобус, 2018. – 374 с.
- Путин 2022
- Путин заявил о практически потерянном суверенитете Украины // Международная жизнь. 26.10.2022 – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/37565?ysclid=m15i3czgfm939026573> (дата обращения: 23.06.2024)
- Ритц 2023
- Ритц, Х. Борьба за Европу: Есть ли будущее у европейской культуры? / Х. Ритц. – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. – 384 с.
- Розкладай
2008
- Розкладай, І. Суспільне мовлення: мала реформа // Телекритика. – 2008. – №5. – С. 74 – 75.
- Розкошний
2005
- Розкошний, А. П. Демократія в журналістській творчості /

- А. П. Розкошний. – К.: Центр навчальної літератури, 2005. – 112 с.
- Романюк 1994 Романюк, М. Історія української преси : проблеми періодизації / Збірник праць НДЦ періодики. – Львів, 1994. – Вип.1. – С. 6 – 13.
- Рубинский 2009 Рубинский, Ю. Европейские ценности / Рубинский Ю. // Вестник Европы. – 2009. – №26–27. – С.22–39.
- Савицкий 2024 Савицкий, П. Н. Географический обзор России – Евразии / П. Н. Савицкий // Викичтение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/153908> (дата обращения: 16.04.2024).
- Самылов, Симоненко 2016 Самылов, О. В. Образование, культура и гуманность в философии И. Г. Гердера / О. В. Самылов, Т. И. Симоненко // Современные исследования социальных проблем. – 2016. – № 4–2 (28). – С. 106–114.
- Сашук 2007 Сашук, Г. Безпекові виміри телепростору: Монографія / Г. Сашук. – К. : Грамота, 2007. – 136 с.
- Седаев 2023 Седаев, П. В. Актуальность геополитических взглядов В. И. Ламанского и И. И. Дусинского на идеи панславизма / П. В. Седаев,

- С. В. Устинкин, А. С. Кочкуров // Власть. – 2023. – Том 31. – № 3. – С. 261–266.
- Серажим 2002 Серажим, К. Дискурс як соціолінгвальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність: монографія / К. Серажим. – К. : 2002.– 580 с.
- Серов 2014 Серов, А. П. Глобализация как культурный империализм? Общее и особенное в культурной глобализации / А. П. Серов // Россия в глобальном мире. – 2014. – С. 89–97.
- Серостанова 2019 Серостанова, О. Б. Влияние социальных медиа на развитие народной дипломатии в мире / О. Б. Серостанова // Донбасс в центре геополитических трансформаций: материалы Международного научно-практического форума. – Луганск: Книта, 2019. – С. 141–145.
- Серостанова 2018 Серостанова, О. Б. Обменные отношения в зеркале японской массовой культуры / О. Б. Серостанова // Межкультурные коммуникации и миротворчество: сборник статей I (IX) Международной научно-практической конференции (25-27 мая 2018 г.). – Тюмень: РИЦ ТГИК, 2018. – С. 226 –231.
- Серостанова 2021 Серостанова, О. Б. От общества потребления к обществу переживаний / О. Б. Серостанова // Материалы XIV

- Открытых Матусовских чтений (г. Луганск, 20 апреля 2021 г.) и круглого стола «История культуры Луганщины: опыт мастеров и современные достижения в области искусства». – Луганск: Изд-во ЛГАКИ имени М. Матусовского, 2021. – С. 67–70.
- Серостанова
2020 Серостанова, О. Б. Символические формы социокультурных коммуникаций : дис. ... канд. филос. : 09.00.13 / Серостанова Оксана Борисовна ; ЛГАКИ им. М. Матусовского. – Луганск, 2020. – 210 с.
- Соколова
2018 Соколова, М. Е. Культура смарт-потребления: информационно-безопасный аспект / М. Е. Соколова // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2018. – №4(35). – С. 68–99.
- Соловьев
2016 Соловьев, В. М. М. П. Погодин и славянский съезд 1867 г. / В. М. Соловьев // Вестник науки и творчества. – 2016. – С. 204–212.
- Стельмах
2024 Стельмах, М. Геноцидна війна Росії проти України: питання кваліфікації (на основі праць Тімоті Мнайдера) / М. Стельмах // Вісник Львівського університету. Серія Журналістика. – 2024. – Вип.54–55. – С. 15 – 20.
- Субочев
Субочев, В. В. Исчезновение

- 2016 суверенитета: теоретический анализ политико-правовых реалий / В. В. Субочев // Правовая политика и правовая жизнь. – 2016. – №2. – С. 13-21.
- Сумская, Сумская, А. С. Продюсирование Сумской 2019 телевизионных и видеопроектов «цифровым» медиапоколением / А. С. Сумская, П. Ф. Сумской // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2019. – № 4(34). – С. 73-82.
- Тард 1999 Тард, Г. Общественное мнение и толпа [пер. з франц. под ред. П. С. Когана]. – М. : Институт психологии РАН, изд-во «КСП +», 1999. – 414 с.
- Терещенко 2020 Терещенко, Ю. Мета – самостійність / Ю. Терещенко // День. – 2020. – 25-26 вересня.
- Ткачук 2020 Ткачук, М. Засідання першого національного столу “Культура діалогу” / М. Ткачук // Літературна Україна. – 2020. – 19 верес. – С. 3.
- Тойнби 2011 Тойнби, А. Дж. Цивілізація перед судом історії. Мир і Запад: [пер. с англ.] / Арнольд Дж. Тойнби. – М. : АСТ: Астрель; Владимир : ВКТ, 2011. – 318 с.
- Тоффлер 2005 Тоффлер, Э. Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века / Э. Тоффлер. – М. :

АСТ: Транзиткнига, 2005. – 412 [4] с.

- Убирия,
Горохов 2016 Убирия, И. Ф. Идеологизация культуры как идейная предпосылка ее милитаризации в XX-XXI веке / И. Ф. Убирия, А. А. Горохов // Русская политология. – 2016. – №1. – С. 105–113.
- Уваров 2021 Уваров, И. А. Информационная составляющая гибридных войн / И. А. Уваров // Политконсультант. – 2021. – Т.1 – №3. – Режим доступа: <https://politicjournal.ru/PDF/06PK321.pdf> свободный (дата обращения 21.03.2024)
- Указ 2021 Указ президента Российской Федерации о Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. 02 июля 2021 г. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948/ свободный (дата обращения: 21.06.2024).
- Укенов 2021 Укенов, А. С. Религия как инструмент мягкой силы в международных отношениях / А. С. Укенов // Аль-Фараби. 2021. – № 4 (76). – С. 197–207.
- Филиппов
2015 Филиппов, В. Л. Картина мира и кризис культуры: монография / В. Л. Филиппов. – Краснодар : КГУКИ, 2015. – 298 с.
- Фридман Фридман М. Капитализм и свобода /

- 2006 М. Фридман. – Новое издательство, фонд и либеральная миссия. – М., 2006. – 240 с.
- Хантингтон 2003 Хантингтон, С. Ф. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова / С. Ф. Хантингтон. – М. ; СПб. : АСТ, 2003. – 603 с.
- Хезмондалш 2018 Хезмондалш, Д. Культурные индустрии / пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. А. Михалевой / Д. Хэзмондалш. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 456 с.
- Хорина 2021 Хорина, Г. П. Идеологический компонент в современной культуре России / Г. П. Хорина // Знание. Понимание. Умение. – 2021. – №4. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/357379243_Ideologiceskij_komponent_v_sovremennoj_kulture_Rossii (дата обращения: 15.04.2024).
- Хорина 2005 Хорина, Г. П. Идеология в системе культуры: автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора философских наук: спец. 24.00.01 «теория и история культуры» / Хорина Галина Петровна; Моск. гуманитарный ун-т. – М. , 2005. – 44 с.
- Целик 2023 Целик, Т. В. Панславизм как романтический национализм. Русские идеологи и концепты / Т. В. Целик // Вестник ДонНУ. – Сер. Б: Гуманитарные

- науки. – 2023. – №4. – С. 63– 70.
- Чабаненко 2014 Чабаненко, М. Журналістика і пропаганда: у пошуках правильних рішень / М. Чабаненко // МедіаКритика. – 2014. – № 21. – С. 34 – 36.
- Чадюк 2020 Чадюк, М. Як українці створили власного колонізатора / М. Чадюк // День. – 2020. – 17–18 лип.
- Червак 2008 Червак, Б. Роздержавлення чи розбазарювання?/ Б. Червак // Телекритика. – 2008. – № 4. – С. 34 – 35.
- Чиж 2004 Чиж, І. Україна: шлях до інформаційного суспільства / І. Чиж. – К.: Либідь, 2004. – 253 с.
- Чиченина 2021 Чиченина, Л. Ностальгія за російським маскультом. Режим доступа: <https://detector.media/blogs/article/183793/2021-01-04-nostalgiya-za-rosiyskum-maskultom/> (дата обращения: 23.01.2024)
- Чумиков 2023 Чумиков, А. Н. Актуальный инструментарий информационного противоборства в «холодной», «горячей» и «гибридной» войне / А. Н. Чумиков // Наука. Общество. Оборона. – 2023. – Т. 11, – №2(35). – С. 19–19. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2023-2-19-19>. (дата обращения: 21.06.2024).

- Шевченко 2008 Шевченко, Ю. Україна-НАТО: інформаційна безпорадність / Шевченко Ю., Довженко О., Остапа С. // Телекритика. – 2008. – № 4. – С. 26–30.
- Шинкарук 2008 Шинкарук, А. Л. Європейські комунікації: культура, політика, технології: монографія / Шинкарук А. Л., Парфенюк В. М., Кац Е. Я. – Рівне, 2008. – 280 с.
- Школа 2022 Школа журналістики та комунікацій УКУ (2022), Як змінюється журналістика у час війни |SJCTeacherSeries2022 [онлайн], YouTube. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=YhZQ5bFveZI> (Дата обращения 06.01.2024).].
- Шпенглер 1993 Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. Ст. и прим. К. А. Свасьяна О. Шпенглер. – М. : Мысль, 1993. – 663 с.
- Шпенглер 1998 Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. И примеч. И. И. Маханькова / О. Шпенглер. – М. : Мысль, 1998. – 606 с.
- Эфир ЗИК 2020 Анатолий Шарий на телеканале Zic от 28.02.2020. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=7-IeS7QSVys> (дата обращения 26.06.2022)

- Юкшин 2016 Юкшин, В. Ф. Анализ современных тенденций развития отрасли культуры в России / В. Ф. Юкшин // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennyh-tendentsiy-razvitiya-otrasli-kultura-v-rossii> свободный (дата обращения: 16.04.2024).
- Юрий Макаров 2021 Юрій Макаров про телебачення 90х, розвиток вітчизняної журналістики та переваги самореалізації в Україні Режим доступа: <https://laboratoria.pro/blog/yurij-makarov-pro-telebachennya-90h-rozvytok-vitchyznyanoi-zhurnalistyky-ta-perevagy-samorealizatsii-v-ukraini> (дата обращения 24.06.2024).
- Яковец 2009 Яковець, А. Телевізійна журналістика. Теорія і практика / А. Яковець. – К.: вид. Києво-Могилянська академія, 2009. – 264 с.
- Ясно Понятно 2019 Ясно Понятно. Ни слова о Путине. Что прописали в законе о медиа. Блог Олеси Медведевой. – Режим доступа: <https://yandex.ua/video/preview/?filmId=9653833602264640556&text=олеся+медведева+ясно+понятно+что+известно+о+законопроект+о+медиа&url=http%3A%2F%2Fwww.youtube.com%2Fwatch%3Fv%3D2o8lOcfi-E> (дата обращения 27.06.2022)

- Ярославцева
2021 Ярославцева, Е. И. Феномен риска творческой деятельности: стимул или угроза. Человек в глобальном мире: риски и перспективы / отв. ред. Г.Л.Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. – М.: КАНОН+, 2021. – С. 350–359.
- Burnett 2002 Burnett, R. The global jukebox: The international music industry / R. Burnett. – Routledge, 2002. – 171 p.
- CBR 2017 CBR Staff. The 15 most iconic Marvel Superhero symbols, ranked. – Nov. 07, 2017. – Web. 21.06.2024. – URL: <https://www.cbr.com/marvel-superhero-symbols-ranked/>
- Danyk
Maliarchuk,
Briggs 2017 Danyk, Y. Hybrid War: High-tech, Information and Cyber Conflicts / Y. Danyk, T. Maliarchuk, Ch. Briggs // Connection QJ. – 2017. – 16. – № 2. – 5–24 pp. – Web. 21.06.2024. – URL: <https://connections-qj.org/article/hybrid-war-high-tech-information-and-cyber-conflicts> (дата обращения 21.03.2024)
- Gordon, Lim
2016 Gordon, I. Introduction to the special issue “Cultural industries and transmedia in a time of convergence: Modes of engagement and participation” / I. Gordon, S. S. Lim // The Information Society. – 2016. – Т. 32. – №. 5. – Pp. 301–305.

- Espresso.TV 2022 Espresso.TV Панельна дискусія «Стандарти журналістики в умовах війни» [онлайн]. YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=vEOrq_1QWd0 (Дата обращения 06.01.2024)
- Habermas 1987 Habermas, J. The theory of communicative action / Jurgen Habermas. – Polity Press, 1987 – Vol. 2 : Lifeworld and system; a critique of functionalist reason. 1. Social Sciences. – Philosophy.1. Title 2. Theirie des kommunikativen Handelns. English. – 300`1. – 457 p.
- Lee, Wellman 2012 Lee, Rainie. Networked: The New Social Operating System / Rainie Lee, Barry Wellman. – Cambridge, MA: MIT Press, 2012. – 358 p.
- Miconi 2013 Miconi, A. Bookreview. Lee Raninie and Barry Wellman, Networked The New Social operating system. Cambridge, MA: MIT Press, 2012/ 358 p. / A. Miconi // International Journal of Communication. – 2013. – № 7. – Pp. 954–959.
- Nye 2021 Nye Joseph S. Soft power: the evolution of a concept / Joseph S. Nye. Journal of Political Power. – 2021. – № 14:1. – Pp. 196-208. DOI: 10.1080/2158379X.2021.1879572
- Palfrey, Gasser 2008 Palfrey, J. Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives / J. Palfrey, U. Gasser // International Journal of

- Communication. – 2008. – № 4. – Pp.1051–1055. – Web. 21.06.2024. – URL: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/viewFile/950/474>
- Prensky 2001 Prensky, M. Digital natives, digital immigrants / M. Prensky // Horizon. – 2001. – № 9 (5). – Pp. 1–6. – Web. 21.06.2024. – URL: <https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>
- Rantanen 2006 Rantanen, T. A man behind scapes: An interview with Arjun Appadurai / T. Rantanen // Global Media and Communication. – 2006. – № 2(1). – P. 7–19. – Web. 21.06.2024. – URL: <https://helpfulprofessor.com/appaduraiscapes/>
- Roberts 1997 Roberts J.M. The Penguin History of Europe / Roberts J.M – L., Penguin Books, 1997. – P. 23
- Schulze 1995 Schulze, G. Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart (Studienausgabe.) / Gerhard Schulze. – Frankfurt a.M./ New York: Campus, 1993 // Zeitschrift für Pädagogik. – Jahrgang 41. – Heft 1. – Januar/ Februar. 1995. – Web. 21.06.2024. – URL: https://docviewer.yandex.ua/view/0/?page=1&*=Puy1vyoE53TXvC6a6CLxYRkaM557InV

Snyder 2002 Snyder T. «Genocide» and Genocide. How Putin's atrocity talk leads to atrocities», available at: https://snyder.substack.com/p/genocide-and-genocide?utm_source=%2Fsearch%2FGenocide&utm_medium=reader2 (дата обращения 23.06.2024)

Научное издание

КУЯНЦЕВА Елена Александровна
СЕРОСТАНОВА Оксана Борисовна

**РОССИЯ КАК СУВЕРЕННАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ:
КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ
АСПЕКТ**

Монография

В авторской редакции

Подписано в печать 25.11.2024. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman
Печать лазерная. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 14,88.
Тираж 500 экз. Изд. № 131. Заказ № 131.

ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
Издательство ЛГПУ
ул. Оборонная, 2, г. Луганск, ЛНР, 291011 Т/ф +7-857-258-03-20
e-mail: knitaizd@mail.ru

Издатель:

Индивидуальный предприниматель Орехов Дмитрий Александрович
291002, г. Луганск, пер. 1-Балтийский, 31
Контактный телефон: +7(959)138-82-68
E-mail: nickvnu@knowledgepress.ru